

Министерство образования и науки
Российской Федерации
КУБАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Факультет романо-германской филологии
Кафедра французской филологии

К 80-летию факультета РГФ

ДИСКУРС
В СИНТАГМАТИКЕ
И ПАРАДИГМАТИКЕ

Сборник научных трудов

Краснодар
2018

УДК 81'42(082)
ББК 81143
Д 482

Редакционная коллегия

Л.В. Бронник, Т.М. Грушевская, А.Н. Дармодехина,
В.В. Зеленская, В.В. Катермина, И.Г. Лукс, К.В. Овчарова,
Н.Ю. Фанян, И.П. Хурыз

Д 482 Дискурс в синтагматике и парадигматике: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Фанян – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. – 212 с. – 500 экз.
ISBN 978-5-8209-1480-5

В сборник вошли научные статьи, представленные на II Межвузовской научно-практической конференции «Дискурс в синтагматике и парадигматике», проведенной кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета. Он отражает спектр научных интересов молодых ученых, магистрантов, аспирантов, профессорско-преподавательского состава факультета романо-германской филологии, филологического факультета КубГУ, а также вузов г. Краснодара и Южного региона. Научные статьи характеризуют в целом междисциплинарность гуманитарного знания, конкретизируя актуальность дискурсивных исследований в различных аспектах.

Адресуется филологам, студентам, аспирантам, преподавателям гуманитарных дисциплин.

УДК 81'42(082)
ББК 81143

ISBN 978-5-8209-1480-5

© Кубанский государственный
университет, 2018

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый к вниманию читателей сборник научных трудов «Дискурс в синтагматике и парадигматике» является собой результат проведенной кафедрой французской филологии II Межвузовской научно-практической конференции, ставшей, надеемся, отныне традиционной. При определении тематики конференции мы изначально полагали, что любая тема имеет гипотетический характер, позволяя нам прогнозировать направление исследования. Первый коллективный опыт (2017) показал, что заданное направление изысканий «репрезентируется как средоточие интегративных исследований», а «результаты выполненной коллективной работы по заданной тематике подтвердили неизбежность и продуктивность подобного подхода».

На вопрос *«Что понимать под синтагматическим и парадигматическим векторами дискурса?»* мы исходили из следующего положения: «рассматривая текст как основной материал дискурса, мы представляем синтагматику текста в качестве синтагматики дискурса, поскольку, по сути, мы занимаемся интерпретацией текста; <...> Дискурс в парадигматике явлен пространством различных видов дискурса, распределенных по двум типам – институциональному и персональному» (2017).

Анализ работ привёл к следующим обобщениям. В сборник вошли работы общеметодологического, общенаучного, частнонаучного, прикладного характера, позиционирующие когнитивно-коммуникативный подход (Л.В. Бронник; Е.С. Грушевская; В.В. Зеленская; И.Г. Лукс; И.А. Канон; З.С. Касьянова; В.Б. Поповская; И.П. Хутыз).

На пересечении институционального и персонального типов дискурса находятся работы, исследующие проблемы в подвидах педагогического (дидактический дискурс – Н.Я. Письменная, О.В. Котик; К.И. Сараева), политического (публицистический дискурс – Л.Э. Гейвандян; О.А. Фарапонова), экономического и делового (дискурс переговорного процесса – С.В. Дармодехин), художественного (поэтический дискурс – А.Н. Дармодехина; проза – В.В. Зеленская, И.А. Канон; театральный дискурс – О.В. Шукшина; детективный дискурс – К.В. Затынайченко), рекламного (туристический – С.А. Погодаева; дискурс предметной области «Дегустация вина» – К.М. Гриненко, Т.М. Грушевская) дискурса.

Традиционно, если считать традицией второй опыт, отмечаем работы, объектами которых, наряду с тем или иным видом дискурса явились различные разновидности текста, а также синтагматические и парадигматические связи в текстовом пространстве в переводческом аспекте (Н.В. Александрович; Г.А. Велиева; В.Г. Гайдуков; В.М. Манакина; И.О. Королев; Д.Ю. Сизонова; С.А. Хизетль).

Дискурс в разрезе характеризуется изучением стратегического потенциала, явленного многообразием тактических ходов в различных его видах (Ю.В. Винник, К.В. Затынайченко, М.В. Шатских). Проблема речевого воздействия при этом решается на конкретном материале с точки зрения аргументативного оснащения такой разновидности дискурса, как туристический (С.А. Погодаева). Прикладное значение данного направления представлено в работе, в котором изучается характер влияния англицизмов в рекламном дискурсе на современную молодежь (В.Б. Поповская).

Исследование дискурса как продукта диахронии затрагивает различные аспекты языка – формирование лексического состава многих языков под влиянием фонетических интерпретаций (И.А. Назаренко), позиционирование статуса латинского языка как устного дискурса (К.И. Сараева; Н.Я. Письменная, О.В. Котик). Подобный ракурс исследований способствует оживлению учебного процесса относительно догматического, скучного материала. Дидактика образовательной сферы репрезентирована материалом, комментирующим лингвокультурологический компонент авторского учебного пособия по английскому языку (Н.Т. Агафонова).

Таким образом, на вопрос «Что есть дискурс в синтагматике и парадигматике?», мы вновь отвечаем: «рассматриваемый в таком ракурсе, дискурс представляет интегративное пространство пересекаемых видов и типов дискурса в различных измерениях, внутри которого логическим образом разворачивается картина текстовых и языковых категорий в различных аспектах» (2017).

Н.Ю. Фанян

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ
УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ
“WELCOME TO THE ENGLISH-SPEAKING WORLD!”**

Н.Т. Агафонова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена критериям отбора страноведческого материала для пособия, знакомящего с реалиями страны изучаемого языка. Знание их помогает решить проблему эквивалентного и адекватного понимания текста. В статье рассматриваются реалии: свойственные лишь одному языковому коллективу; присутствующие в обоих языковых коллективах, но не имеющие наименования в одном из них; разные реалии, имеющие сходные функции в разных обществах, и сходные, но функционально различные реалии.

Ключевые слова: лингвокультурология, реалии, эквивалентное и адекватное понимание, культурологическая значимость, фоновые знания, страноведение, межкультурная коммуникация.

Лингвокультурология – направление в лингводидактике, сочетающее в себе элементы лингвистики (изучение языковых единиц) с элементами страноведения (изучение реалий культуры страны) через обозначающие их слова. В своем развитии лингво-страноведение прошло путь от общего страноведения к собственно лингвокультурологии – обучению элементам культуры через язык и в процессе обучения языку.

Учебное пособие “Welcome to the English-Speaking World!” [1], отражает содержание и тематику социально-культурной сферы общения. В основу создания учебного пособия положен тот факт, «что изучение мира носителей языка направлено на то, чтобы понять особенности речеупотребления, дополнительные смысловые нагрузки, политические, культурные и исторические и тому подобные коннотации единиц языка и речи. Особое внимание уделяется реалиям, поскольку глубокое знание реалий необходимо

для правильного понимания явлений и фактов, относящихся к повседневной действительности народов, говорящих на данном языке» [5, с. 31].

Реалии – это предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слов. Знание реалий обеспечивает решение целого ряда проблем, в частности, главной проблемы – эквивалентного и адекватного понимания текста, поэтому оно выступает и в качестве лингвистической основы перевода. Так, например, легко сделать ошибку, если не знать, что английская *public school*, в отличие от американской, не «общественная», а, наоборот, частная школа, что *black-tie* не просто «черный галстук-бабочка», а вечерний туалет (для мужчин – смокинг, для женщин – длинное платье), а *boxing-day* не имеет никакого отношения к боксу.

При сопоставлении языков и культур выделяются реалии, совпадающие и несовпадающие. Реалия может быть свойственна лишь одному языковому коллективу, а в другом полностью отсутствовать: *Shadow Cabinet* – кабинет министров оппозиционной партии Великобритании, ам. *drug-store* – аптека – закусочная; магазин, торгующий лекарствами, косметикой, журналами, мороженым, кофе и т.д. Реалия может присутствовать в обоих языковых коллективах, но в одном из них она не отмечается специально, то есть не имеет наименования. Например, в русском языке пальцы на руках и на ногах называются одинаково. В английском языке на руках 4 пальца – *fingers*, большой палец – *thumb*, а на ногах – *toes*. Следует отметить, что в разных обществах сходные функции осуществляются разными реалиями (функциональное подобие разных реалий). Когда книги о Гарри Поттере издавались в Америке, в оригинальном тексте были сделаны некоторые изменения. Сравним английское [7] и американское издания [8]:

Philosopher's Stone	Sorcerer's Stone
toilet	bathroom
wardrobe	closet
jumper	sweater и т.д.

И, наконец, сходные реалии могут быть функционально различны – англ. *decade* – 10 лет, русская декада – 10 дней; в Австралии *station* – это большая ферма. *Green-card*: в Британии – зеленый документ, выдаваемый страховыми компаниями как сви-

детельство страховки для езды на машине в других странах; в США – официальный документ, необходимый для иностранцев, приехавших работать в США.

Культурологическая значимость материала, степень его насыщенности реалиями, персонажами, образами, географическими названиями и т.д. должны стать, по нашему мнению, одним из главных критериев отбора материала. При отборе текстов, подлежащих изучению, не опускались трудные для понимания фразы и реалии, чтобы учить студентов их пониманию, т.к. культурологическая ценность материала определяется не только наличием в нем информации о стране и народе-носителе языка, но и особенностями восприятия действительности через отраженное в языке мировоззрение автора.

На наш взгляд, целесообразно, прежде всего, отобрать реалии, затем – в лингводидактических целях – сгруппировать их по тематически-смысловому принципу. Однако уже сам отбор реалий представляет известную трудность, т.к. не просто решить, что отнести к культурологически значимым фоновым знаниям. Пособие “Welcome to the English-Speaking World!” включает текстовый материал, представленный 6-ю тематическими разделами. Первые три раздела знакомят студентов с историей, географией, политическим устройством и современной жизнью Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Четвертый раздел “Do you also speak English” включает материал об английском языке вообще, о его вариантах, используемых за пределами Соединенного Королевства, и о других языках, на которых говорят жители Британских островов и стран Британского Содружества. В пятом разделе “What's in a name?” идет речь о таких понятиях языкознания как топонимика и ономастика, а именно, рассказывается о происхождении и значении имен людей, названий некоторых британских графств и американских штатов, здесь же приводятся примеры одного из распространенных путей пополнения лексики – перехода имен собственных в имена нарицательные. Шестой раздел “As you like it?” дает возможность отдохнуть, развлечься и повторить некоторую информацию, изложенную в данном пособии – это раздел тестов и кроссвордов. Специалисты по культурологии [2; 3; 6] к значимым относят только те знания о стране, которые актуальны в массовом, обы-

денном сознании среднего носителя языка. Задача составителя пособия в данном случае затруднена тем, что ни по одному языку нет отобранного минимума таких знаний, которыми владеет средний представитель данного этнического коллектива. Автору учебного пособия по межкультурной коммуникации приходится на время стать этнографом, историком и самому получить пусть неполное описание тех страноведческих знаний, которые составляют «культурный фон» речевого общения представителей данного общества. Без них, к сожалению, преподаватель, работающий с текстами по культурологической тематике, не всегда может увидеть в тексте реалию и связанные с нею коннотации.

Следует отметить, что среди лексических групп, в которых шире всего представлены коннотативные реалии, можно выделить: анималистические символы (единорог и лев – британский королевский символ, где лев представляет Англию, а единорог – Шотландию, в то время как символ Уэльса – дракон); вегетативные символы (роза – национальная эмблема Англии, чертополох – Шотландии, нарцисс и лук-порей – Уэльса, кленовый лист – символ Канады и т.д.) и цветовую символику (цвета американского флага – красный, белый, синий – символизируют США независимо от того, что окрашено в эти цвета).

Встречаются также фольклорные, исторические и литературные аллюзии. В них содержатся намеки на образ жизни, поведение и т.д. исторических героев, литературных персонажей, на исторические события, мифы, предания. Так, например, персонаж книги «Алиса в стране чудес» Шалтай-Болтай англ. – *Humpty Dumpty* – герой детского стишка-загадки, посвященного королю Ричарду III, который в 1485 году действительно упал со стены крепости. А выражение «Алиса в Зазеркалье» – стало медицинским термином. Липкая лента «Скотч» получила название из-за якобы скупости шотландцев, так как первый скотч в целях экономии был покрыт клеем только по краям.

В американском варианте английского языка, по данным американских ономатологов, в числе фамилий исторических личностей, получивших определенные ассоциации, отмечаются: Рокфеллер – символ богатства, Линкольн – олицетворение честности. Примером подобной аналогии может служить эпоним –

слово-имя, превратившееся в имя-образ, ставшее носителем черт прототипа: хулиган, сэндвич, Джон Буль и др.

Сюда можно отнести и разнообразные прозвища (Nick-names). Следует отметить, что «навешивание ярлыков» характерно не только по отношению отдельных людей, прозвище могут иметь и местности, и целые нации, и народы. Например, австралийцев называют *Aussie*, а их страну *Upside Down*. Что такое “*Other 48*”? Так называют основную территорию США жители Аляски. А вот новозеландцы сами себя называют с гордостью *Kiwi*, а свою страну *Godzone* (искаженное *God's own*). Все американские штаты тоже имеют прозвища. Так, например, штат Юты называют *Beehive State*, т.к. улей – символ трудолюбия мормонов, основавших Солт-Лейк Сити; Массачусетс – *Baked Beans State* (штат пареных бобов). Пареные бобы – историческое прозвище жителей Бостона, Массачусетс, которое связано с их пуританской традицией по воскресеньям питаться заранее приготовленными бобами, чтобы не нарушать церковных запретов даже приготовлением пищи в этот день [4, с. 305, 308].

Наряду с лексикой объектом сопоставительной культурологии выступают также правила речевого этикета, принятые в данной этнолингвистической общности, и правила неречевого поведения в различных ситуациях общения, включая рутинное поведение. Так, например, в пособии приведены стандартные правила поведения в Канаде. К проблематике, связанной с рутинным поведением, относятся суеверия, в том числе и традиционные, т.е. такие, которые уже никто не воспринимает всерьез, но которые тем не менее продолжают оказывать определенное влияние на поведение. Так, чтобы избежать несчастья, о котором они только что упомянули, американцы, англичане, да и мы стучим по дереву. Американцы говорят: “*Knock on wood*”, англичане – “*Touch wood*”, а мы говорим, стуча по дереву, «*Чтобы не сглазить*». И у нас, и в Британии плохими приметами являются рассыпанная соль и разбитое зеркало. А вот черная кошка, перешедшая дорогу, приносит британцам удачу. Но они не берут последний кусок хлеба с тарелки, скрещивают пальцы, если встретятся с кем-нибудь на лестнице и пропускают в нумерации гостиничных номеров цифру 13.

В конечном счете, как мы видим, объектом сопоставления выступает вся культура изучаемого языка, противопоставленная культуре родного языка.

Список литературы

1. *Агафонова Н.Т.* Welcome to the English-Speaking World! Краснодар: КГУФКСТ, 2011. 137 с.
2. *Леонтович О.А.* Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград: Перемена, 2003. 399 с.
3. *Ощепкова В.В.* Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. М.: Глосса, СПб.: КАРО, 2014. 366 с.
4. *Письменная О.А.* Окна в англоязычный мир. М.: Славян. дом кн.: ИП Логос, 2004. 535 с.
5. *Тер-Минасова С.Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 261 с.
6. *Bryson B.* Mother Tongue: The English Language. London: Hamish Hamilton, 1990. 269 p.
7. *Rowling J.K.* Harry Potter and the Philosopher's stone. London: Bloomsbury, 1997. 223 p.
8. *Rowling J.K.* Harry Potter and the Sorcerer's Stone. New York: Scholastic, 1999. 320 p.

LINGUACULTURAL COMPONENT OF THE TEXTBOOK “WELCOME TO THE ENGLISH-SPEAKING WORLD!”

N.T. Agafonova

Kuban State University, Krasnodar

The article considers the criteria of linguacultural material for the textbook which provides information about culture-specific concepts of the target-language country. Knowing them helps solve the problem of equivalent and adequate text understanding. The article examines the following: culture-specific concepts being common only for one speech community; existing in both speech communities but without having the name of the concept in one of the communities; different culture-specific concepts having similar functions in different communities and similar culture-specific concepts with different functions.

Index Terms: cultural linguistics, culture-specific concepts, equivalent and adequate text understanding, linguacultural significance, background knowledge, linguacultural studies, intercultural communication.

Об авторе:

Агафонова Наталья Тимофеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: theory@rgf.kubsu.ru

УДК 81'25

АВТОРСКАЯ МЕТАФОРА В НАЗВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА КАК ЕДИНИЦА ПЕРЕВОДА

Н.В. Александрович

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются варианты перевода авторской метафоры в названии романа Д. Лихэйна “Shutter Island”. В результате компонентного анализа обосновывается использование полного перевода (с сохранением семантики и структуры) авторской метафоры.

Ключевые слова: художественный текст, перевод, авторская метафора, единица перевода.

При переводе художественного произведения особое внимание уделяется тропам как средству проявления яркой индивидуальности автора и, следовательно, ключу к передаче оригинального стиля. Среди тропов важнейшее место занимает метафора, поскольку именно она, как доказали Дж. Лакофф и М. Джонсон, обеспечивает понимание [4, с. 62]. Существует несколько классификаций метафор отечественных (Н. Д. Арутюнова, В.Н. Телия и др.) и зарубежных (Д. Лакофф и М. Джонсон, П. Ньюмарк) авторов, основанных на функциональном, структурном и семантическом принципах, что указывает, с одной стороны, на перма-

нентный интерес к метафоре и на методологические трудности изучения и перевода, с другой. Эти причины обусловили актуальность выбранной темы.

В исследовании ставилась цель – рассмотреть авторскую метафору в названии художественного произведения как единицу перевода. В транслатологии определение единицы перевода достаточно многообразно, поскольку она выявляется, как указывает В.Н. Комиссаров, именно в процессе перевода, а, значит, это может быть и морфема, и целый текст. В.Н. Комиссаров предлагает четыре способа выделения единицы перевода, из которых для художественного произведения наиболее подходит такой, когда «единицей перевода можно считать минимальную языковую единицу текста оригинала, переводимую как одно целое в том смысле, что в тексте перевода нельзя обнаружить единиц ПЯ, воспроизводящих значение составных частей данной единицы, если таковые у нее имеются» [2, с. 187].

Материалом исследования стал роман современного американского писателя Денниса Лихэйна “Shutter Island” (2003) и его перевод, выполненный автором статьи. Российский читатель знаком, скорее, с киноверсией романа, снятой Мартином Скорсезе и получившей в прокате название «Остров проклятых». Действие романа происходит в бостонской гавани на острове Shutter, где находится больница для душевнобольных преступников. Главный герой книги – пациент больницы Тедди Дэниелс, бывший маршал США, ветеран Второй мировой войны, страдающий посттравматическим синдромом (психологическое состояние, которое возникает в результате психотравмирующих ситуаций, например, у участников боевых действий после окончания войны). Предметно-логическая информация текста заключается в том, что для возвращения Дэниелса к реальности врачи применяют игровую имитацию расследования, в результате которой к маршалу, действительно, возвращается память и сознание, но жить, помня, что стал убийцей, он не может и не хочет, а потому принимает решение подвергнуться лоботомии.

Выбор хронотопа-острова – традиция, связанная в англоязычной литературе с именами Т. Мора, У. Шекспира, Д. Фаулза, У. Голдинга, Г. Уэллса, Т. Гарленда и др. Название книги “Shutter Island” (сильная позиция текста) представляет композиционную и

сюжетную метафору. Как отмечает В.К. Харченко, если в сильных позициях удачно употреблены метафоры, то эти метафоры развивают в себе кодирующие свойства [9]. Таким образом, работа переводчика с метафорами представляет двойное декодирование – кода исходного языка и кода авторской метафоры.

Рассмотрим, что же кодируется в названии книги. Английские словари [11, с. 861; 12, с. 802] предлагают следующие определения слова *island*: 1) a piece (tract) of land (usually of moderate extent; smaller than a continent) (which is) (completely; entirely) surrounded by water – часть суши (обычно небольшого размера; меньше, чем континент), полностью окруженная водой; 2) anything (isolated) like (compared to) an island – что-либо (изолированное), наподобие острова; 3) a piece (patch) of (wood-)land differentiated from (surrounded by) the surrounding area (prairie; flat open country) – часть (клочок) земли (леса), отделенная (окруженная) другим пространством (прерия, плоская открытая местность).

Компонентный анализ слова *island* обнаруживает, что в его состав входят семы «земля», «вода», «окружение», «изоляция», «граница». С этим словом связано представление носителя английского языка о некотором изолированном пространстве, имеющем качественные различия и границы с другим пространством (пространствами).

Рассматривая концепт «островность» в англоязычной литературе, А.В. Луговской указывает на наличие в его содержании универсально-архетипических признаков, которые проявляются, «во-первых, через изучение выделяемых в его семантике стихий, воды и суши, и, во-вторых, через рассмотрение проблемы окруженности, отграниченности как важной архетипической категории» [5, с. 177]. «Островность» нашего сознания – это поиск утраченной когда-то земли и обретение ее снова» [5, с. 178].

По наблюдениям М.М. Маковского, в индоевропейских языках намечается следующая цепочка значений: «двигаться, передвигаться» > «река, вода» (символ спасения, второго рождения) > «душа» («человек») > «новый, свежий» («воскресший к жизни из смерти» или «перешедший к смерти из жизни») [6, с. 194]. Эта семантическая цепочка отчетливо прослеживается и в романе Лихэйна, однако автор интерпретирует конечное звено по-своему.

Очевидно, что и в книге Д. Лихэйна прибытие героя на остров – это обряд перехода из одного пространства в другое, где действуют иные законы. Это не только физическое перемещение, но и духовная трансформация, результатом которой становится коренная перестройка личности, вплоть до ее разрушения, что и происходит в финале романа. Книга Лихэйна отличается в этом плане только тем, что герой идет на эту перестройку, а фактически отказывается от собственной личности, приняв сознательное решение подвергнуться лоботомии.

Ср.: *“Teddy nodded and leaned back against the stairs. He had a minute. Maybe even a few minutes. He watched Chuck raise his hand and shake his head at the same time and he saw Cawley nod in acknowledgment and then Cawley said something to the warden and they crossed the lawn toward Teddy with four orderlies falling into step behind them, one of the orderlies holding a white bundle, some sort of fabric, Teddy thinking he might have spied some metal on it as the orderly unrolled it and it caught the sun.*

Teddy said, ‘I don’t know, Chuck. You think they’re onto us?’

‘Nah.’ Chuck tilted his head back, squinting a bit in the sun, and he smiled at Teddy. ‘We’re too smart for that’.

‘Yeah,’ Teddy said. ‘We are, aren’t we?’ ”

«Тедди кивнул и прислонился к лестнице. У него есть минута. Может, даже несколько минут. Он наблюдал, как Чак поднял руку и одновременно покачал головой, и Коли в подтверждение кивнул, а потом Коли что-то сказал начальнику и они с четырьмя санитарами на шаг сзади пошли по газону к Тедди. У одного санитаря был в руках белый сверток – похоже на ткань, Тедди даже подумал, что в нем спрятано что-то металлическое, санитар раскрыл его и это что-то блеснуло на солнце.

Тедди сказал: “Даже не знаю, Чак. Думаешь, они нас засекли?”

“Не-а, – Чак запрокинул голову, прищурился на солнце, и улыбнулся Тедди. – Мы для них слишком умные”.

“Да-а, – ответил Тедди. – А разве нет?”»

Интересно сравнить книгу и фильм М. Скорсезе, в котором финальная фраза героя, отсутствующая в книге («Что лучше: жить монстром или умереть человеком?») моментально уп-

рощает развязку и переставляет акценты с эмоционально-психологического в книге на воспитательно-нравственный в кино. В работе переводчика такая произвольная замена недопустима, поскольку важно, чтобы языковая личность автора оставалась на первом плане, а не вступала в конфликт, по выражению Т.А. Казаковой [1], с языковой личностью переводчика.

Название же острова, где происходят события, многозначно и символично: на Земле все материки окружены водой, т.е. являются островами. Остров связан в нашем представлении с чем-то таинственным. К.Г. Юнг сравнивает с островом психический мир человека: «Психика настолько выходит за пределы сознания, что его легко можно сравнить с островом в океане. Остров не велик, узок, океан безмерно широк и глубок. Поэтому не так уж важно, если речь идет о пространственном местоположении, где находятся боги – вовне или внутри» [10]. Очевидно, что все эти смыслы в комплексе и составляют авторскую интенцию. Более того, эта интенция усиливается названием острова – Shutter.

Слово “shutter” в английском языке – это 1) ставень, 2) затвор, прикрывающий отверстие для стрельбы из орудий в борту судна, 3) заслонка, 4) предохранитель, 5) задвижка [7, с. 670]. Семантика этого имени связана с основным признаком – «изоляцией от остального (внешнего) мира» и периферийными – «границей», «закрытостью», «опасностью», «неожиданностью».

Ср.: *“Out past them all, the one they called Shutter lay like something tossed from a Spanish galleon. Back then, in the spring of '28, it had been left to itself in a riot of its own vegetation, and the fort that stretched along its highest point was strangled in vines and topped with great clouds of moss.*

‘Why Shutter?’ Teddy asked. His father shrugged. ‘You with the questions. Always the questions.’ ‘Yeah, but why?’ ‘Some places just get a name and it sticks. Pirates probably.’ ‘Pirates?’ Teddy liked the sound of that. He could see them – big men with eye patches and tall boots, gleaming swords. His father said, ‘This is where they hid in the old days.’ His arm swept the horizon. ‘These islands. Hid themselves. Hid their gold.’ Teddy imagined chests of it, the coins spilling down the sides.”

«Далеко за ними лежал еще один остров, как будто сброшенный с испанского галеона, под названием Остров-ставень».

“Почему ставень?” – спросил Тедди.

Отец пожал плечами. “Ну, у тебя и вопросы. Вечно ты со своими вопросами”.

“Да, но почему?”

“Иногда какому-нибудь месту дадут имя, оно и пристанет. Может, это пираты”. – “Пираты?” – Тедди понравилось, как это звучит. Он увидел их – великанов с повязками на глазах, в высоких сапогах, с блестящими шпагами.

Отец сказал: “Когда-то они здесь прятались”. Его рука коснулась горизонта. “На этих островах. Сами прятались и прятали золото”.

Тедди вообразил сундуки с золотом, которое пересыпалось через край».

Так, объединение двух сходных по семантике лексем в одну метафору – название хронотопа удваивает эффект воздействия на читателя и усложняет задачу переводчика. Представляется, что киновариант «Остров проклятых», имеющий эффектную форму и собственную логику, все же уводит реципиента от авторского содержания.

Согласно доктрине разделения мира на светлое и темное, есть острова Блаженных и есть острова Проклятья. На островах Проклятья путника подстерегают колдовство, опасности и угроза смерти. В индуистских учениях говорится о золотом острове Блаженных, чьи берега усеяны драгоценностями. Отсюда, возможно, и происходит название острова Сокровищ. Мотив острова Сокровищ, очевидно, находит место и в романе Лихэйна.

В русскоязычных словарях [8] «проклятый» – значит, 1) ненавистный, прокливаемый; 2) надоевший и вызывающий досаду, злобу; 3) получивший проклятие, анафему. «Проклинать» – выражать сильное недовольство, возмущение кем-либо, чем-либо; бранить кого-либо, что-либо, однако такое значение в самом романе не подкрепляется. Только в словаре В.И. Даля можно найти значение «проклинать» – в гражд. быту: лишать благоволения; изгонять от себя, лишая наследия и всякого общения; ругать, по-

носить, призывать на кого бедствия, желать кому-либо зла, ненавидеть [8].

Название «Остров проклятых» переносит фокус книги на душевнобольных преступников, которых общество отвергло и «лишило всякого общения», что, казалось бы, соответствует содержанию книги. Однако в романе подробно описаны преступления, из-за которых персонажи изолированы от общества, причем отношение медперсонала к ним достаточно гуманное, а методы лечения индивидуальные. Кроме того, на острове живут сотрудники клиники, которые представляют не безликую массу, а в большинстве симпатичных персонажей, которые в книге описаны достаточно подробно. Иначе говоря, обобщающее название «Остров проклятых» перемещает акценты восприятия текста в иную, уходящую от авторской, плоскость и сводит многоуровневое содержание книги к описанию существования душевнобольных преступников, которых общество изолировало и отвергло.

Представляется, что в данном случае возможен и необходимый полный перевод, то есть такой прием, «при котором в тексте перевода сохраняется семантика и структура метафоры, а лексические значения словосочетаний вызывают одинаковые ассоциации у представителей обоих языков, что позволяет использовать их в качестве эквивалентов» [3, с. 76]. Полный перевод авторской метафоры, а именно, вариант «Остров-ставень» максимально передает авторскую интенцию.

Список литературы

1. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика: Учебник. СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. 544 с.
2. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные отношения, 1973. 215 с.
3. Куниловская М.А., Короводина Н.В. Авторская метафора как объект перевода // Научный журнал № 4 (23) / Под ред. Селютина А.А. Челябинск, 2010. С.73–82.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиторал УРСС, 2004. 256 с.
5. Луговской А.В. Архетипический компонент в содержании концепта островность (на материале английской художест-

венной литературы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1(61). Т. 4. С. 176–180.

6. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1996. 416 с.

7. *Мюллер В.К.* Новый англо-русский словарь. М.: Русский язык, 2002. 880 с.

8. Словари русского языка. (Электронный ресурс) // URL: <http://www.sovslov.ru/tolk/proklinaty.html> (Дата обращения: 05.02. 2018).

9. *Харченко В.К.* Функции метафоры. (Электронный ресурс) // URL: <https://studfiles.net/preview/3962920/page:53/> (Дата обращения: 05.02. 2018).

10. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. (Электронный ресурс) // URL: <http://azps.ru/hrest/93/1968440.html/> (Дата обращения: 09.01. 2018).

11. Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Pearson Education Limited, 1995. 1668 p.

12. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second edition: International Student Edition. Oxford: Macmillan Publishers Limited, 2005. 1750 p.

Источники

Д. Лихэйн. Остров-ставень. URL: <https://vk.com/id240244811> (Дата обращения: 05.02.2018).

D. Lehane. Shutter Island. N.Y.: Harper Collins, 2003. 385 p.

AUTHOR'S METAPHOR IN THE TITLE OF THE LITERARY TEXT AS A UNIT OF TRANSLATION

N.V. Aleksandrovich

Kuban State University, Krasnodar

The article examines means of translation for the author's metaphor in the title of the modern American novel "Shutter Island" by Dennis Lehane. The component lexical and semantic analysis helps to select adequate means for the author's metaphor translation.

Index Terms: literary text, translation, author's metaphor, translation unit.

Об авторе:

Александрович Наталья Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: nataliaaleks@mail.ru

УДК 81.119

ДИСКУРСИВНЫЙ АКТ КАК МИНИМАЛЬНАЯ ЕДИНИЦА ДИСКУРСА

Л.В. Бронник

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье предпринимается попытка описать дискурсивный акт как минимальную единицу дискурса. Утверждается, что дискурсивные акты образованы грамматическими единицами разного плана и сами являются «строительным материалом» для вышележащих дискурсивных образований. Проблема разграничения дискурсивных актов между собой решается путем сегментации речи на высказывания как предикативной, так и непредикативной природы.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный акт, речевой акт, минимальная единица дискурса, функциональная грамматика, эмерджентная грамматика, конверсационный анализ, когнитивная грамматика.

Наука о языке показала, что дискурс не является одноуровневым явлением, в нем выделяют образования различного объема. В рамках данной статьи мы попытаемся описать дискурсивный акт (ДА) как минимальную единицу дискурса. Понятие ДА, как известно, производно от речевого акта (РА), введенного в научный обиход философом обыденного языка Дж. Остином. Его идеи, получившие затем развитие в работах Дж.Р. Серля, оказали значительное влияние на становление дискурсивных исследова-

ний (подробнее см. [9]). Вместе с тем по мере углубления научных представлений о реалиях повседневного общения все очевидней становилась несостоятельность некоторых положений классической теории РА в общем и понятия РА в частности.

Анализ контекстов употребления термина «дискурсивный акт» выявил факт его семантической неоднозначности. Ко всему прочему, в альтернативных концепциях используется целый ряд синонимичных понятий. Долгое время наиболее общепризнанным образцом служил РА, на семантику которого впоследствии наслоились различные дополнительные смыслы. Постепенно в качестве прототипичных стали восприниматься свойства дискурсивных структур, но вот ядро понятия «минимальная дискурсивная единица», его «лучший пример», только еще формируется в конкуренции подходов. На данный момент нельзя, как нам кажется, говорить о преобладающей популярности какого-либо «кандидата». Исходя из того, что ДА в полной мере относится к понятиям с нечеткими границами, объем и содержание которого зависят от выбранной исследователем позиции, мы обозначим лишь некоторые параметры ДА, актуальные для анализа дискурса.

Определение единицы общения всегда явно или неявно зависит от того, как ее рассматривает исследователь относительно двумерной системы координат. В этом двухкоординатном пространстве вертикаль отображает иерархическое положение в системе уровней, а с горизонталью ассоциируются отношения уровневой однопорядковости. В первом случае проблема определения сводится к разграничению уровней, а во втором уточняется принцип сегментирования речевого потока на минимально значимые отрезки [2, р. 1]. В контексте поставленной нами задачи интерес представляют оба подхода.

Первый вопрос активно обсуждается представителями функциональной грамматики, ее модернистского крыла, пытающегося преобразовать функционально-грамматическую модель предложения в более широкую дискурсивную структуру. В рамках этого проекта дискутируется возможность совмещения наименьшей единицы дискурсивной структуры с высшим уровнем структуры клаузы (минимальной предикации). В частности, в модели К. Хенгевельда заложен именно такой вариант граммати-

ко-дискурсивного перехода. Минимальной структурой дискурса в ней рассматривается РА [Ibid.].

Ему оппонирует К. Крун, которая выводит РА, реализуемый отдельной клаузой (главным или придаточным предложением), из разряда коммуникативных единиц дискурса. В ее представлении наименьшее речевое действие совершается в рамках ДА. В своей аргументации она апеллирует, в частности, к противоречию в системе корреляций «лексико-грамматическая форма – коммуникативная функция», указывая на существование непредикативных конструкций, которые хотя и не несут иллокутивную нагрузку (значит, не являются РА), но тем не менее содействуют развитию дискурса. В примере *That man, he is a liar* присутствует, согласно К. Хенгевельду, только один РА. К. Крун выделяет здесь два ДА. Часть *That man* функционирует по отношению к центральному ДА *he is a liar* как вспомогательный ДА, уточняющий его смысл [8, р. 27–28]. ДА в подобной трактовке занимает промежуточный уровень между РА, который выполняет иллокутивную функцию посредством предикативных структур-клауз, и коммуникативным ходом, реализующим коммуникативную интенцию говорящего и включающим один ДА (тогда ДА равен коммуникативному ходу) или последовательность нескольких ДА до очередной смены ролей в диалоге. В этой последовательности один ДА определяется как главный, а все остальные – как вспомогательные. Назначение ДА, по мнению К. Крун, – служить риторическим инструментом, способствуя сцеплению с другим актом и тем самым разворачиванию коммуникативного хода в целом [7, р. 75].

Что эвристически полезное видится в функционально-грамматических моделях дискурса? Во-первых – различение ДА как структурного элемента дискурса. Во-вторых – указание на связь между грамматикой и дискурсом. Вместе с тем функционально-грамматический подход к дискурсу содержит некоторые противоречия. Остановимся лишь на одном из таких моментов. Функциональная грамматика дискурса базируется на существовании априорных статичных правил, регулирующих комбинаторику языковых знаков в реальном употреблении. Эти закономерности ученые пытаются извлечь из дискурсивного материала. Отсюда замешательство при столкновении с фактами арегулярного

характера, например: могут ли непредикативные синтаксические конструкции выражать РА?

Считается, что потребность в дискурсивно-ориентированной грамматике была мотивирована именно проблемами функционального описания единиц больших или меньших, чем клаузы [3, р. 3]. Если исходить из эмерджентной трактовки грамматики, то отнесение РА к абстрактной системе противоречит дискурсивной природе грамматического: языковая структура возникает в дискурсе и оформляется в процессе дискурса. Привычная грамматика – это просто названия для категорий, наблюдаемых исследователями повторений в дискурсе [5, р. 156]. Важным для нас следствием такой установки является требование распознавать иллокутивную функцию только в контексте. Соответственно, разведение К. Крун ДА и РА представляется несколько надуманным, искусственным, призванным устранить логическое противоречие в разрабатываемой ею концепции. Мы поэтому более склонны поддержать К. Хенгевельда в том, что акт как минимальная единица коммуникации должен быть определен в терминах дискурсивной структуры. Оговорим, однако, что термин «дискурсивный акт» предпочтительнее из-за возможных нежелательных ассоциаций с ортодоксальным истолкованием РА по Остину – Серлю. Откажемся также и от жесткой привязки акта исключительно к предикативным структурам. В отечественном языкознании по этому поводу распространено мнение, что высказыванием, речевым произведением можно считать любую сообщающую единицу – «как грамматически оформленное предложение, так и (при соответствующем интонационном оформлении) единицу, грамматическим предложением не являющуюся» [1, с. 8].

Чрезвычайно богатый и релевантный материал для анализа видимой, поверхностной структуры дискурса накоплен в исследованиях бытового диалога. Принципиально важным является то, что на социальном уровне дискурс разворачивается в линейной последовательности: одновременно может говорить только один дискурсант [6, р. 118]. Это подтверждает мысль о том, что речевой поток дискурса нужно членить на отрезки. Аналитики диалога предпочитают в эмпирических исследованиях следовать естественному ходу разговора, в котором уже присутствует формальное разбиение на сегменты, справедливо предполагая в этом

глубокий смысл: «аспекты языковой структуры предназначены для разговорных нужд» [10, р. 722]. В таком случае позиция наблюдателя (ученого) совпадает с позицией другого участника разговора, традиционно именуемого слушающим. Исследователь пытается провести анализ, отталкиваясь от того, какой смысл слушающий может извлечь из конкретного речевого действия говорящего.

Среди проблематики, затрагиваемой в рамках конверсационного анализа, решается, в частности, актуальный для нас вопрос выбора единицы нижнего уровня дискурса. Если грамматисты ориентированы на построение моделей снизу вверх, от грамматики к дискурсу, то Дж. Синклер и его коллега-единомышленник М. Култхард, разработавшие в соавторстве популярную иерархическую модель дискурса (из соображения экономии места расположим ее компоненты в линию) «акт → ход → обмен → транзакция → событие» (именно ее заимствовали для построения функциональной грамматики дискурса К. Хенгевельд и К. Крун), пришли к понятию ДА от структур, значимых в социальном масштабе, анализируя речевое событие школьного урока. Испытывая трудности в кодировании, они высказались за необходимость различения единиц самого нижнего ранга – ДА, за которыми следует уже собственно грамматический уровень [11, р. 4]. При этом отмечается, что не существует однозначных соответствий между ДА и структурами грамматики – они могут быть представлены и словом, и словосочетанием, и предикативной единицей [Ibid, р. 2].

О минимальной коммуникативной единице говорят представители немецкого крыла анализа диалога (*Gesprächsanalyse*) Г. Хенне и Г. Ребок. Они называют ее в духе терминологической традиции разговорным актом (*Gesprächsakt*) и относят к разряду речевых или жестово-мимических структур, выполняющих в каждом конкретном случае употребления в разговоре особую коммуникативно-планирующую роль. РА понимается как часть (вербальная или просодическая) разговорного акта [4, s. 175–176]. Заметим, что подобный подход, состоящий в разграничении РА и более крупной акциональной структуры (в немецкой версии – разговорного акта), близок позиции К. Крун, распознающей ДА по его тактическому вкладу в развитие дискурса. РА, по мнению упомянутых выше исследователей, такой способности лишен.

В свете дискуссии об интеракциональной сущности дискурса остается неясность относительно акта как его минимальной структурной единицы. Сформулируем проблему так: ДА – это акциональная или интеракциональная структура? Задача имеет и собственно познавательную сторону, связанную с выбором позиции научного наблюдения – идентифицировать ли себя с говорящим, слушающим (ДА как инициативное действие/ответное действие) или посмотреть на их взаимодействие как стороннее третье лицо (ДА как взаимодействие). Вопрос этот принципиален, так как от ответа на него напрямую зависит результат моделирования. Для нас интересен ракурс говорящего, который представляет его когнитивная система. Ее функционирование протекает во внешней социокультурной реальности, где она взаимодействует с другой системой того же уровневого порядка – сознанием слушающего. ДА не подменяет собой такую интеракциональную структуру дискурса, как обмен, или, по другой терминологии, диалогическое единство, а входит в него на правах части. Отличие ДА от обмена заключается в том, что сохраняется индивидуалистская перспектива анализа. На самой низкой ступени социальной иерархии есть отдельные личности, но нет еще социальных структур, например малой дискурсивной группы. На этом уровне присутствуют два взаимодействующих индивида. Взгляд исследователя в данной работе совмещен с системой координат говорящего, в которой его позиция фиксирует центр, точку отсчета дискурсивного события.

О том, что единицей анализа дискурса должен стать ДА, говорят представители когнитивной лингвистики. Так, Дж. Стин выделяет базовые ДА (*basic discourse acts*), которые, по его мнению, помогают пользователям языка разбивать поток речи, а значит, и выражаемую мысль на сегменты [12, p. 284]. Его позиция во многом исходит из положений когнитивной грамматики Р. Лангакера. В частности, акцентируется мысль Лангакера о том, что клауза является типичной единицей, соответствующей «единому окну внимания» (*single window of attention*) говорящего и слушающего. Дискурсивная функция таких единиц заключается в обновлении «текущего дискурсивного пространства» (*current discourse space*): во фрейм внимания обоих участников коммуникации попадают последовательно возникающие клаузы [Ibid, p. 285].

Таким образом, в когнитивных исследовательских программах обнаруживается та же корреляция, что и в функциональной грамматике: ДА реализует клауза.

Как видно из краткого обзора, различение ДА – вопрос непростой. Тем не менее ситуация с непосредственными «соседями» ДА по вертикальной и горизонтальной осям взаимодействий относительно прояснилась. ДА образованы грамматическими единицами разного плана и сами являются «строительным материалом» для вышележащих дискурсивных образований. Проблема разграничения ДА между собой решается путем сегментации речи на высказывания как предикативной, так и непредикативной природы.

Список литературы

1. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. II: Синтаксис. 709 с.
2. *Hengeveld K.* Cohesion in Functional Grammar // *Discourse and Pragmatics in Functional Grammar*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1997. P. 1–16.
3. *Hengeveld K., Mackenzie J.L.* Functional Discourse Grammar: A typologically based theory of language structure. Oxford, UK: Oxford Univ. Press, 2008. 503 p.
4. *Henne H., Rehbock H.* Einführung in die Gesprächsanalyse. Berlin: Walter de Gruyter, 2001. 336 s.
5. *Hopper P.J.* Emergent Grammar // *The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1998. P. 155–176.
6. *Jaworski A., Coupland N.* Discourse analysis and conversation analysis // *The Linguistics Encyclopedia*. London; New York: Routledge, 2002. P. 114–119.
7. *Kroon C.* Discourse Particles in Latin. A Study of *nam*, *enim*, *autem*, *vero* and *at*. Amsterdam: Gieben, 1995. 402 p.
8. *Kroon C.* Discourse markers, discourse structure and Functional Grammar // *Discourse and Pragmatics in Functional Grammar*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1997. P. 17–32.
9. *Potter J.* Wittgenstein and Austin // *Discourse Theory and Practice: A Reader*. London, UK [etc]: SAGE, 2001. P. 39–46.

10. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. Vol. 50, № 4. P. 696–735.

11. Sinclair J., Coulthard M. Towards an analysis of discourse // *Advances in Spoken Discourse Analysis*. London; New York: Routledge, 1992. P. 1–34.

12. Steen G.J. Basic Discourse Acts: towards a psychological theory of discourse segmentation // *Cognitive Linguistics: Internal Dynamics and Interdisciplinary Interaction*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2005. P. 283–312.

THE DISCOURSE ACT AS THE MINIMAL DISCOURSE UNIT

L.V. Bronnik

Kuban State University, Krasnodar

The paper considers the discourse act as the minimal discourse unit. It is argued that discourse acts are constituted by different grammatical structures and in their turn go together to form larger discourse units. The problem of differentiating between acts concerns segmentation speech processing into the utterances of both predicative and non-predicative nature.

Index Terms: discourse, discourse act, speech act, minimal discourse unit, functional grammar, emergent grammar, conversation analysis, cognitive grammar.

Об авторе:

Бронник Лариса Васильевна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор кафедры прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета; e-mail: larisa-bronnik@mail.ru

ТИПЫ ОТНОШЕНИЙ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Г.А. Велиева

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена рассмотрению типов отношений (парадигматических и синтагматических) лексических единиц при переводе художественного текста. Рассматриваются существующие виды лексических отношений на примере книги Аманды Ходжкинсон «Британия Роуд 22». Перевод выполнен автором статьи.

Ключевые слова: лексические отношения слов, языкознание, парадигматика, синтагматика.

Согласно толковому переводоведческому словарю, лексическая единица суть единица, «основное содержание которой имеет материальный (вещественный, т.е. неграмматический) характер, а выражение находится в соответствии с правилами оформления отдельного слова, свойственными данному языку»; единица языка (слово, устойчивое словосочетание), способная обозначать предметы, явления, их признаки и т.п.» [5, с. 96]. В современном языкознании принято выделять парадигматические и синтагматические отношения лексических единиц. По словам Л.П. Крысина, отношения между единицами языка, строятся на двух принципах выбора (парадигматические отношения единиц в тексте) и сочетаемости (синтагматические отношения единиц в тексте). Выбор осуществляется на основе тех или иных сходств и различий [3].

Парадигматика и синтагматика считаются двумя основными аспектами системных отношений языка. Парадигматические и синтагматические отношения присущи всем уровням языка, в том числе и лексическому. Понятия парадигматики и синтагматики являются конкретизацией понятия языковой систем [2].

В данной статье рассматриваются парадигматические и синтагматические отношения единиц речи при художественном переводе.

Парадигматические отношения между словами зависят от отношений, существующих между явлениями действительности.

В парадигматике слова связаны друг с другом отношениями сходства и различия, основными из них являются отношения: а) сходства в плане содержания – синонимы; б) сходства в плане выражения – омонимы; в) противопоставления – антонимы [3].

Рассмотрим вышеперечисленные парадигматические отношения лексических единиц при переводе художественного текста с английского языка на русский.

В настоящее время существует множество различных определений термина «синоним». Д.Э. Розенталь определяет лексические синонимы как «близкие или тождественные по значению слова, которые по-разному называют одно и то же понятие. Синонимы отличаются друг от друга или оттенком значения (близкие), или стилистической окраской (однозначные, т.е. тождественные), или тем и другим признаком одновременно» [6, с. 16].

“He snaked a bony hand out from under her coat and she felt his small fingers searching her face” (Hodgkinson, p. 4).

Ср.: «Он вытянул свою костлявую ручку из-под ее пальто, и она почувствовала, как его маленькие пальчики ищут ее лицо».

“A skinny, dark-haired child leaps into her arms” (Hodgkinson, p. 13).

Ср.: «Тощий, темноволосый ребенок запрыгнул ей на руки».

В англо-русском словаре под ред. В.К. Мюллера слово “skinny” имеет значение «тощий», «худой», «исхудалый» а слово “bony” – «худой», «костлявый» [4]. Оба слова имеют синонимичные значения, однако первое с более негативной коннотацией.

Далее рассмотрим парадигматические отношения сходства в плане выражения или омонимы.

Омонимы – слова, разные по значению, но совпадающие по звучанию и написанию [1].

“He tries to see the boy’s face, to find some familiarity in his features, but the child clambers up Silvana like a monkey, pulling her headscarf off, his arms locking around her neck, burying his head in her chest” (Hodgkinson, p. 13).

Ср.: «Он пытался рассмотреть лицо мальчика, чтобы увидеть что-то знакомое в его чертах, но ребенок вцепился в Сильвану, как обезьянка, снимая с ее головы шарф, обнял ее, а голову прижал к груди».

“Don’t be stupid. I love films. I like my job” (Hodgkinson, p. 13).

Ср.: *«Не глупи. Мне нравятся фильмы. Я люблю свою работу».*

Сравнив оригинал текста с их переводом, можно сделать вывод о том, что в первом примере английское слово ‘like’, исходя из контекста можно перевести союзом «как», во втором примере это же слово имеет значение «любить». Как в первом. Так и во втором предложении рассматриваемое слово совпадает по звучанию и написанию, но не совпадает по значению.

Д.Н. Шмелев определяет антонимы как слова, которые противопоставлены по самому общему и существенному для их значения признаку, т. к. находятся они на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы [7].

“The last time Janusz saw him he was just a baby, a plump toddler with baby curls. Not even old enough for his first haircut” (Hodgkinson, p. 12).

Ср.: *«Последний раз Януш видел его, когда он был совсем ребенком, пухленьким с детскими кудряшками, но еще слишком маленький, чтобы его можно было первый раз подстричь».*

В данном случае выражение “not even old enough” в тексте оригинала, которое дословно переводилось бы, как «не слишком большой», было переведено, как «слишком маленький». В данном примере мысль лексической единицы подлинника выражена через противоположное понятие, что способствует более легкому восприятию текста.

В отличие от парадигматических отношений, которые основаны на выборе единиц из некоторых множеств, синтагматические отношения между словами отражают закономерности соединения, сочетания слов в тексте. И реализуются в виде вполне реальных, наблюдаемых сочетаний слов в тексте.

Наиболее распространенными являются следующие синтагматические отношения лексических единиц: сочетаемость возможности слова и семантическое согласование слов в словосочетании и предложении [3].

“ ‘Your hair?’ he says, all thought of rehearsed lines gone from his mind” (Hodgkinson, p. 13)

Ср.: *«‘Твои волосы?’ – сказал он, все думая о строчках, которые он повторял».*

“She slips the key into the lock and it turns easily, the door swinging open onto a narrow hallway with a door leading off to the

left, a staircase to the right and another door at the end of the hall” (Hodgkinson, p. 36).

Ср.: «Она вставила ключ в замок и легко повернула его, дверь распахнулась и впустила их в узкую прихожую с дверью слева, лестницей справа и еще одной дверью в конце коридора».

В первом примере при переводе с английского языка на русский наблюдаются синтагматические отношения сочетаемости возможности слова, т.е. в предложении слова связаны друг с другом грамматически и по смыслу. Грамматические связи обеспечивают грамматическую правильность предложения. Смысловые связи делают предложение правильным семантически: слово ‘say’ переводится на русский язык как «говорить, сказать», следовательно, оно может сочетаться со словом, обозначающим человека, в данном случае – местоимение ‘he’.

Во втором примере демонстрируется семантическое согласование слов в словосочетании и предложении: все глаголы в данном предложении при переводе получают окончание «а», т.к. они относятся к местоимениям и существительным женского рода.

Из приведенных выше наблюдений, можно сделать вывод о том, что все единицы лексической системы языка связаны между собой парадигматическими и синтагматическими отношениями. Парадигматические отношения могут связывать слова отношениями сходства или различия. Синтагматические отношения – отношения сочетаемости, которые устанавливаются между единицами в системе языка. Как парадигматические, так и синтагматические отношения являются неотъемлемой частью художественного перевода.

Список литературы

1. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. вузов / 5-е изд., перераб. М.: Высшая школа, 1987. 480 с.
2. Виноградов С.Н. Лексико-семантическая парадигматика: Учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 1999. 76 с.
3. Крысин Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография: Учеб.

пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 240 с.

4. *Мюллер В.К.* Англо русский словарь. М.: Эксмо, 2006. 800 с.

5. *Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 3-е издание, переработанное. М.: Флинта: Наука, 2003. 320 с.

6. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М: Просвещение, 1985. 399 с.

7. *Шмелев Д. Н.* Современный русский язык. Лексика. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по специальности «Рус. яз. и литература». М.: «Просвещение», 1977. 335 с.

Источники

Hodgkinson A. 22 Britannia Road. London, Penguin books Publ., 2012, 388 p.

TYPES OF RELATIONS OF LEXICAL UNITS IN THE TRANSLATION OF FICTION

G.A. Velieva

Kuban State University, Krasnodar

This article is devoted to the types of relations (paradigmatic and syntagmatic) of lexical units in the translation of fiction. Existing types of lexical relations are analyzed on the example of the book of Amanda Hodgkinson “22 Britannia Road”.

Index Terms: lexical relations of words, linguistics, paradigmatics, syntagmatics.

Об авторе:

Велиева Гюльага Айвазовна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: gvelieva92@mail.ru

СТРАТЕГИЯ КАК ДОМИНАНТА ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В КОММУНИКАЦИИ

Ю.В. Винник

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается стратегия как базовый компонент моделирования смыслового содержания высказывания. Отмечается, что дискурсивная стратегия представляет собой основную транзакционную макроструктуру смысла, в которой четко выявляется целевая доминанта, развиваемая участниками коммуникации в тех или иных условиях порождения речевой деятельности.

Ключевые слова: диалог, коммуникация, речевая стратегия, дискурс, высказывание, адресат, адресант.

В настоящее время стратегический компонент общения представляется доминирующим в лингвистике. В филологической науке под стратегией принято понимать наиболее обобщенные средства достижения целей коммуникации. «Коммуникативная стратегия есть способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуникантов. В широком смысле коммуникативная стратегия понимается как сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего. Коммуникативная стратегия речи есть способ реализации замысла, она предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата» [2, с. 85–86]. Другими словами под речевой стратегией понимается целый комплекс речевых действий необходимых для достижения цели общения. Стратегии коммуникации, принятые в той или иной лингвокультуре, отражают социальные образцы принятых и понимаемых данной культурной общностью цепочек действий. Они служат своего рода посредниками, которые связывают когнитивный уровень говорящей личности с уровнем вербалистики и прагматики.

В современной науке выделяются дискурсивные стратегии как разновидность коммуникативных. Отечественный лингвист Г.В. Димова определяет дискурсивную стратегию как «проективное концептуальное видение субъектом определенного социального института своего дискурсивного поведения, основанное на осознании путей оптимального достижения цели в условиях социальной интеракции и способов их выражения в конкретных языковых средствах» [3, с. 7]. При этом проективность стратегии заключается в том, что автор видит свою деятельность в перспекции, другими словами в последовательности ее развития, начиная с анализа экстралингвистического контекста, осознания намерений, установки, цели, заканчивая разработкой путей ее реализации и достижения желаемого результата. Концептуальное видение коммуникативной ситуации предполагает способность языковой личности ориентироваться в процессе общения, основываясь на концептуализации коммуникации, которая предполагает осознание сущности, специфики, помех и возможных способов преодоления данных помех и ограничений общения. Фактически, дискурсивная стратегия представляет собой основную транзакционную макроструктуру смысла, в которой четко выявляется целевая доминанта, развиваемая участниками коммуникации в тех или иных условиях порождения речевой деятельности. Следовательно, в комплексном дискурс-анализе дискурсивная стратегия понимается как материализованный элемент дискурса, обращенный к интенциональному аспекту построения речевого акта участником коммуникации, аспекту контекстуальных и интеракционных условий развития процесса коммуникации и аспекту выражения намерений посредством определенных языковых средств.

Дискурсивная стратегия реализуется в определенной совокупности речевых действий, коммуникативных приемов, служащих для выполнения определенной функции и воплощения на том или ином этапе развития коммуникативного действия. Такую совокупность действий и приемов в лингвистической науке принято называть коммуникативной тактикой. Как правило, стратегия дискурса определяется исходя из целей коммуникации, тактика же определяется интенцией коммуниканта.

В качестве единицы анализа коммуникативной или дискурсивной стратегии в разных исследованиях рассматривают высказывание, диалогическое единство или коммуникативное событие.

Отечественный лингвист Т.Е. Янко в своих исследованиях за единицу анализа стратегии принимает отдельное высказывание. При этом коммуникативная стратегия включает в себе:

- выбор основного речевого намерения, к примеру, выступить с речью, представить сообщение, запросить информацию, обратиться с просьбой;
- выбор семантических компонентов высказывания и экстралингвистических параметров, модулирующих коммуникативную ситуацию;
- определение объема информации, который будет представлен в одной теме, одной и последующих ремах;
- определение того, в каком порядке будут следовать коммуникативные составляющие;
- настройку речевой структуры предложения на тот или иной режим коммуникации (диалог, нарратив, прочтение письменного текста), коммуникативный стиль и жанр [5, с. 38].

В прочих работах в качестве единицы анализа стратегий и тактик коммуникации принимается минимальное диалогическое единство. А.Н. Баранов, Г.В. Димова и другие исследователи определяют минимальное диалогическое единство (МДЕ) как последовательность реплик коммуникантов с учетом некоторых особенностей:

- все реплики объединены темой;
- началом диалога служит абсолютно независимый речевой акт, при этом конец диалога полностью зависим от его содержания;
- все акты самовынуждения, а также иллокутивного вынуждения выполнены;
- внутри текущей последовательности реплик не существует другой, удовлетворяющей условиям МДЕ [1; 3].

Такого рода минимальное диалогическое единство можно соотнести с единицей дискурса, «трансакцией», введенной Дж. Синклером и Р.М. Култхард и находящейся на промежуточном уровне, между такими элементами дискурса, как «интеракция» и «обмен» [6, р. 24]. Данные структурные единицы дискурса, то есть «обмен» и «интеракция» равно, как «реплика» или «акт», были обозначены исследователями на базе анализа педагогиче-

ского дискурса, который был представлен в форме записей уроков в школе. Ученые установили, что минимальный структурный элемент дискурса представлен речевым актом, а значит, с учетом инвариантного статуса дискурса, он может заключать в себе речь одного из коммуникантов (дискурс преподавателя, дискурс студента). Однако стоит учитывать, что общение происходит при реализации интерактивного взаимодействия, единицей которого является обмен. С точки зрения семантики, обмен определяется как аккумуляция значения, разделенного между общающимися. При переходе от одного обмена к другому, участники общения фигурируют в трансакции. Таким образом, основным признаком трансакции является развертывание создаваемого совместными усилиями коммуникантов смысла.

В исследованиях О.С. Иссерс единицей анализа коммуникативных стратегий является диалог. При этом инструментом реализации тактики общения служит коммуникативный ход. Стоит отметить, что понятие коммуникативного хода не тождественно минимальному диалогическому единству, как минимум потому, что ходы коммуникации характеризуют стратегическую линию одного из участников общения, а МДЕ – это диалогическое взаимодействие коммуникантов [4, с. 117]. Схема анализа речевых тактик опирается на некоторые параметры коммуникативного акта и имеет следующий вид:

- цель коммуникации, общая информация о ней;
- позиции коммуникантов в диалоге, распределение ролей автора и адресата;
- определение типа коммуникации;
- условия достижения успешности тактики общения;
- перлокутивные эффекты;
- ходы коммуникации и их дискурсивные маркеры [4, с. 146–150].

Подход, предложенный О.С. Иссерс, рассматривается нами как убедительный, так как только в рамках диалога можно выявить имплицитные и эксплицитные признаки коммуникативной стратегии.

В лингвистических исследованиях рассматриваются некоторые типологии коммуникативных стратегий и тактики. К примеру, О.С. Иссерс предлагает определить основные (когнитивные, семантические) и поддерживающие стратегии. Первостепенной можно назвать стратегию, которая на данном этапе ком-

муникативного взаимодействия является ведущей с точки зрения иерархии мотивов и целей. В большей части случаев основными стратегиями являются те, что непосредственно связаны с воздействием на получателя, его представлением о мире, системой ценностей, его поведением (как физическим, так и интеллектуальным). Результативной организации диалогового взаимодействия способствуют вспомогательные стратегии, они помогают оказать на адресата оптимальное воздействие [4, с. 106–108].

Тем не менее, результаты анализа некоторых исследователей указывают на то, что невозможно выделить универсальную типологию дискурсивных стратегий, которая была бы применима ко всем областям речевой деятельности. При типологическом описании речевых стратегий ученые должны принимать во внимание прагматические факторы ситуации общения, а также сферу общения участников коммуникации. Таким образом, наиболее успешными попытками создания речевых стратегий можно считать те, что связаны с тем или иным типом коммуникативного взаимодействия или сферой коммуникации. Как минимум, такой подход эффективен в связи с ритуализацией коммуникации в пределах институциональных дискурсов. Стоит учитывать, что определенные стратегии закрепляются за определенными социальными институтами и социальными ролями соответственно их институциональным признакам.

В универсальной дискурсивной типологии принято выделять основные, познавательные макростратегии и вспомогательные – метадискурсивные и коммуникативно-прагматические микростратегии. Познавательные стратегии считаются основными, так как универсальная дискурсивная типология обращена, прежде всего, к ментальным механизмам коммуникантов. При этом между различными стратегиями можно выявить определенную функциональную общность.

Список литературы

1. *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М.: Едиториал УРСС, 2003. 360 с.
2. *Борисова И.Н.* Категория цели и аспекты текстового анализа // *Жанры речи*. Вып. 2. Саратов: Колледж, 1999. С. 81–96.

3. *Димова Г.В.* Основные стратегии французского университетского педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск: Иркутский гос. лингвистический ун-т, 2004. 343 с.

4. *Иссерс О.С.* Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

5. *Янко Т.Е.* Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.

6. *Sinclair J. & Coulthard R.M.* Toward an Analysis of Discourse. Oxford: Oxford University Press, 1975.

STRATEGY AS A DOMINANT DIALOGICAL INTERACTION IN COMMUNICATION

Ju.V. Vinnik

Kuban State University, Krasnodar

The article considers the strategy as a basic component of modeling the semantic content of the utterance. It is noted that the discursive strategy is the main transactional macrostructure of meaning, in which the target dominant, developed by the participants of communication under certain conditions of the generation of speech activity, is clearly revealed.

Index Terms: dialogue, communication, speech strategy, discourse, utterance, addresser, addressee.

Об авторе:

Винник Юлия Викторовна – аспирант кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kff-kubsu@yandex.ru

КОЛЛОКВИАЛИЗМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ В АСПЕКТЕ СИНТАГМАТИКИ И ПАРАДИГМАТИКИ

В.Г. Гайдуков

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются английские коллоквиализмы в синтагматическом и парадигматическом аспекте на примере произведения “Black Swan Green” by David Mitchell. Появляясь в разговорной среде, коллоквиализмы постепенно проникают в художественный мир и становятся иногда отличительной чертой вселенной автора. Следовательно, взаимодействуя и выстраивая отношения с другими языковыми единицами на разных уровнях языка, они не могут не являться предметом лингвистического исследования.

Ключевые слова: просторечие, коллоквиализм, синтагма, парадигма, языковая единица, корреляция, линейность.

Исследованию разных сторон художественного дискурса посвящено немало статей и публикаций, ведь художественный текст характеризуется стилистически-возвышенной лексикой, которая направлена на эстетическое восприятие произведения и игру с воображением читателя. При этом «иногда думают, что литературный язык – язык художественной литературы. Неверно! Литературный язык – язык культуры во всем огромном смысле слова, т.е. язык науки, публицистики, художественной литературы, язык театра и радио, школы и прессы» [4, с. 88]. Литературный язык всегда служил эталоном построения грамотной речи, а также необычайно богатым и вариативным источником наглядного проявления линейности и вариативности в корреляции языковых единиц на разных уровнях языка. Однако быт и простонаречный народный язык все чаще проникают в художественные произведения, что приводит к появлению в литературном языке внеязыковой лексики, а именно просторечия: коллоквиализмы, диалектизмы, модные фразы, прозвища и т.д. Употребление в ху-

дожественном тексте подобной лексики, безусловно, придает произведению современный колорит, яркую экспрессию, однако ценой стилистически сниженных языковых единиц, выходящих за рамки привычного литературного дискурса. В свою очередь синтагматические и парадигматические отношения, которые выстраивают внеязыковые элементы, как между собой, так и с общеупотребительной лексикой, в художественном тексте, заслуживают особого внимания со стороны лингвистов.

Материалом исследования для данной статьи является произведение “Black Swan Green” английского писателя Дэвида Митчелла. Данная книга является полуавтобиографическим произведением (по словам самого автора) и повествует о годе жизни мальчика-подростка, который страдает от речевого расстройства в форме заикания. Книга охватывает период жизни Англии 1982 года: начиная от быта того времени (одежда, еда, песни, техника) и заканчивая Фоклендской войной. Однако, несмотря на данные ответвления, сюжет всегда строится вокруг основного героя. Автор старается показать все непростые и в тоже время рутинные грани жизни подростка, не только со стороны его окружения, но и манеры речи, свойственной школьникам.

Основным проявлением просторечий в данном тексте выступают коллоквиализмы, т.е. слова или выражения, характерные для разговорной речи [5; 6]. Они отличаются от нейтральной литературной лексики сниженностью этического и стилистического характера. Качество используемых коллоквиализмов может варьироваться от шутливо-ироничной непринужденности до резко отрицательной и уничижительной экспрессии обиходного общения. При этом речь не идет о бранных или непристойных словах, граничащих с вульгаризмами, а о лексике, имеющей определенный оттенок фамильярности, хотя границы между этими качествами иногда размыты. Поэтому, говоря о простонаречиях, в данной статье мы рассматриваем экспрессивную эмоционально-стилистическую лексику в рамках литературного языка.

Ярким примером современного проявления коллоквиализмов можно считать сокращение или «укорачивание» общеупотребительных слов. Другими словами, сокращение слова ведет к потере изначальной языковой единицей определенных грамматических морфем, что может нарушить верное восприятие и цело-

стность синтагмы. К наиболее частотным случаям подобных сокращений можно отнести:

А) Усечение суффикса или апокопа [1] имен прилагательных. При этом, прослеживая синтагматику в рамках слова, следует отметить, что «в слове главным компонентом является словоизменятельная основа, а зависимым – флексия (окончание). При этом зависимым компонентом может быть и нулевой компонент» [2, с. 22], например, “*fab*” → “*fabulous*”, “*brill*” → “*brilliant*”, “*fav*” → “*favourite*” и т.д. В границах словосочетания потеря флексии может восполняться окружением синтагмы, к примеру, “*this fab pencil-sharpener*”, где прилагательное “*fab*” находится в окружении нескольких линейных элементов, формирующих целостную синтагму, т.е. указательное местоимение “*this*” является зависимым элементом и относится к доминанту “*pencil-sharpener*”, указывая на конкретизацию предмета, а прилагательное “*fab*” выступает зависимым компонентом с нулевой флексией, описывающим предмет. Следовательно, данное словосочетание формирует линейную связь по схеме «конкретизация → описание → предмет».

Следует заметить, что кроме распространенной в русском языке схемы линейных отношений «прилагательное + существительное», в английском языке существительное может определять другое существительное, следовательно, сокращение прилагательных может привести к неверной интерпретации смысла синтагмы. Подобную корреляцию можно проследить на примере двух линейных элементов по типу «прилагательное + существительное»: “*Unless you’re, like, into choc ices*”. В данном предложении словосочетание “*choc ices*” представляет собой апокопу прилагательного “*chocolate*” и существительного “*an ice cream*”, таким образом, полная фраза должна звучать “*chocolate ice creams*”. Тем самым данная синтагма формирует грамматическую сочетаемость по выше указанному типу, а не по типу «существительное+существительное», как может показаться на первый взгляд.

Разговорные сокращения прилагательных могут быть представлены не только в синтагматическом аспекте, но и в парадигматическом, например: “*Н pencils’re sharpest, they’re Dad’s faves*”. Сокращение “*fav*” слова “*favourite*” не только формирует

единое смысловое единство с существительным в притяжательном падеже “*Dad’s*”, но и приобретает парадигму построения множественного числа имени существительного. При этом образование множественного числа сопровождается не просто добавлением окончания “-s”, а “-es” поскольку существительное, полученное посредством сокращения, является односложным.

Б) Усечение имен существительных, посредством укорачивания различных частей слова, например, “*a prep*” – “*a preparation*”; при этом может происходить добавление грамматических морфем, имеющих разговорно-фамильярную или даже арготичную стилистику: “*a footy*” – “*a football*”, “*a sub*” – “*a submarine*”, “*a telly*” – “*a television set*”, “*a chappie*” – “*a chap*”, “*an Argie*” – “*an Argentinian*”. Например, – “*I’m a Brummie, our kid.*” – “*A Brummie?*” – “*Aye. If you’re from Brum, you’re a Brummie. Brum’s Birmingham*”. В данном случае корень “*Brum*” выступает словообразовательной основой для построения нескольких синтагм посредством нулевого компонента или деривата в “-ie” в сочетании с добавочной морфемой “*m*”, поскольку слог закрытый. Таким образом, можно заключить, что наличие или отсутствие словообразовательного элемента в рамках одной основы может приводить к семантической вариативности.

Иногда сокращенное существительное может претерпевать значительные изменения с точки зрения морфемного состава, что может вызвать его неверную интерпретацию: “*a prezzie*” → “*a present*”. Подобное, вероятно, также является случаем усечения конца слова, которое происходит под влиянием фонетического строя языка, поскольку данное слово произносится [ˈprezənt], а также добавлением разговорно-фамильярной флексии “-ie”.

Нередко первый элемент сокращенного существительного представляет собой форму объекта, например, “*V-neck*” – “*a shirt with a cut in the shape of the letter «v»*”. В данном случае синтагма формирует неразрывную связь, поскольку первый элемент не является в действительности сокращением, а указанием на форму предмета совпадающей по своей форме с английской буквой “V”. Подобные сокращения получают широкое распространение в разговорном языке в виду своей краткости, а также могут принимать необходимую по смыслу грамматическую парадигму, например, “*Vs of long-distance birds crossed the sky*”.

В разговорном языке апокопа существительного совместно с инверсией в предложении может нарушать целостность восприятия данного предложения как единой синтагмы, например, *“T minus five minutes, I reckoned”*, где *“T”* является сокращением слова *“time”*.

В) Усечение форм глагола, например, *“to scav”* – *“to scavenge”*, которые могут полноценно перенимать парадигму английского глагола, помимо выстраивания линейной корреляции:

1) *“Older houses’ve got more precious junk to scav, see, that’s their reck’nin’.”*

2) *“And once scavvin’ stops workin’ for gypsies...”*

Следует заметить, что разговорным формам английских глаголов изначально свойственна короткая форма, в силу экономии речевых усилий, например, *“to gab”*, *“to pin”*, *“to goad”*, *“to doss”*, *“to bust”*, *“to flunk”*, *“to grass”* и т.д. Некоторые глаголы формируют единую синтагму с последующим предлогом: *“to skive off”*, *“bugger off”*, *“to shell out”*, *“to stitch up”*. Часть глаголов по своей форме могут напоминать звуковое подражание *“to yank”*, *“to glug”*, *“to swoosh”*, *“to sloosh”* и т.д. Разговорному языку свойственно употребление ассоциативных глаголов: *“to chicken out”*, *“to rabbit”*, *“to turtle over”*, *“to fish”* и т.д. Более интересный случай представляют собой глаголы-словосочетания, синтагматическая связь которых сильна и неразрывна в рамках узкого контекста:

1) *“Here and there I penalty-shot a poking-up thistle, just to look a bit hard”.*

2) *“The tails doodlelooped red on blue, erasing themselves as they flew.”*

Обращая внимание на структуру образования отдельных синтагм, следует заметить схему их образования посредством добавления определенных морфем, а иногда и удваивание уже существующих. Подобным примером может служить добавление суффикса *“-y”* к корню глагола или существительного для образования имени прилагательного, к примеру, *“swoopy”*, *“spongey”*, *“moany”* и т.д. Подобные слова могут звучать иронично, например, в случае с обращением, *“Wakey wakey stiffy shakey”*. При этом наблюдаются случаи образования имен существительных посредством добавления суффиксов *“-y”* или *“-ie”*, которые при-

дают подобным именам существительным фамильярный оттенок и могут также сопровождаться удваиванием конечного согласного, например, *“a townie”, “a laddie”, “a biddy”* и т.д. Следует указать, что еще одним распространенным суффиксом для образования имени существительного с пренебрежительным оттенком является суффикс *“-o”*, к примеру, *“a gypso” – “a gypsy”, “a chavvo” – “a chap”* и т.д.

Образование прилагательного от существительного с помощью суффикса *“-ish”*, который показывает либо относительное качество объекта, либо придает оттенок пренебрежительности, также является частотным в разговорном дискурсе, например, *“sharpish”, “babyish”* и т.д. При этом подобные слова перенимают парадигму прилагательного и могут формировать другие части речи посредством других словообразовательных морфем, к примеру, добавлением суффикса *“-ly”* для образования наречия:

1) *“Just before impact, the giant bird splayed open its wings and its webby feet pedaloed cartoonishly.”*

2) *“Yes” Mr. Dunwoody blinked at me dagonishly.”*

Сокращения на уровне разговорного языка происходят не только в рамках одного слова, но и в границах словосочетания, что делает синтагму менее очертаемой, к примеру, *“ha’penny” – “half of penny”, “dunno” – “do not know”, “G’night” – “good night”, “gi’ us” – “give us”*.

Благодаря образности языка, коллоквиализмы могут представлять собой распространенное словосочетание с линейными отношениями, которое выражает одну общую мысль, а, следовательно, формировать цельную синтагму, например, *“to be away with the fairies”, “to be soft in the head” → “to be crazy”, “out of the blue” → “unexpectedly”, “not to be on the scene” → “have no ties with your ex-boyfriend”, “to spill the beans” → “to shed light on smth”, “frit as a sin” → “to be scared to death”*.

Коллоквиализмы добавляют литературному тексту необычности, что иногда и выражается в употреблении необычных слов, которые функционируют в рамках синтагматики и парадигматики, например:

1) *“She fixed you up with a whatchamagooney, a poultice, right?”*

2) *“Sprinklers swsss-swsss-swwwsssed.”*

Разговорная лексика может иметь в своем составе обиходные или диалектные элементы, которые коррелируют с остальными единицами конкретной синтагмы, например, *“And ta very much”* – *“and thank you very much”*, *“to be in hock”* – *“to be given to a pawnshop”*, *“not to know a dicky bird”* – *“to know nothing”*, *“to throw an eppy”* – *“to be cross”*, *“nip in the air”* – *“to be cold”*. Однако следует быть внимательным, так как в рамках синтагмы могут встречаться слова, которые, на первый взгляд, могут показаться разговорным вариантом, а в действительности являются общеупотребительными, к примеру: *“Look at Andrea Bozard ... in that ra-ra skirt.”*/ *“Saw all the hullabaloo.”*

С целью достичь дополнительного эффекта в предложение вносятся усилители, что более характерно для разговорной речи, которые, по сути, становятся коннотативными элементами синтагмы:

1) *“I’m not feeling that Christmassy this year.”*

Cf: «В этом году у меня не очень новогоднее настроение».

2) *“He took a deep breath, then remembered me, witnessing his utter relief.”*

Cf: «Он сделал глубокий вдох, затем вспомнил меня с чувством полного облегчения».

3) *“Dead unfair I had to do everything.”*

Cf: «Чертовски нечестно, что мне пришлось все делать».

4) *“Alex’s streets ahead of his teacher...”*

Cf: «Алекс на голову выше своих учителей ...».

5) *“Jolly good”, Mr. Rhydd said, “jolly good. Now then, Mrs. South ...”*

Cf: «Очень хорошо», сказал Мистер Ридд, «очень хорошо. Итак, Миссис Сауф ...».

«Большая эмоциональность находит свое отражение также в широком использовании слов с эмоциональной окраской, гиперболическом употреблении многих слов и литотах» [1, с. 279]: *“... Dean says he got bored of it yonks ago.”*/ *“Julia takes eons to get ready.”*/ *“Our house is bags emptier with Julia gone.”*

Разговор иногда строится на иронии или сарказме, что нередко может приводить к поиску собеседником определенной рифмы, например,

1) – *“Involving a teacher means you’re a grass, sir.”*

– *“Not involving a teacher means you’re an ass, Taylor.”*

Cf: – «*Рассказать учителю значит, что ты стукач, сэр*».
– «*Не рассказать учителю значит, что ты тупач, Тейлор*».
2) “*Telephones? Liarphones, I call ’em.*”

Cf: «*Телефоны? Лжефоны, я называю их*».

В разговорном дискурсе наблюдается большое количество сложных синтагм, которые могут затруднять восприятие значения предложения в целом, хотя внутри самой синтагмы корреляционные отношения элементов отчетливо видны, например, “*Bruce Wayne’s reputation as this wouldn’t-say-boo-to-a-goose Mr. Nobody’d be done for.*”/ “*I made a Go ahead face.*”/ “*... where we once planned a tree house, birdstuffedtwignapped silence, toothy bracken, and places you can’t find if you’re not alone.*”

Крайне частотными являются случаи эллипсиса в английском разговорном языке, которые нарушают порядок линейности синтагмы, но, как правило, не наносят вреда плану содержания предложения. Например, “*Been sifting through my accounts, have we?*”/ “*Do you a swap?*”

Интересными представляются случаи, в которых разговорная лексика не только представлена с точки зрения синтагматических отношений, но и парадигматических: “*All yackering yackerly to be heard over the yackering yacker.*”/ “*Oh sod soddity sod it and sod Craig sodding Salt too, the sodding sod!*”

Выражения удивления, согласия и отказа могут проявлять парадигматические отношения, к примеру, “*Mumbled Yeses, growing in strength.*”/ “*M4 to Junction Eighteen, then the A46 to Bath. Bob’s your uncle*” / “*Blimey o’Riley, Michael, they’re taking it in teeth!*”

В рамках анализа коллоквиализмов следует в свою очередь указать на синтагматическую градуальность [3], т.е. градации лексики согласно коннотативному значению, от общеупотребительного до вульгарного, например, “*a duh-brain*” – “*a wally*” – “*a dimwit*” – “*a divvy*”.

В заключение следует заметить, что коллоквиализмы в целом характеризуются небольшим набором морфем, формирующих слово-синтагму, к примеру, “*naff*” – “*old-fashionable*”, “*to aff*” – “*to be idle*”, “*posh*” – “*to be elite, pompous, rich*”. Это обусловлено стремлением разговорного языка к краткости плана выражения и в то же время без потери в плане содержания.

В границах словосочетаний в качестве синтагм, основывающихся на подчинительной или сочинительной связи, коллоквиализмы характеризуются линейностью, хотя отдельные элементы подобных сложных синтагм могут включать компоненты парадигмы, к примеру, *“But it’s not just the person who fills a house, it’s their I’ll be back later!s, their toothbrushes and not-being-used-right-now hats and coats, their belongingnesses”*.

Приобретение коллоквиализмами разных парадигм благодаря различным лексическим процессам, происходящим в языке, безусловно, помогает обогащению языка и позволяет придать выражению необходимую окраску, например, *“a bully” – “to bully” – “bullying” – “bullyings”*.

В итоге хотелось бы заметить, что у литературной речи есть удивительная черта: способность вмещать нелитературные отрезки текста (в форме слов, оборотов и предложений), не узаконенные строгой нормой. Однако литературная речь при этом не перестает быть литературной. Коллоквиализмы и даже самые вульгарные разновидности просторечия находят свое место в данном дискурсе, не вызывая антипатии читателя [4]. В то же время корреляционные отношения, которые подобные языковые единицы строят в рамках разноуровневых синтагм, заслуживают пристального внимания со стороны лингвистики, так как такого рода языковая вариативность показывает степень и направление развития языка на определенном этапе его существования.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М.: Флинта: Наука, 2012. 376 с.
2. Бельдиян В.М., Хромов С.С. Языкознание: учебно-практическое пособие. М.: Изд. центр ЕАОИ, 2010. 328 с.
3. Колесникова С.М. Градуальность: связи и отношения в системе русского языка. М.: Флинта: Наука, 2016. 231 с.
4. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т.1. М.: Языки славянской культуры, 2004. 568 с.
5. Slovar.cc: словари, энциклопедии и справочники. (Электронный ресурс) // URL:

<https://slovar.cc/poiskfind.html?searchword=коллоквиализм&ordering=&searchphrase=all> (Дата обращения: 11.03.2018).

6. *Multitran*: электронный онлайн словарь. (Электронный ресурс) // URL: <http://www.multitran.ru> (Дата обращения: 11.03.2018).

Источники

David Mitchell. Black Swan Green, Hodder and Stoughton, London, 2006. 374 p.

LITERARY COLLOQUIALISMS IN THE ASPECT OF SYNTAGMATICS AND PARADIGMATICS

V.G. Gaidukov

Kuban State University, Krasnodar

This article observes syntagmatic and paradigmatic correlations of the English colloquialisms based on the novel “Black Swan Green” by David Mitchell (2006). Functioning in the spoken language, colloquialisms gradually conquer the literary world and sometimes become specific features of the author’s universe. Thus, interrelating with other language units on different levels, they form the case of pure linguistic research.

Index terms: substandard language, colloquialism, syntagma, paradigm, language unit, correlation, linear relations.

Об авторе:

Гайдуков Вадим Григорьевич – преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: vadimgaidukov7@gmail.com

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Л.Э. Гейвандян

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается специфика публицистического дискурса в рамках его языковых особенностей. Проведённый анализ реферирует к важным аспектам данного феномена, включая публицистический стиль, а также адресанта и адресата.

Ключевые слова: дискурс, публицистика, речевой стиль, функции публицистики, коммуниканты, диалог, информация.

Публицистический дискурс является одним из основополагающих понятий гуманитарной науки нашего времени, отражающее разнообразие видов общественной работы человека. Трудность раскрытия сущности и прояснения данного дискурса можно объяснить многообразием его проявлений. В современном информационном обществе происходят непрерывные духовные преобразования, которые осложняют выявление границ публицистического дискурса из-за динамичности и пересечения жанров.

Публицистический текст, являющийся составной частью публицистического дискурса, освещает широкий спектр вопросов. Тематика публицистики представляет собой актуальные вопросы, как повседневного быта, так и вопросы политики, экономики, а также проблем этики и философии. Публицистический стиль характерен публицистическим изданиям: газетам, журналам и произведениям общественно-политической тематики. Наиболее распространенным видом публицистического стиля является газетно-журнальный. По сравнению с другими речевыми стилями, публицистический стиль разнороден. Выделяют две его разновидности: письменную и устную, которые в рамках данного стиля тесно взаимодействуют и сближаются, причем основной чаще является письменная форма. К письменной разновидности публицистического стиля принято относить язык газетных статей, эссе, очерки, язык журнальных статей литературно-критического и общественно-политического характера. К устной раз-

новидности публицистического стиля относится ораторская речь, а также обзоры радиокомментаторов [1, с. 402].

Публицистический дискурс характеризуется рядом свойств, присущих и самому публицистическому тексту, которые взаимосвязаны с индивидуальностью таких экстралингвистических факторов, а также элементов коммуникативного процесса, как действительность, аудитория, автор и контекст. Выделяются следующие характерные качества публицистического текста:

1) основное внимание обращено на обзор современного мира, с помощью исследования частных фактов и явлений, имеющих место в определенный период истории;

2) публицистический текст должен быть уместным и доступным для общества, адекватным и непредвзятым в раскрытии темы, а также необходимо соблюдать условие справедливости, результативности, действенности и насущности;

3) публицистический текст является чаще всего авторским, другими словами, самостоятельным. Читатель получает от публицистического текста факты и их объяснение, даже если они будут выражены просто в отборе информации. С этой особенностью связана скрытая или явная оценка текста;

4) большое количество публицистических текстов является многослойным за счет разнотипности и разнообразности аудитории. Они предоставляют всевозможную глубину прочтения и всякого рода понимания со стороны реципиента;

5) массово-коммуникативный процесс завершается лишь в том случае, когда в осмыслении адресата после прочтения или просмотра появится проекция публицистического текста, свой «текст о тексте»;

6) специфичность публицистической коммуникации заключается в сравнительной независимости публицистических текстов в рамках массово-коммуникативного акта по причине присутствия временного и пространственного расстояния между автором и аудиторией при восприятии информации. По этой причине, в публицистических текстах необходимо восполнить возможные информационные лакуны [4, с. 92].

Публицистическому дискурсу свойственно наличие клишированных форм, готовых к употреблению блоков, оборотов и речевых стереотипов. С одной стороны, публицистика характеризу-

ется упрощением норм литературного языка из-за постепенного сближения последнего с разговорным языком. Газетный язык заполнен клише, задачей которых является быстрое описание ситуации. С другой стороны, публицистика изобилует приемами и формами, которые не закреплены в языке и конструируются в условиях определенной речевой ситуации с определенной коммуникативной целью.

В публицистическом дискурсе реализуется функция воздействия (агитации и пропаганды) языка, с которой часто совмещается функция информативная (сообщение нового). Как было упомянуто выше, в публицистических произведениях затрагиваются вопросы весьма широкой тематики – актуальные вопросы современности, представляющие интерес для общества (политические, экономические, моральные, философские), вопросы культуры, воспитания, повседневного быта: именно по этой причине публицистический дискурс находит применение в общественно-политической литературе, периодической печати (газетах, журналах), ораторской речи и т.д. [3, с. 109].

Публицистический дискурс – это воздействующий тип дискурса, реализующий интенцию убеждения, а следовательно, оказывающий мощный эффект на своего адресата.

В связи с этим, публицистический дискурс подразумевает наличие коммуникативной цепочки «адресант – адресат». В рамках данной связи происходит передача информации, которая и приводит к формированию в общественном сознании определённой картины мира. Установка на целеполагание автора, наряду с обращением к контексту и предоставление ссылок на другие тексты позволяет поддерживать диалог между адресантом и адресатом. Данная особенность позволяет относить дискурсивность к специфическим свойствам текста в публицистике.

Необходимо отметить и то, что публицистическому дискурсу свойственна специфика коммуникантов. Здесь роль адресанта и автора выполняют не отдельные личности, а многочисленные группы людей: с одной стороны, это может быть авторский коллектив или редакция, а с другой – разнообразная по своим характеристикам и огромная по количеству аудитория.

Намерение автора-публициста заключается в стремлении убедить читателя именно в правильности предоставляемой кар-

тины действительности. По этой причине в публицистическом тексте кроется парадигма интенциональных категорий, которая образует текст и позволяет автору убедить читателя. Данная парадигма включает в себя: идеологему как средство утверждения заданных концептов; убеждение с помощью оценки; именование как стилистико-идеологическая категория; стилистическая тональность текста; интерпретация как лингвистический механизм имплицитного убеждения [2, с. 98–105].

Публицистический дискурс представляет собой разновидность риторического. Рассматриваемый дискурс прагматичен, выполняет эмотивную функцию и направлен на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения.

Для публицистического дискурса характерно широкое использование общественно-политической лексики, а также лексики, обозначающей понятия морали, этики, медицины, экономики, культуры, слов из области психологии, слов, обозначающих внутреннее состояние, переживания человека, и др. Публицистические произведения обладают необыкновенной широтой тематики, они могут касаться любой темы, попавшей в центр общественного внимания.

Итак, публицистический дискурс является сложным жанром речевого высказывания, складывающийся по мере развития организованного культурного общения и обладающий устойчивыми характеристиками: тематическое содержание, стиль, композиция, целевая установка.

Список литературы

1. *Гальперин И. Р.* Очерки по стилистике английского языка М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 462 с.
2. *Каминский П.П.* Принципы исследования публицистики на современном этапе. М.: Вестник Московского гос. ун-та. Журналистика, 2011. № 62. С. 98–105.
3. *Прохоров Е.П.* Искусство публицистики: Размышления и разборы. М.: Советский писатель, 1984. 109 с.
4. *Щелкунова Е.С.* Публицистический текст в системе массовой коммуникации. Воронеж: ВГУ, 2004. 194 с.

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF THE PUBLICISTIC DISCOURSE

L.E. Geivandyan

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the specificity of the publicistic discourse in the context of linguistic characteristics. The analysis refers to the most important aspects of this phenomenon including the publicistic style, the addresser, the addressee.

Index terms: discourse, publicistic writing, linguistic style, functions of the publicistic writing, communicants, dialogue, information.

Об авторе:

Гейвандян Лолита Эдуардовна – ассистент кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: lolllita19@yandex.ru

УДК 800.879:161/162:82:035

СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ОЦЕНКИ В ДИСКУРСЕ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ «ДЕГУСТАЦИЯ ВИНА»

К.М. Гриненко, Т.М. Грушевская

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье основной целью является анализ специфических текстов в дискурсе предметной области «Дегустация вина». Показывается, что предложение, являясь одним из основных сегментов текста, способствует формированию определенной оценки вина в изучаемом дискурсе. В качестве результата предлагаются различные модели оценки.

Ключевые слова: дискурс, дегустационная оценка, текст, синтаксис, предложение, модель, конструкция.

Общеизвестно, что синтаксис является важнейшим средством, представляющим содержание текста, его логическое построение, функционирование сочетания слов и построение предложений, а также закономерности включения предложений в более крупные формирования, какими являются сверхфразовое единство и текст.

Синтаксический ярус предложения, являющегося языковой формой выражения мысли, или текста располагает набором своих единиц; ими оказываются синтаксические образцы (модели), по которым строится бесконечное множество сочетаний слов и фраз. Между ними имеется определённая зависимость: словосочетания являются материалом для построения предложений по их собственным образцам.

Словосочетание как синтаксический образец состоит из форм слова, объединённых на основе синтаксической связи и синтаксического значения (которое нередко называют отношением). Так, словосочетание *аромат чёрной смородины* представляет собой сочетание именительного и родительного падежей имени существительного, находящихся в подчинительной связи управления и выражающих атрибутивно-субъектные отношения: если по форме связи «управляет» именительный падеж, то по семантике отношения «управляет» существительное в родительном падеже.

Глубинный характер модели предложения проявляется, прежде всего, в том, что структура предложения образуется сочетанием его главных и второстепенных предложений. В настоящем исследовании анализ предложения играет огромную роль, так как в рамках дискурса предметной области «Дегустация вина» оно представляет собой один из основных сегментов текста, презентующего определённую оценку вина.

Каждый текст имеет свою жанровую форму. Одним из жанрообразующих признаков является синтаксическая структура текста, которая может измеряться в предложениях, составляющих от 5 до 30 слов.

Таким образом, оценка в дискурсе предметной области «Дегустация вина» будет характеризоваться также своей структурно-синтаксической организацией, позволяющей передать посредством тщательно отобранных синтаксических структур конкретное содержание.

Для передачи оценки вкусо-ароматических оттенков определённого продукта виноделия используются три синтаксические модели:

- *однокомпонентная* (ОК)
- *двухкомпонентная* (ДК)
- *многокомпонентная* (МК).

Каждая из выше обозначенных синтаксических моделей может быть простой, сложной и сверхсложной.

Под *однокомпонентной моделью (ОК)* мы понимаем модель, содержащую лишь один базовый смысловой элемент, который несёт представление об оценке вкусо-ароматической палитры вина.

Например:

*«В букете вина ощущается аромат **роз**»* (Виномания № 41, 2005, с. 143).

В представленном примере выделенный компонент «роза» является базовым смысловым элементом, который формирует общее представление об оценке вкуса и аромата вина. В примере содержится лишь один базовый смысловой элемент, поэтому приведенная однокомпонентная модель будет являться *простой* ОК моделью.

Под *сложной* ОК моделью мы понимаем модель с одной базовой доминантой, смысл которой усложнен одной или несколькими ЛЕ, чаще всего представленными в форме имен прилагательных.

Например:

*«Интересный аромат вина с **благородными нотками сыра**»* (Виномания № 42, 2005, с. 136).

Данная модель состоит из одного главного смыслового компонента «нотки сыра», который усложнен одной ЛЕ в форме прилагательного «благородный».

Под *сверхсложной* ОК моделью мы понимаем цепочку лексических единиц с одной базовой доминантой, имеющей сложное усиление, которое чаще всего выражается в форме определения в сочетании с придаточным предложением.

Например: *«Насыщенный аромат вина оттенён **приятными ванильными нотками**, которые придают вину специфический эффект»* (Виномания № 68, 2008, с. 80).

Данную модель можно отнести к разряду сверхсложной конструкции, так как базовая доминанта – «ваниль», смысл которой усиливается прилагательным «приятный», фигурирует в составе главного предложения, тогда как придаточное, представляет собой дополнительное определение к базовой смысловой доминанте.

Под *двухкомпонентной конструкцией (ДК)* мы понимаем конструкцию с двумя основными смысловыми доминантами, констатирующими вкусо-ароматические оттенки вина в процессе дегустации.

ДК также могут быть простыми, сложными и сверхсложными.

Под *простой ДК* мы представляем модель с двумя главными смысловыми доминантами без усложнения ее посторонними ЛЕ, дополняющими смысловой оттенок и/или подчеркивающими ароматические или вкусовые качества вина.

Например: «*Во вкусе вина чувствуются нотки **фруктов и цукатов***» (Виномания № 61, 2007, с. 100).

Под *сложной ДК* моделью мы понимаем конструкцию с двумя основными смысловыми доминантами, каждая из которых (или одна) усложнена тем или иным определением.

Например: «*В аромате сплетаются насыщенные тона **цветов** и легкие оттенки **экзотических фруктов***» (Виномания № 56, 2007, с. 85).

Из данного примера мы видим, что основные доминанты (цветы и экзотические фрукты) усложнены определениями, представляющими собой прилагательные (насыщенный и легкий).

Сверхсложная двухкомпонентная модель представляет собой цепочку лексических единиц, в которой базовые доминанты усложнены не только определениями, но и придаточным предложением.

Например: «*Аромат вина с интересными нотками **животной кожи** и **острого утиного паштета**, что придает вину некоторую пикантность*» (Виномания № 64, 2008, с. 73).

Данная конструкция состоит из главного и придаточного предложений, базовые компоненты которого («животная кожа», «утиный паштет») фигурируют в главном, усиливая смысловой эффект не только определениями «интересный» и «острый», но и придаточным предложением.

Многокомпонентной моделью (МК), мы называем модель, состоящую из трех и более основных смысловых доминант, выявление которых и будет представлять собой оценку вкусовых и ароматических качеств вина в дегустационном процессе.

Как и предыдущие модели (ОК и ДК), многокомпонентная (МК) конструкция делится на простую, сложную и сверхсложную. Простая многокомпонентная конструкция – это модель, включающая в себя три или более смысловых доминант, смысл которых не усложняется никакими дополнительными лексическими единицами.

Например: «*Во вкусе вина – тона ежевики, груши и карамели*» (Виномания № 39, 2005, с. 52).

Выделенные ЛЕ представляют собой смысловые доминанты в вышеприведенном примере.

Сложная МК модель – это конструкция, включающая в себя три или более основных смысловых доминант, усложненных различными лексическими единицами.

Например: «*Очень интересный фруктовый аромат вина с легкими оттенками акации и свежего шалфея*» (Виномания № 53, 2006, с. 124).

Представленная лексическая цепочка содержит три базовых компонента («фруктовый аромат», «акация», «шалфей»), каждый из которых усложнен такими лексическими единицами, как «интересный», «легкий», «свежий».

Сверхсложная МК модель – это конструкция, которая представляет собой «минитекст». Иными словами, это модель, состоящая из нескольких предложений, включающих в себя три и более доминантных единицы, усложненных различными определениями, выраженными как разнообразными частями речи, так и придаточным предложением.

Приведем пример подобной конструкции: «*Аромат вина имеет сложные и одновременно богатые нотки. В нем можно уловить тона черной смородины, ванили и горького шоколада. Безусловный лидер дегустации!*» (Виномания № 42, 2005, с. 128).

Данная модель состоит из трех простых предложений, в одном из которых содержатся основные компоненты («смородина», «ваниль», «шоколад») некоторые, из которых усложнены ЛЕ «черный» и «горький», а два других предложения несут дополнительную смысловую нагрузку к базовым компонентам, определяющим дегустационную оценку аромата вина.

Рассмотрим структурно-синтаксическую сторону оценки вина с точки зрения его цветовой гаммы.

Известно, что словарь терминов, обозначающих цветовую гамму вина, содержит определенные критерии, по которым складывается дегустационная оценка окраса вина.

Анализ структурно-синтаксической организации языкового материала, представляющего дегустационную оценку цвета вина, показал, что данная оценка может быть представлена лишь *однокомпонентной* конструкцией (моделью), каждая из которых может быть *простой, сложной и сверхсложной*.

Под однокомпонентной моделью (ОК), представляющей оценку вина, мы понимаем модель, состоящую из одной смысловой доминанты, выявление которой и будет давать определение «одежды» вина.

Простая однокомпонентная модель – это конструкция, включающая в себя лишь одну базовую доминанту, смысл которой не нагружен дополнительными лексическими единицами.

Например:

(1) «Цвет вина **темно-бордовый**» (Виномания № 56, 2007, с. 85).

(2) «Красивый окрас вина, **пурпурно-красного** цвета» (Там же, с. 87).

(3) «Цвет вина **янтарный**» (Виномания № 61, 2007, с. 110).

В представленных примерах содержится по одной смысловой доминанте, определяющей цветовой окрас дегустируемого продукта: *темно-бордовый, пурпурно-красный, янтарный*.

Сложная однокомпонентная модель – это модель, состоящая из одной базовой доминанты, смысловая нагрузка которой дополняется ЛЕ, чаще всего выраженными в форме прилагательных.

Например: «Вино обладает **нежным лососево-розовым цветом**» (Виномания № 69, 2008, с. 129).

Данная конструкция содержит один основной компонент, определяющий цвет вина (лососево-розовый), смысл которой усиливается с помощью ЛЕ «нежный».

Под *сверхсложной* ОК моделью мы понимаем модель с одним смысловым компонентом, имеющим сложное усиление, представленное как различными частями речи, так и придаточным предложением.

Например: «*Красивый темно-вишневый цвет вина с рубиновыми оттенками*» (Виномания № 44, 2006, с. 105).

Приведенный пример содержит одну базовую доминанту, описывающую окрас вина (темно-вишневый), которая помимо прилагательного «красивый» имеет еще одно усиление в форме дополнения («рубиновые оттенки»), поэтому данная конструкция – «сверхсложная».

Таким образом, синтаксический ярус языковой презентации оценки продукта виноделия играет огромную роль в убеждающем воздействии, имея собственную коммуникативную направленность и способность выступать как образец построения конкретных фраз и определённого синтаксического контекста.

Источники

- Виномания. № 39. 2005
- Виномания. № 41. 2005
- Виномания. № 42. 2005
- Виномания. № 44. 2006
- Виномания. № 53. 2006
- Виномания. № 56. 2007
- Виномания. № 61. 2007
- Виномания. № 64. 2008
- Виномания. № 68. 2008
- Виномания. № 69. 2008

STRUCTURAL-SYNTACTIC LEVEL OF EVALUATION IN THE DISCOURSE OF THE DOMAIN “WINE TESTING”

K.M. Grinenko, T.M. Grushevskaya

Kuban State University, Krasnodar

In this article the main goal is the analysis of specific texts in the discourse of the subject area “Wine tasting”. It is shown that the sentence, being one of the main segments of the text, contributes to the formation of a certain evaluation of the wine in the discourse being studied. Various evaluation models are proposed as a result.

Index Terms: discourse, note-testing, text, syntax, sentence, model, construction.

Об авторах:

Гриненко Кристина Мироновна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail:

Pol-Kristina@inbox.ru;

Грушевская Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kff-kubsu@yandex.ru

УДК 81'42

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО АДРЕСАТА И АДРЕСАНТА

Е.С. Грушевская

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье характеризуется педагогический дискурс как объективно существующая динамическая система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса, функционирующая в образовательной среде. Описаны ценности, цели, участники, стратегии и языковые средства педагогического дискурса.

Ключевые слова: педагогический дискурс, ценности дискурса, языковые средства, коммуникативная ситуация, адресант, адресат.

Педагогический дискурс как один из видов фундаментальных дискурсивных практик является ключевым в формировании дискурсивного пространства в синтагматике и парадигматике. «Педагогический дискурс – это объективно существующая динамическая система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса, функционирующая в образова-

тельной среде» [7]. Другими словами, педагогический дискурс представляет собой общение людей, рассматриваемое в связи с их статусно-ролевыми характеристиками. Педагогический дискурс включает участников дискурса, педагогические задачи, ценности и содержательную основу. Участники педагогического дискурса – учитель и ученики, коллеги, родители учащихся. Роли участников дискурса разграничены и определены социальным статусом. Учитель подготавливает предмет общения (тему урока, тему классного часа, собрания и т.д.), подбирает речевые стратегии. Учитель выбирает отвечающего, позволяет вступать ученикам в диалоги, решает в какой момент прервать общение, определяет продолжительность времени коммуникации. Целью педагогического дискурса является социализация новых членов общества (обучение поведенческим нормам и правилам, объяснение устройства мира, приобщение нового члена общества к определенным ценностям и типам поведения, которые ожидаются от учащегося, проверка понимания и усвоения информации учащимся, оценивание результатов ученика) [7]. Выделяют следующие разновидности педагогического дискурса: учебно-педагогический дискурс; дискурс дошкольного образования; дискурс среднего (школьного) образования; дискурс высшего образования [6]; университетский педагогический дискурс; гуманистический дискурс учителя-логопеда; лингводидактический дискурс; учебный дискурс (лекторский и студенческий дискурс); аудиторный дискурс; учебно-воспитательный дискурс; организационный дискурс в учебной ситуации; дидактический дискурс. Н.С. Остражкова, полагая, что педагогический дискурс включает в себя профессиональное общение теоретиков, практиков, педагогов, исследователей, добавляет к выделенному следующие разновидности: дидактический (устная форма общения между преподавателем и учениками в ходе занятий), академический (все, что относится к письменной форме педагогической коммуникации – монографии, методические пособия учебники; устная форма представлена лекциями по педагогике и методике преподавания), публицистический (статьи в периодических изданиях, посвященные проблемам условий обучения, оплате труда преподавателей), социализирующий (агенты педагогического дискурса – обучающиеся и их родители как воспитатели)

и специальный (педагогический дискурс применяется в различных областях – в медицине, психологии и т.д.) [5, с. 8].

Системообразующая цель педагогического дискурса объясняет его ценности. Ценности педагогического дискурса могут выражаться через высказывания, содержащие операторы долженствования (необходимо, должно, следует) и положительные ценности. В педагогическом дискурсе заложено большинство моральных ценностей; педагогический дискурс пересекается с религиозным, политическим, научным дискурсом, в связи с чем, трудно обозначить собственно педагогические аспекты ценностей. Д.А. Перевалова выделяет базовые ценности педагогического дискурса: способность к адаптации и восприятию информации о социуме, ценность обучения [6, с. 23–26]. Поскольку целью педагогического дискурса является формирование человека и его духовной сферы, то для него более значимы моральные (вежливость, справедливость, честность) и утилитарные ценности (экономические, производственно-потребительские) [1].

Комплекс языковых средств, репрезентирующих педагогический дискурс и способствующих оптимизации процесса учебно-научного взаимодействия, включает в себя: 1) слова, называющие эмоции; суффиксальные модели эмоционально-интеллектуальной окраски; эмотивные предложения; 2) эмоционально-окрашенная лексика; степени сравнения прилагательных и наречий, включающие эмоционально-интеллектуальные оценки различной степени интенсивности; вводные слова и сочетания; 3) частицы; предложения, описывающие эмоционально-интеллектуальные переживания; 4) междометия; предложения с обозначением совместного действия; 5) фигуры речи (риторический вопрос, риторические восклицания, повторы, метафоры, эпитеты, сравнения, градация, антитезы, градация, инверсия, перифраза и т.д.) [4, с. 102–110].

В.И. Карасик предлагает выделять следующие виды стратегий педагогического дискурса: объясняющая (передача информации), оценивающая (доведение до участников дискурса степени успешности либо неуспешности их социализации), контролирующая (получение объективных сведений об уровне социализации участников дискурса), содействующая (поддержка и исправ-

ление учащегося) и организующая (организация совместных действий участников дискурса) [2, с. 193].

Объясняющая (коммуникативная) стратегия – это последовательность интенций, направленных на информирование человека, передачу ему знаний и мнений об устройстве мира. Данная интенция актуализируется в ряде жанров педагогической коммуникации: от бытовых разговоров родителей с детьми до философских бесед между преподавателем и учащимися. Однако под «знаниями» имеется в виду не только та информация, которая признается в обществе как коллективное объективное достояние, но и как субъективные индивидуальные представления человека. Научное знание пересекается с обыденным, не всегда при этом, совпадая: знания о мире, которыми человек располагал тысячи лет назад, сегодня с малой вероятностью будут признаны объективными. Эта стратегия сближает педагогический дискурс с научным, однако педагогический дискурс не стремится к обнаружению объективной истины, он опирается на аксиоматические знания, которые необходимо принимать на веру. Следовательно, интенция учителя сводится не к поиску новых знаний, а к передаче накопленного опыта.

В педагогическом дискурсе оценивающая стратегия выражает общественно значимую роль преподавателя как представителя общественных норм. Данная стратегия позволяет учителю оценивать как события, обстоятельства и персонажей, описываемых, например, в произведениях литературы, так и успеваемость учащихся. Оценка сопрягается с личным отношением преподавателя к ученику. Показателями такого отношения являются модулы: «Мне нравится/Мне не нравится», операторы: «хорошо/плохо» и т.д. Оценивать означает мотивировать, хвалить, критиковать, порицать, указывая на место объекта на оценочной шкале. Л.Л. Федорова выделяет оценочные и эмоциональные воздействия. К оценочным она относит: похвалу (Отлично! Умница!), порицание (Как тебе не стыдно!), обвинение (Ты не прав!), оправдание (Ты ни в чем не виноват!) Указанные воздействия выступают как стимулирующие реплики, дающие учащимся уверенность и заставляющие их анализировать свои действия и поступки [8, с. 178–179].

В педагогическом дискурсе контролирующая стратегия – это обратная связь, выражающаяся в проверке готовности учащихся к получению новой информации, в контроле понимания во время объяснений и после предоставления новой информации. Эта стратегия формирует ответственность и дисциплинированность у учащихся. Под контролем понимается поддержание контакта учителя с учениками. Поддерживая контакт, преподаватель контролирует общение, определяет время объяснения нового материала и повторения уже изученной информации, выделяет этапы занятий, тем самым проектируя совместную учебную деятельность.

Выделяют виды контроля: 1) текущий (один из наиболее эффективных видов контроля, позволяющий определить общую тенденцию усвоения учебного материала); 2) периодический (выявляет степень усвоения учениками комплекса вопросов по определенной теме); 3) итоговый (выявляет знания, полученные за учебный год или весь период обучения, форма такого контроля – экзамен или зачет) [3, с. 7].

Содействующая стратегия педагогического дискурса заключается в поддержке и исправлении ученика, в создании необходимых для его самостоятельного развития, условий. Содействующая стратегия во многом схожа с оценивающей стратегией, однако главное различие состоит в том, что оценка ориентирована на установку объективного положения дела, а при содействии создаются оптимальные условия, формирующие личность человека. Данная стратегия выражается в высказываниях учителя типа: «Человеку свойственно ошибаться» и т.д.

Организирующая стратегия состоит в совместных действиях участников педагогического дискурса. К таковым относятся этикетные ходы: приветствие, обращение; директивные ходы: откройте книгу на странице 12; трафаретные формулы – их используют при разрешениях спорных вопросов, конфликтах; тренировочные и игровые выражения, которые применяются и во время занятий и в ходе внеклассных мероприятий [1].

Педагогический дискурс вовлекает большое количество людей, которые являются представителями определенного социума, а значит, несут некие этнические и моральные установки, а также определенную ментальность, которая в немалой степени влияет

на ход дискурса в рамках образовательного процесса. Именно от того, насколько были учтены факторы адресата при формировании коммуникативной ситуации, зависит успешность или неуспешность педагогического дискурса.

Список литературы

1. *Габиддулина А.Р.* Учебно-педагогический дискурс: категориальная структура и жанровое своеобразие: дис. ... д-ра филол. наук. (Электронный ресурс) // URL: <http://scicenter.online/russkiy-yazik/ponyatie-pedagogicheskii-diskurs-nauchnoy-90413.html> (Дата обращения: 08.12.2017).
2. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477с.
3. *Коротеева О.В.* Дефиниция в педагогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 1999. 208 с.
4. *Макарова Д.В.* Языковые средства выражения интеллектуальных эмоций в педагогическом дискурсе // Образование и наука. 2009. № 1. С. 102–110.
5. *Остражкова Н.С.* Обучение пониманию содержательного компонента педагогического дискурса: дис.... канд. пед. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2004. 218 с.
6. *Перевалова Д.А.* Педагогический дискурс: дискурс дошкольного образования // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 368. С. 23–26.
7. *Полянина Е.В.* Педагогический дискурс: основные характеристики и жанры. (Электронный ресурс) // URL: http://www/sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2014/02/24/polyanina_e.a. (Дата обращения: 07.01.2017).
8. *Федорова Л.Л.* Эмоции в грамматике // Эмоции в языке и речи. М.: Изд. центр Рос. Гос. гумм. ун-та, 2005. С. 178–179.

PEDAGOGICAL DISCOURSE: DIALOGICAL SPACE OF THE ADDRESSER AND THE ADDRESSEE

E.S. Grushevskaya

Kuban State University, Krasnodar

The article presents pedagogical discourse as an objectively existing dynamic system of value-semantic communication of the subjects of the educational process, functioning in the educational environment. Values, goals, participants, strategies and language tools of pedagogical discourse are described.

Index Terms: pedagogical discourse, values of discourse, linguistic means, communicative situation, addressee, addresses.

Об авторе:

Грушевская Елена Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: gres_2012@bk.ru

УДК 81'42:005.574

ДИСКУРС ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА

С.В. Дармодехин

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности дискурса переговорного процесса. Приводятся вопросы, которыми можно управлять переговорами. Особое внимание уделено особенностям переговорного процесса в Великобритании. Представляются ключевые элементы эффективного ведения деловых переговоров.

Ключевые слова: заключение контракта, взаимное доверие, досье фирмы, недостоверная информация, веские аргументы, невыгодные условия.

Переговоры может предвосхищать деловая беседа с партнерами по бизнесу. Это предварительный обмен мнениями и деловой информацией. Беседа не предполагает заключения контракта или выработку решений для исполнения. Деловая беседа может носить даже неофициальный характер. В отличие от беседы переговоры предусматривают подписание контракта, когда возникают взаимные обязательства контрагентов. Р.Д. Льюис, характеризуя разные языки и разные народы, отмечает «Для немца и финна то правда, что правда. В Японии и Британии главное, чтобы не было ссоры. В Китае абсолютной истины нет вообще, а в Италии о ней можно договориться.» [1, с. 28].

При подготовке к переговорам переводчик и специалисты рабочей группы должны продумать детали предстоящей встречи. Уточнить конкретную цель предмета переговоров. Обозначить свои интересы и интересы партнеров; наметить движение дальнейших контактов после переговоров. Составляется список нужных специалистов для работы в переговорной группе. Решаются организационные вопросы, уточняются встречи экспертов. Успешность переговорного процесса связана с предварительными контактами с партнерами. Если партнеры не проявляют заметной заинтересованности, то следует провести с ними хотя бы рабочие консультации. Замечено, что оптимальными днями для контактов являются вторник, среда и четверг. Нельзя забывать, что успех встречи будет зависеть от умения задавать вопросы. Нужными вопросами можно успешно управлять переговорами. Вопросы подразделяются на следующие виды.

1. Информационные (сбор сведений).
2. Контрольные (выяснение понимания партнером).
3. Направляющие (направление переговоров в нужном русле).
4. Провокационные (выяснение: верно ли партнер вас понимает).
5. Альтернативные (партнер выбирает вариант решения проблемы).
6. Подтверждающие (попытка выйти на взаимопонимание).
7. Встречные (сужение разговора).
8. Ознакомительные (требуют развернутого ответа, выясняют мнение партнера).
9. Определяющие (установление мнения партнера).
10. Заключающие (направлены на положительное завершение переговоров).

Возможно, следует составить подробный план встречи группы по заключению контракта. Затем наметить время встречи, подходящее для обеих сторон. Наконец, уточнить какое будет помещение для переговоров. Продумать, как создать взаимное доверие между двумя рабочими группами. Не стремитесь заболтать собеседника. Лучше позволить ему давать объяснения и уточнения. Рассуждения гостя помогут лучше понять его позицию в рассматриваемой проблеме. При достижении поставленных целей не стремитесь выяснять что-то, не касающееся непосредственно переговоров. Изучите досье фирмы и ее сотрудников, с которыми собираетесь встречаться. Выясните, встречались ли они с вашими конкурентами. Помните, что перегруженный состав группы будет заметно тормозить движение работы. Важно не забывать, что эмоции и амбиции препятствуют достижению целей, руководствуйтесь интересами сторон. Надо позаботиться, чтобы в обсуждении использовалась достоверная информация. Ничто так не осложняет отношений и не мешает утверждению доверительности, как использование недостоверной информации. Убеждайте партнера, но не поучайте его. Используйте только веские аргументы. Попытайтесь встать на точку зрения партнера и понять его позицию, что позволит выработать правильное решение. Тщательно изучайте детали контракта, которые потребуется выполнять.

Успех переговоров опирается на соблюдение ряда условий. Следует вести себя сдержанно и не допускать излишней эмоциональности, которая вредит при принятии решений. Надо пытаться понимать партнера, что позволит подготовить взаимовыгодные решения. Поэтому важно иметь с ним предварительные консультации, чтобы уяснить его намерения, а это, конечно, улучшит отношения.

Нельзя забывать, что в переговорах участники, какими бы любезными ни казались, руководствуются своими интересами и рассчитывают на свой выигрыш. Следует разумно сочетать жесткость и уступчивость. Не рассчитывайте на то, что за откровенность с партнером он в благодарность проявит уступчивость. Важно понять интересы свои и партнера и определить точку их пересечения, где лежит взаимовыгодное решение. Старайтесь и в

невыгодных условиях договориться об особых уступках, которые сделают выгодным заключение контракта.

Британцы ценят длительность своих партнерских отношений. В этом случае они даже могут заключать контракт с заведомо незначительной выгодой. Британцы могут час и более обсуждать условия контракта по телефону, но при этом никогда не дадут согласия по этим договоренностям сразу, а попросят прислать уточнения в письменном виде. Деловая культура разных национальностей требует поисков своих эквивалентов. Например, контракт после его подписания для британцев, немцев, американцев означает обязательство, которое следует строго исполнять. Японец на контракт смотрит проще. При изменении обстоятельств он будет настаивать на изменении контракта, т.е. его следует переписать, заменить новым. Жители Южной Америки рассматривают контракт как идеальное и недостижимое желание.

Непринужденная атмосфера в деловых отношениях помогает преодолеть многие проблемы. Считается, что наибольшую склонность к юмору проявляют британцы. Испанский стиль общения позволяет участникам не принимать на себя большие перегрузки. В США юмор иногда называют деньгами, как и время.

С немцами юмор исключается из деловых разговоров, он для них серьезная помеха в работе.

Деловое общение британцев характеризуется сдержанностью и недосказанностью. Обмен рукопожатиями возможен при первой встрече. Дальше уместно лишь устное приветствие. Британцы постоянно выжидают, как бы находясь между верой и сомнением, чем способствуют утверждению репутации «Коварного Альбиона». Однако опытные бизнесмены подчеркивают, что британцы редко прибегают к хитрости и коварству. Свою сдержанность в общении объясняют уважением к деловому партнеру. В речи британских бизнесменов редко присутствуют утверждения и отрицания, но в избытке встречаются выражения: «скорее всего», «наверно», «возможно», «предположительно». Они сторонники соблюдения правил и законов, и здесь не идут ни на какие компромиссы. Легкие шутки всегда должны быть в запасе, когда идут деловые переговоры с британцами. Британцы предпочитают показывать, что они в переговорах опираются на здравый смысл и благоразумие и спешить с принятием решений не станут.

Надо учитывать, что британцы сохраняют приятельские отношения с друзьями, начиная с молодых лет; это мощная сила, и ее нельзя игнорировать. Британцы тяготеют к долгосрочным деловым отношениям, но не терпят спешки при заключении очередной деловой сделки. В переговорном процессе могут возникать паузы. Не перебивайте молчания британца. Он воспринимает это как грубость, навязывание. Дайте британцу возможность помолчать, как бы собраться с мыслями. Говоруны раздражают британцев, и они им не доверяют. Британцы не склонны обострять отношений. Молчание спасает их во всех случаях.

Переговорный процесс они теоретически рассматривают с разных позиций. Во-первых, получение от переговоров возможных уступок. Во-вторых, установление дружеских отношений с партнером и использование уступок «по-дружески». В-третьих, поиск других выгодных обеим сторонам решений.

В реальности ни один из указанных подходов не встречается в чистом виде. В переговорном процессе обязательно присутствует элемент партнерства. Чаще всего стороны пытаются решить важнейшие аспекты контракта через договоренности, а затем в частностях более сильная сторона наверстывает упущенное в первой части переговоров.

Нередко в первой части переговоров решаются вопросы, способные утвердить благожелательность более сильной стороны, упростив решение последующих вопросов с более сложным содержанием. Возможно, более сильный партнер обещает какие-то уступки в контракте, но не торопится это сделать. При этом ожидании более слабый партнер держится под напряжением и начинает сам делать уступки.

Иногда более сильный партнер открыто объясняет свою позицию, раскрывает свои интересы, настраивая более слабого партнера на добрый тон сотрудничества. Он убеждает более слабого партнера со всем красноречием во взаимной выгоде его предложений.

В любом случае нельзя принимать решение в последний момент. Лучше отложить подписание контракта, чтобы не совершить ошибок. Такой прием называют «опоздание на поезд».

Подготовка к переговорам требует выполнения значительной работы. Следует изучить официальные материалы о фирме, с

которой предстоит работать, определить возможную внешнеторговую цену товара, о котором пойдет речь на переговорах. Надо ознакомиться с ценами на аналогичный товар во многих источниках, их динамикой за последние годы для обоснования уровня цены; изучить проект контракта, продумав не только цены и валюту платежа. Необходимо определить состав участников переговоров, учитывая, что чем больше рабочая группа, тем медленнее продвигается работа.

В переговорном процессе важно придерживаться рациональности не проявлять неконтролируемых эмоций и торопливости. Следует стараться вставать на позицию партнера, чтобы выработать вариант договоренностей, подходящий обеим сторонам. Необходимо чаще объяснять свою позицию, это улучшает отношения партнеров. Помните, что достоверная информация располагает к сотрудничеству. Исключите из вашей речи поучительный тон. Не учите партнера, а убеждайте его аргументами. Не забывайте, что торг представляет стремление каждой стороны максимально реализовать свои интересы. Каждый из участников переговоров при сильном навязывании своих условий рискует сорвать рабочую встречу. Известно, что партнерские переговоры более продуктивны, и опытные партнеры будут в итоге их придерживаться. Считается, что эффективнее быть с людьми уступчивыми при решении торговой проблемы. Только выделив взаимные интересы, можно определить решение, в котором будут заинтересованы обе стороны. Следует принять и невыгодный вариант в каких-то частностях, если условия контракта в целом сделают его выгодным.

Список литературы

1. *Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. М.: Дело, 1999. 439 с.

DISCOURSE OF NEGOTIATIONS

S.V. Darmodekhin

Kuban State University, Krasnodar

The article deals with the peculiarities of negotiations. It is described how to manage the situation while negotiations are in progress. Special attention is paid to negotiations in Great Britain. Key elements are looked upon to create effective atmosphere during business negotiations.

Index Terms: to sign an agreement, mutual trust, the file of a firm, unreliable information, weighty argument, unsuitable conditions.

Об авторе:

Дармодехин Святослав Владимирович – кандидат экономических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: theory@rgf.kubsu.ru

УДК 81'25:821.111

ТЕХНИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ Д.М. ХОПКИНЗА

А.Н. Дармодехина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья рассматривает проблему инноваций, предложенных английским поэтом Д.М. Хопкинзом, который, по сути, сумел предвидеть многие приемы, впоследствии использованные искусством модернизма.

Ключевые слова: просодика речи, ритм, грамматические конструкции, поэтический язык.

Английский поэт Д.М. Хопкинз, чье творчество выпало на викторианский период развития литературы с его каноническими требованиями к искусству, стоит особняком от блестящей плеяды

поэтов этого периода А. Теннисона, Р. Браунинга, а также Д. Мередита, М. Арнольда и других. Хопкинз, как показывают наблюдения, опередил своих современников по крайней мере на половину столетия. Священник-иезуит не предназначал собственные стихи для публикации, они увидели свет лишь в 1918 году, когда друг и собрат Хопкинза по перу посмертно опубликовал книгу поэта и тем самым предоставил миру возможность познакомиться с уникальным творчеством поэта-новатора.

Хопкинз и сегодня известен как стихотворец. Его поэтические творения входят в большинство антологий британской поэзии XIX века и в радиоколлекции лучших поэтических работ ("Poetry, Please!" BBC, 1998 и др.). В 1997 году в Англии издан сборник «100 любимых национальных стихотворений», составленный на основе рейтинга, полученного в результате опроса мнений. Из ста отобранных нацией поэтических произведений – два принадлежали Хопкинзу: стихотворение "Pied Beauty" (42-е место) и "The Windhover" (63-е).

Однако главным творческим достижением Д. Хопкинза стали уникальные технические инновации в разработке поэтического языка, которые оказали влияние на развитие стихотворной традиции в Англии и на Западе в XX веке. Никто другой в британской поэзии не мог добиться столь уникального использования аллитераций и ассонансов, внутренних полноценных и половинных рифм, приглушений и озвончиваний гласных – "vowelling out" и "vowelling off" (термины Хопкинза: здесь он учитывал возможности и особенности голосовых связок и специфику произнесения английских звуков), нетрадиционного вокабуляра (англо-саксонские, а не нормандские корни слов) с созданием новых сложных слов для передачи образов и событий во всей их сложности (*the heaven-flung, heart-fleshed, miracle-on-Mary-of-flame* и т.д.). Его импликационные пропуски в тексте, слитность слов на стыках, особенное расположение строк, значки, введенные для точного восприятия читателем замысла поэта – все это делает его поэтику исключительной даже на фоне многочисленных поэтических экспериментов века.

Р. Якобсон часто обращается к разнообразным параллельным конструкциям в стихотворениях Хопкинза, говоря о «поэзии грамматики и грамматике поэзии». В свою очередь доктор Бриджес, которому принадлежит честь первой публикации творческо-

го наследия поэта, отмечает, что в стихах Хопкинза грамматические структуры определяются значением, «в то время как грамматика призвана обнажать и усиливать значение» [4, с. 96]. О «деграмматикализации» грамматики в поэтическом произведении говорил и Ш. Бодлер, рассуждая о том, как вдохнуть жизнь в слова. Однако новаторская теория просодики в стихотворной форме художественной реализации, предложенная Хопкинзом, осталась за пределами исследований.

Как и у каждого поэта, у Хопкинза были излюбленные лингвистические средства, которые он виртуозно эксплуатировал. И если Малларме называли поэтическим «синтаксистом», то Хопкинза с полным правом можно назвать «просодистом». Поэт разработал собственную систему просодических средств в поэзии, в которой главенствующее положение занимает ритм. Хопкинз считал, что ритмико-интонационная модель с восхождением тона в конце строки, поднимает и расширяет ее, в то же время модель с нисходящим тоном «принижает» строку, приближая ее к высказыванию в разговорной речи. Согласно теории Хопкинза поэтические ритмы вбирают в себя все ведущие и второстепенные элементы просодики: метр, рифмы, строй и стиль дикции, качество голоса чтеца-декламатора – все призвано работать на создание единого поэтического эффекта. Поэт неоднократно указывал, что его поэзию следует читать не глазами, – «наберите воздуха, прочитайте ушами (т.е. вслух – *А.Д.*) как я всегда хотел, чтобы меня читали, и мои стихи становятся такими, как надо» [5, с. 97]. Хопкинз утверждал, что первоначально поэзию прочили для пения или звучания (декламации), такое ее предназначение было постепенно утеряно, так как научившись читать, человек оставался наедине со стихотворением, воспринимая его лишь глазами. Это незамедлительно сказалось на искусстве, которое продолжало развитие по новым законам: создания благозвучных строк поэты добивались при помощи задуманных звуковых эффектов, однако они предназначались в лучшем случае для чтения шепотом, а чаще – для умственных упражнений в тиши кабинета. «Это не является истинной природой поэзии, любимого детища речи, губ и устного высказывания; она должна быть устной, пока она не озвучена – она не исполнена, а если она не исполнена, она – не является поэзией» [5, с. 137].

Этой проблемы касался и русский поэт А.К. Толстой. В одном из писем он говорил о подходе к поэзии французской школы, «которая хочет удовлетворить глаза, а не уши» [3, с. 181–182]. Далее А.К. Толстой вступает в полемику с Тургеневым, критиковавшим его за использование «хромых», т.е. «рискованных» рифм типа: *имя–или, суровый–слово*. «Гласные, которые оканчивают рифму – когда на них нет ударенья – по-моему, совершенно безразличны, никакого значения не имеют. Одни согласные считаются и составляют рифму. “Безмолвно” и “волны” рифмуются, по-моему, гораздо лучше, чем “шалость” и “младость”, чем “грузно” и “дружно” – где гласные совершенно соблюдены. Мне кажется, что только малоопытное ухо может требовать гласную – и оно требует этого только потому, что делает уступки зрению. Я могу ошибаться, но у меня интимное чувство – следствие моей эвфонической организации, и вы знаете, насколько у меня требовательное ухо... Я увлекся, говоря, что гласные безразличны: я бы не желал поставить в рифму “у” с “и”, но “а, о, ы” или “у” – все родные, также как “и” и “я” – тоже родные» [3, с. 181–182]. С этим удивительно перекликаются воззрения Хопкинза, чьи инновации были направлены на создание естественного поэтического ритма, приближенного к ритму живой разговорной речи, или к ритму прозы, который позволил бы поэту более свободно выражать свои чувства. Главной задачей автора было научиться «управлять» читателем, ведя его от ударения к ударению так, чтобы строка начала функционировать в различных измерениях. Для этого он вводит понятие “sprung rhythm” (пробивающийся, бьющий(ся) ритм). «Меня давно преследовало эхо моего нового ритма. В ушах у меня давно звучит ритм, который я теперь сумел реализовать на бумаге... Короче говоря, его суть состоит в скандировании лишь на основе акцентов и ударений без учета количества слогов так, что стопа может являться одним сильным слогом или же многими неударными и одним ударным слогом. Осмелюсь сказать, что идея не нова; намеки на нечто подобное имеются в музыке, детских считалках и народных рифмах» [4, с. 73].

Поэт пытается найти размер, который представлял бы собой нечто более емкое, чем размер в традиционном понимании и содержал бы большее количество ударений. Он подчеркивал, как непереносимое условие, что *sprung rhythm* строится, прежде всего,

на смысловых, а уже потом на ритмических ударениях, старался учитывать систему аллитерации древнеанглийского языка. Хопкинз, хотя и не сумел довести их до функционирования на метрическом уровне в стихе, широко и плодотворно использовал аллитерации в сочетании с другими «эховыми» эффектами (внутренней рифмой, ассонансами и т.д.) и достиг поразительных результатов. Такие модели в совокупности позволяли сжимать стих в своеобразные словесные группы, скопления, в которых ударение имеет тенденцию быть компактно спрессованным с неударной частью (слоги, слова) фрагментов поэтического текста, ощущаясь читателем минимально.

Для этой цели поэт настоятельно предлагал ввести в текст как обязательное условие специфическую систему разметки текста, т.е. графической передачи ритмико-интонационной заданности рисунка, так как при «пробивающемся» ритме ударения кажутся то нагроможденными одно на другое, то рассыпавшимися по тексту. Это могло бы помочь неподготовленному читателю викторианской Англии верно понять и точно озвучить трудный поэтический текст.

Нельзя в данном случае не провести параллели между трактовкой роли и функций ритма Д. Хопкинзом и анализом ритмической вариативности поэтического языка на русском материале А. Белого, который обнаружил, что полуударные слоги подчас подменены полноударными, хотя это противоречит метрической схеме. Такие случаи слишком многочисленны, чтобы их можно было отнести к случайным погрешностям поэтов. Зато ритмические структуры лишь выигрывают от такой «подмены». Однообразие и монотонность звучания уступают место ритмической вариативности. Внезапные отступления от заданности в ритме поражают разнообразием и очарованием [2, с. 286–330]. А. Белый утверждал, что ритм является наиболее важным компонентом стиховой структуры и что именно ритм, а не размер, определяет всю структуру стиха. Русский символист при исследовании поэтических ритмов увлекался графикой, точнее «слуховой записью», а его кружок ритмистов-последователей преуспел в разработке особых помет для точного воспроизведения ритма, распределения ударений и безударных слогов, а также цезур.

Хопкинз разрабатывал и свою систему записи «ритма». Противопоставляя «пробивающийся ритм» (*sprung rhythm*) традиционному «бегущему» (*running rhythm*), он, по сути, возродил дочосеровский акцентный тип стиха с ударным слогом и неопределенным количеством последующих безударных слогов. Их он предлагал помечать ниже строчки и именовал “*hangers*” и “*outriders*” («провисающие» и «сопровождающие» слоги). Поэт предлагал также отмечать в тексте сильные или «высокоударные» ударения. Другими просодическими нововведениями Хопкинза были “*rocking rhythm*” (раскачивающийся или качающийся ритм) и “*roving over rhythm*” (скитающийся ритм). Хопкинз разграничивал стандартный ритм английского акцентно-силлабического стиха, который, соответственно традиционной просодике, измеряется стопами и двух- и трехслойной силлабикой. По его наблюдениям, ритм становится исходящим, если ударение падает на конец стопы (ямб, анапест), нисходящим, если ударение падает на начало стопы (дактиль, хорей). Если ударение оказывается между двумя неударными слогами (амфибрахий), Хопкинз называет его «качающимся» ритмом. Все эти разновидности поэт усматривает в устоявшемся и естественном стихотворном контексте. Однако им предложен альтернативный «пробивающийся» ритм (*sprung rhythm*), при котором в стопах, для удобства скандирования, при нисходящем ритме, как правило, ударение падает на первый слог. Как считал Д. Хопкинз, “*sprung*” *rhythm* достигается путем высвобождения канонизированного (“*running*” *rhythm*) ритма, который переходит в план более высокой степени ударности с главным принципом: запрет частых смежных ударений. При этом ударения словно разбрасываются или, напротив, нанизываются в строке, расширяя ее спектр. И хотя стопы более или менее выдерживаются как равноценные по длине и силе ударений, их кажущаяся неэквивалентность достигается паузой или слабой ударностью. «Провисающие» (*hangers*) и «сопровождающие» (*outriders*) элементы – экстраметрические слабые слоги, добавляемые к стопам, но не учитывающиеся при скандировании. Ударения в этом случае, по определению Хопкинза, «скитаются» (*roving over stress*) или «парят» (*hovering stress*). Этот вид ударений в слогах поэт обычно помечал над строкой. Такие пометы были большим подспорьем для читателя

того периода, особенно в тех случаях, когда имел место ритмический перенос с одной строки на другую, т.е. происходило несовпадение метрической и синтаксической пауз. Хопкинз даже пытался указывать читателю возможные варианты ритма: два ударных слога могли сообразно размеру звучать как один при визуальном восприятии, при декламации же, согласно пометам автора, оба можно было сделать ударными.

Обратимся к первым пяти строкам стихотворения Хопкинза «Свинцовое эхо», чтобы убедиться, сколь умело пользуется поэт подбором слов и грамматическими конструкциями в сочетании со средствами просодики:

The Leaden Echo

How to keep – is there any any, is there none such, nowhere known (1)

some, bow or brooch or braid or brace, lace, latch or catch or key (2)

to keep (3)

Back beauty, keep it, beauty, beauty, beauty, ... from vanishing (4)

away? (5)

Сравним перевод с некоторой редакцией:

Как удержать – и есть ли что-то иль нет такого, известного хоть где-нибудь (1)

Кому-то: брошь, бант иль бахрома, шнурок, щеколда ли, (2)

Задвижка или ключ, чтоб удержать (3)

Прекрасное, чтоб удержать его, прекрасное, прекрасное, прекрасное ... (4)

От тленья? (5)

Даже на примере этого небольшого фрагмента можно судить об искусном владении автором системой грамматических структур, которые он располагает, легко превращая симметрию в асимметрию, создает из них обрамление и тут же расчленяет. Тесно связаны с синтаксисом через знаки препинания значки-ударения, введенные Хопкинзом для полной реализации своего замысла, грамматические явления взаимодействуют с синтагмами и паузами, музыкальными эффектами: мелодией, контрапунктом, гармонией, игрой слов и звуков, каждой аллитерацией и ассонансом, нарастанием вербального эха и т.д. Так поэт воспроизводит сложность чувств, движение сознания, ход мысли и состояние души, максимально реализуя эффекты звуковой и графической выразительности.

Особый знак ударения для специального выделения голосом проставлен Хопкинзом над строкой, как явная просодическая по-

мета в трех случаях – на первом из трижды употребленном в отрывке глаголе “keep”, затем на первом же из двух стоящих рядом неопределенных местоимений “any” (редкий и, скорее всего, экспериментальный случай употребления). Обе пометки сделаны в первой стихотворной строке. Еще одна такая помета проставлена над существительным “lace” во второй строке стихотворения данного отрывка. Но это лишь очевидные просодические подсказки. Многоуровневые связи просодики с остальным языковым материалом создают гармонию созвучия при полном отсутствии строчных рифм. В тексте имеется лишь одна внутренняя рифма: *latch–catch*. Зато аллитерации согласного “b” (*back, beauty, bow, brooch, braid, brace*), “k” (*keep, catch, key*), комбинация “k–t” (*back, beauty, keep it*) и “l” (*lace, latch*) вырастают в аллитеративную схему b–k–l–t. Эта схема наполнена ассонансами “i–i”: (*keep, is, is, keep, beauty, keep it, beauty*), “e–ei” (*any, braid, brace, lace, away*), другими дифтонгами и позволяет во взаимосвязи гласных и согласных достичь музыкального эффекта эха. На создание такого рода звучания работает система прямых повторов (“keep” – трижды, “beauty” – четырежды), параллельные конструкции (*is there any any*), (*is there none such*), оппозиции (*to keep back* – удержать, *to vanish away* – исчезнуть, распасться) с постпозитивными предлогами “back” – вектор, обозначающий возвращение к предмету, и “away” – вектор, обозначающий удаление от предмета. Грамматические структуры также неотрывны от просодических средств выражения. Риторический по своей сути вопрос “*how to keep... beauty from vanishing away?*” стал лишь обрамлением фрагмента из пяти строк. Введенный здесь для удобства анализа условный знак многоточия вмещает обилие текстового материала: дважды повторенную структуру оборота “*there is (are)*”, употребляемого в случаях, когда говорящий более всего желает подчеркнуть местонахождение предмета. Форма оборота – вопросительная (*is there any any; is there none such*) в третьем случае оборот не употреблен, но предполагается: (*is there nowhere known some?*)

Автор подсказывает читателю, что главное в ответе на его вопрос – обстоятельство места, которое так и не будет названо в стихотворении. Далее следует перечисление существительных, расположенных по степени их семантических признаков от атри-

бутов, скорее украшательства, чем красоты («бант», «тесьма», «брошь»), к переходному “*lase*” («кружево», но и «шнур», «шнурок») и затем к словам, обозначающим средства предосторожности, необходимые для сохранности предмета (в данном случае – красоты): «щеколда», специальный шпингалет или «защелка» с секретом и, наконец, «ключ». Грамматический, лексический и стилистический уровни, как видно из анализа, неразрывно связаны с уровнем просодическим. Держит на себе общую просодическую структуру текста и синтаксис. Знак вопроса очерчивает общий интонационный контур пятистрочья, запятые придают ему нервную и обрывистую ритмико-интонационную фрагментарность, которую необычайно трудно сохранить при переводе. Вторым по степени значимости знаком препинания является многоточие, следующее за последним в ряду повтора существительным “*beauty*”. Ему предшествует запятая: (3) ...*to Keep* (4) *back beauty, Keep it, beauty, beauty, beauty, ...from vanishing away?* Согласно правилам синтаксиса, в ряду перечисляемого запятая не ставится после конечного компонента. Д.М. Хопкинз тем не менее вводит ее в стихотворную канву, чтобы показать, что такое перечисление может быть продолжено и в сущности не имеет конца. Отсюда необычное сочетание запятой и многоточия, а также и подсказанная читателю мысль автора: в этом мире красота (прекрасное) никогда не кончается, это категория вечности.

Прерванный знаком тире риторический вопрос создает в самом вопросе нечто вроде внутренней речи автора, которая воспринимается читателем, как таковая, благодаря повторам и параллельным конструкциям, т.е. как сбивчивая и прерывистая мысль, к которой то и дело возвращаешься. Отсюда происхождение прерывистого, «пробивающегося» ритма во внутреннем наполнении вопроса. Многочисленные перечисления, согласно правилам, отделяются запятыми. В связи с этим ритмовые структуры уменьшаются в объеме, становятся ломкими и резкими до обрывистости. В ритмическом оформлении важную роль играют переносы: *nowhere / known; latch or / catch; to keep / Back; vanishing / away*. С помощью такого размещения текста поэт показывает читающему его стихотворения вслух, как ему следует модулировать голосом поэтические переходы от строки к строке, программирует заранее ритм декламации.

В русском издании этого стихотворения [1, с. 472] построчное расположение текста оригинала стихотворения нарушено.

The Leaden Echo

How to keep – is there any any, is there none such, nowhere known (1)

some, bow or brooch or braid or brace, lace, latch or catch or key to (2)

keep (3)

Back beauty, keep it, beauty, beauty, beauty, ... from vanishing away? (4)

Дело не просто в неточности воспроизведения текста оригинала, при которой пять строк стихотворения стали четырьмя. В идиостиле Хопкинза, где для достижения наибольшей точности и музыкальности звучания все важно и взаимосвязано, подобная неточность воспроизведения способна разрушить поэтический строй стихотворения. В тексте не существует маловажных элементов: определяют ритм не только расположение текста, поэтические переносы со строки на строку, но и заглавные буквы. Их в пяти анализируемых строках всего две – в слове “How” – первое слово первой строки и “Back” – первое слово в четвертой строке. В общем ритме стихотворного отрывка они также претендуют на определенную выделенность и должны привлекать внимание читателя своей семантикой. Характерно, что повтор ряда структур, показанный в тексте запятыми, переходит в перечисление с тем же знаком препинания.

Сама схема такого расширенного повтора текста имеется в строках 1–2–3 (*How to Keep ...or Key*) и строках 3–4–5 (*to keep back ...from vanishing away*). Сложная структура построения влияет и на мелодико-интонационную картину поэтического текста. Общий тон пятистрочного фрагмента – тон специального вопроса, т.е. нисходящий, со смысловым центром на вопросительном слове (*How*) и последнем ударном слове (*vanishing*). В перечислении каждый элемент является отдельной синтагмой – отсюда и заданность поэтического ритма Хопкинза. Это предполагает множество смысловых центров внутри строки и всего стихотворного отрывка. Интонационный рисунок таких синтагм, согласно законам английской просодики, обычно зависит от отношения говорящего к высказыванию. Обычно при перечислении все синтагмы, кроме последней, произносятся с восходящим тоном и несут идею определенной незавершенности. Интонационный строй фрагмента заранее предопределен формой специального вопроса, который оказывается, на самом деле, законченным сообщением,

предполагающим невозможность ответа на него (об этом говорится и в остальной части стихотворения). Становится ясной точка зрения поэта в его попытке ответить на главный вопрос стихотворения – не существует возможности защитить прекрасное от распада и разрушения, а красоту – от тлена.

Единственный из имеющихся переводов (И.А. Лихачева) этого стихотворения, как представляется, много потерял из-за невозможности передать средствами русской просодики теснейшую взаимосвязь английской просодической системы с другими уровнями поэтического языка.

Свинцовое эхо

Как сберечь – нет ли средства, нет ли, нет ли, есть ли (1)

в мире неизвестный узел, лента, шнур, крючок, (2)

ключ, цепь, замок, засов, чтоб удержать (3)

Красоту, сберечь ее, красоту, красоту, чтоб не уходила (4)

бы от нас? (5)

Пер. И. Лихачева

Неудачи при попытке перевода стихотворения такой сложной архитектоники неизбежны:

1. В тексте оригинала имеется стержневой глагол “*to keep*” (сохранить, держать, оставаться), употребленный дважды, а также глагол “*to keep*” с постпозитивным предлогом “*back*” (сдерживать, удерживать). Переводчик не нашел эквивалента английскому глаголу с одним и тем же корнем, а потому хопкинзовское “*to keep – keep back – to keep*” при переводе стало «сберечь – удержать – сберечь».

2. Грамматические «игры» поэта с неопределенными местоимениями, частично неупотребляемыми в речи и отчасти напоминающими иллюстрацию к грамматическим правилам, при переводе потеряны. Вместо них в первом случае переводчик ввел в текст слово «*средства*», которое своей определенностью просто выпадает из строки и семантически, и стилистически. Во втором и третьем случаях переводчик подменяет их повтором «*нет ли, нет ли*», а затем, отталкиваясь от изобретенного им самим эквивалента, добавляет структуру «*есть ли*». В результате текст теряет неопределенные местоимения, которые в оригинале столь точно имитируют внутреннюю речь с ее нечеткостью выражения и передают неуверенность автора, ищущего ответа на свой вопрос.

3. Утратилась музыкальность поэтической фразы, которая во многом строилась с помощью ассонанса и аллитерации. Так, при перечислении предметов «красивости» стоило бы пожертвовать семантикой одного из слов, чтобы сохранить существительные, начинающиеся с согласного «б», отыскать эквиваленты слов “lace” и “latch” в русском языке с согласной «л» в начале либо подобрать их, строя отбор с упором на иной, но общий для обоих существительных, согласный звук.

4. При перечислении переводчик нарушил стратегически важный порядок слов текста оригинала. В результате слово «ключ», являющееся наиболее семантически значимым, передвинуто на четыре позиции вперед и нарушает тем самым многофункциональные внутритекстовые связи. Система нарастания и градации в перечислении перестала существовать.

5. Тяжеловесная сослагательная структура в русском переводе «*чтоб не уходила бы от нас*» оставляет желать лучшего, тогда как в оригинале имеется изящное “*from vanishing away*” (*to vanish away* – *исчезать, пропадать*; “*away*” – *прочь, вовсе*).

6. Внимательное прочтение знаков препинания в оригинале позволило бы увидеть, что в структуре “*nowhere known some*” неопределенное местоимение “*some*” отделено от первого из разряда перечисленных предметов (“*bow*”) запятой, т.е. к нему не относится. Таким образом, в переводе имеет место неоправданное введение слова в качестве определения («неизвестный узел»), которого нет и не может быть в скупом, и тщательно выверенном тексте оригинала.

7. Несмотря на более чем столетний возраст стихотворения «Свинцовое эхо», в нем нет устаревших грамматических структур, нет и архаизмов. Поэтика стихотворения поражает своим современным звучанием. Тем более необоснованным представляется использование переводчиком устаревшего варианта «снур» в ходе перечисления.

Анализ неудач переводчика приведен здесь лишь с одной целью: показать, как трудно добиться близости к оригиналу, максимальной эквивалентности при переводе поэтического языка такого мастера просодики, каким был Д.М. Хопкинз.

Список литературы

1. Английская поэзия в русских переводах: Сборник / Авт.-сост.: М.П. Алексеева. М.: Прогресс, 1981. 686 с.
2. *Белый А.* Опыт характеристики русского четырехстопного ямба // Белый А. Символизм. М., 1910. С. 286–330.
3. Полное собрание сочинений гр. А.К. Толстого: в 4-х т. / Под ред. П.В. Быкова. СПб., А.Ф. Маркс, 1907–1908. Т. 4: Дневник; Переписка. 1908. 316 с.
4. *Hopkins G.M.* Poems and Prose of Gerard Manley Hopkins ed. W.H. Gardner (1953), London, Penguin Books, 1963. 304 p.
5. *Hopkins G.M.* Selected Prose // Hopkins G.M., Roberts G. Oxford; New York: Oxford University Press, 1980. 223 p.

TECHNICAL INNOVATIONS IN POETIC LANGUAGE OF G.M. HOPKINS

A.N. Darmodekhina

Kuban State University, Krasnodar

The article touches upon the problem of innovations introduced by the English poet G.M. Hopkins, who in fact managed to foresee a lot of devices used by future modernists.

Index Terms: prosody of speech, rhythm, grammar constructions, poetic language.

Об авторе:

Дармодехина Анна Николаевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: theory@rgf.kubsu.ru

**СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПЕРСУАЗИВНОЙ
СТРАТЕГИИ СЫЩИКОМ НЕПРОФЕССИОНАЛОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖОРЖА СИМЕНОНА
“LE PETIT DOCTEUR”)**

К.В. Затынайченко

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена изучению феномена персуазивности. В ней дается краткая характеристика его значимости в разных областях знания. Рассматривается практическая реализация персуазивной стратегии в коммуникативной ситуации посредством определенных тактик. Новизна исследования определяется статусом адресанта.

Ключевые слова: персуазивность, детективный дискурс, стратегия, тактика, адресат, адресант.

Как известно, первые упоминания о важности убеждающей речи появились в античной риторике (Аристотель, Цицерон, Квинтилиан и др.) в связи с необходимостью актуализации тех или иных «дискурсивных практик» (в терминах современной науки. – К. З.) с той или иной целью. Великие мастера убеждающей речи полагали, что наибольшей эффективностью обладает та речь, которая способна убедить и заставить действовать.

Со временем внимание к содержательной стороне речи угасло, а главное место в риторике стала занимать речевая форма. В новое время интерес к понятию «персуазивность» возникает в таких гуманитарных областях, как социология, психология, лингвистика. Конец 50-х годов ознаменован появлением «Новой риторики» [10].

В социологии данный термин понимается как метод влияния на общественные массы. Целью убеждения в этой области знания становится изменение когнитивного содержания, а именно сложившейся системы взглядов и знаний адресата. По мнению А.С. Матвеева, такой вид убеждения является наиболее рациональным, так как «решение, принятое в результате его воздейст-

вия, всегда является осознанным, добровольным, выразимым в словесной форме и обоснованным» [7, с. 80]. В психологии «персуазивность» рассматривается как действие, направленное на изменение аттитюдов, другими словами, сформированных ценностей личности [2].

В русле прагмалингвистических исследований, введенное Е. Коппершмидтом понятие «персуазивность» не получило однозначного определения [3]. В отечественной лингвистике это понятие изначально связано с оценочностью. В.А. Белошапкова полагает, что персуазивность возникает из умения адресантом оценить объективное содержание сообщения с точки зрения таких категорий, как правдивость и недостоверность, уверенность и неуверенность. Справедливо мнение о том, что каждое высказывание содержит в себе персуазивный оттенок, включая вводные слова, наречия, модальные частицы и другие [1].

Понятие «персуазивность» имеет в своем происхождении зарубежные корни. Русским аналогом этого термина является существительное «убеждение». С.И. Ожегов в «Словаре русского языка» убеждением называет «твердый взгляд на что-либо, основанный на какой-либо идее, мировоззрении» [8, с. 712]. Однако необходимо учитывать понимание убеждения в двух ипостасях – как процесс и как результат.

«Персуазивность» означает целенаправленное воздействие (процесс убеждения) адресанта на адресата с целью убеждения (результат) его в чем-либо. Убеждение может быть достигнуто через побуждение «к совершению определенных действий, связанных с изменением поведения» [4, с. 54]. На первое место ставится взаимодействие адресата и адресанта, а также отношения между языковыми единицами и условиями их использования в определенной коммуникативной ситуации. При этом большое внимание уделяется выбору наиболее удачных языковых средств для эффективного воздействия на адресанта [8]. Среди них особое место занимает изучение стратегического потенциала, используемого в процессе убеждения.

В нашей работе мы основываемся на классификации Е.С. Харджиевой. Она полагает, что персуазивная стратегия в детективном дискурсе проявляется в использовании следующих тактик: тактика психологической ловушки, тактика выведения собеседника из эмоционального равновесия, тактика demonstra-

ции осведомленности, тактика аттракции, тактика провокации, тактика психологического шока и другие [9].

В уголовно-процессуальной деятельности убеждение может быть достигнуто двумя способами: логическим и нелогическим. Первый характеризуется наличием рациональных доводов и аргументов. Второй предполагает использование психологических способов воздействия.

Важно отметить, что стратегия – это набор коммуникативных действий, направленных на достижение определенных целей. А тактика выступает в качестве приемов и способов реализации общей стратегии [5].

В сборнике повестей «Le petit docteur» («Маленький доктор») Жорж Сименон создал новый образ сыщика Жака Доллана. Большую часть своего свободного времени он посвящает раскрытию таинственных преступлений. Этот молодой человек, врач по образованию, не преследует финансовую цель, расследуя преступные дела. Маленький доктор только начинает заниматься профессией сыщика. Ему приходится бороться с неуверенностью в себе, с постоянным ожиданием неудачи, но он справляется. Несколько успешно раскрытых преступлений делают героя более опытным.

Жак Доллан использует преимущественно нелогический подход к расследованию преступлений. Тактики, которые он применяет в процессе допроса объектов убеждения, носят преимущественно психологический характер. В этом мы усматриваем специфику актуализации персуазивной стратегии сыщика не-профессионала.

В повести “Le Fantôme de Monsieur Marbe” («Привидение на вилле мосье Марба») господин Эварист Марб, бывший чиновник в колониях, просит Маленького доктора разобраться в необычном деле. Хозяина виллы беспокоит регулярное посещение его дома незнакомцем, которого он называет привидением. Это дело является первым в жизни Жака Доллана.

Приехав на виллу к господину Марбу, сыщик собирает подробные сведения о расследуемом деле. Здесь Жак Доллан знакомится с его сыном Клодом. Тайно следуя за юношей, сыщик натывается на Пьеро, ранее имевшего финансовые дела с господином Марбом. В диалоге с Пьеро Жак Доллан использует *тактику психологической ловушки*. Неожиданная, провокационная, разоблачающая информация, указывающая на причастность объекта

убеждения к преступлению, вызывает чистосердечное признание героя. Маленький доктор демонстрирует способность увидеть малейшие противоречия в словах Пьеро.

Пример:

“– J’attends que vous vous expliquiez, murmura Pierrot d’une voix sans tendresse.

– Voilà... Je suis venu vous prévenir... Il vaut mieux que vous n’alliez pas cette nuit dans la villa de M. Marbe. Il est vrai que vous n’en aviez sans doute pas l’intention, puisque vous êtes enfin en possession de la trompette...

Pierrot l’examinait avec de petits yeux inquisiteurs.” / «– Я жду ваших объяснений, – не очень-то ласково процедил Пьеро.

– Вот... Пришел вас предупредить... Лучше не ходите сегодня ночью на виллу к мосье Марбу. Правда, вы, вероятно, и не собирались, поскольку труба, наконец, в ваших руках...

Пьеро впился в него своими маленькими глазками.»

Позже в подобной ситуации эффективной оказывается тактика выведения собеседника из эмоционального равновесия. Сообщение неприятной, пугающей информации провоцирует негативную эмоциональную вспышку у Пьеро. Он крайне удивлен, что чуть не стал жертвой господина Марба. Данный прием помогает Маленькому доктору получить необходимую информацию:

Пример:

“– Je vous expliquerai tout cela, mes enfants, crâna le Petit Docteur. Vous êtes furieux, hein ? La trompette ne vous a pas apporté ce que vous escomptiez ?...

– Vous n’appartiendriez pas à la police, par hasard ?

– Moi ?... Jamais de la vie !... Je suis médecin... Et ce que je cherche, en ce moment, c’est la raison pour laquelle M. Marbe, qui est un homme paisible et craintif, tenait absolument à tuer son visiteur nocturne qui ne lui faisait pourtant aucun mal et ne lui volait rien...

Les deux hommes furent aussi étonnés l’un que l’autre, mais le plus étonné était Claude, qui regardait son compagnon dans l’espoir d’une explication.” /

«– Сейчас я вам все объясню, ребятки, – лихо блефовал доктор. – Злитесь небось? В трубе не оказалось того, на что вы рассчитывали?

– Уж не из полиции ли вы случайно?

– Я? Никогда в жизни! Я врач. И что меня сейчас занимает, это почему мосье Марб, человек вообще мирный и даже боязливый, непременно хотел убить своего ночного гостя, хотя тот не причинил ему ни малейшего вреда и ничего у него не украл...

Оба были изумлены, особенно Клод, который глядел на своего товарища, ожидая от него какого-то объяснения.»

В другой повести Жоржа Сименона *“Le passager et son nègre”* («Пассажир и его негр») актуализируется тактика демонстрации осведомленности. В данном произведении на борту теплохода происходит убийство лесоруба по прозвищу Пополь. Это событие и становится причиной расследования. На борту теплохода Пополя всегда сопровождал негр Виктор Гюго, с которым он находился в хороших отношениях. После преступления Виктор Гюго скрылся. Полиции не удалось выяснить истинное положение дел. Арестовано значительное лицо – мадемуазель Лардилье, что может нанести большой ущерб составу парохода. Маленькому доктору необходимо найти развязку этой тайны. Во время разговора с отцом мадемуазель Лардилье, сыщик словами *“Je sais... Je sais”* демонстрирует информированность в раскрываемом деле и качественную подготовку к допросу. В результате объект убеждения теряет уверенность в себе и осознает, что любые ложные показания могут быть моментально раскрыты и направлены против него: *“– Ma fille affirme qu’elle n’a vu personne... – Je sais... Je sais... J’ai lu sa déposition”* / «– Дочь утверждает, что она никого не видела. – Знаю, знаю... читал ее показания.»

Еще одним психологическим методом сыщика является тактика аттракции. Жак Доллан использует его, чтобы расположить собеседника к себе для получения нужной информации. Сыщик начинает разговор с утверждения о невиновности дочери господина Лардилье: *“– Si je me suis permis de vous déranger, c’est que je suis persuadé que votre fille n’a pas tué Paul Cairol... La compagnie, désireuse de découvrir la vérité, m’a chargé de faire une enquête conjointement à celle de la police...”* / «– Я позволил себе побеспокоить вас лишь потому, что уверен: ваша дочь не убивала Поля Кероля. Компания, желая установить истину, поручила мне провести следствие совместно с полицией...»

В беседе с господином Лардилье Маленький доктор использует тактику провокации. Сыщик легко находит уязвимые точки допрашиваемого и, воздействуя на них, склоняет объект убеждения к откровенной беседе, открытости в поведении. Информация,

предоставленная господину Лардилье, о флирте его дочери, вызывает у отца бурную эмоциональную реакцию: “– Vous avez donc assisté, à regret, au flirt qui s’ébauchait...Le front de l’homme d’affaires se plissa. – Pourquoi parlez-vous de flirt ?... Une jeune fille ne peut-elle jouer au palet ou à la belote avec un homme sans qu’il faille soupçonner autre chose ?...” / «– Таким образом, к сожалению, на ваших глазах за вашей дочерью начали ухаживать... Брови дельца нахмурились. – Черт возьми! Стоит девушке поиграть в мяч с мужчиной, как ее непременно в чем-то заподозрят...»

Жак Доллан разыгрывает целый спектакль, применяя *тактику психологического шока*, когда застаёт врасплох Лардилье и двух чернокожих, беседующих за столом в бистро. Эта тактика проявляется в сообщении неожиданной для подозреваемых информации о местонахождении компрометирующей записки. У подозреваемых (господина Лардилье и чернокожего Виктора Гюго) возникает состояние психологического потрясения, эмоционального шока. Вскоре после обыска Маленькому доктору удастся разоблачить преступника господина Лардилье: “Soudain, le Petit Docteur apostropha l’interprète bantou. – Demande-lui où son maître a caché le papier... L’autre, qui en avait le sifflet coupé, ne trouvait pas les mots et Victor Hugo semblait prêt à prendre la fuite.” / «Маленький доктор громко окликнул переводчика. – Спроси-ка, куда его хозяин спрятал бумагу... Переводчику будто зажали рот, он не находил слов, а негр все порывался сбежать.»

Таким образом, рассмотрев коммуникативную персуазивную ситуацию в детективно-следственном дискурсе, мы пришли к выводу, что на эффективность убеждения влияет выбор сыщиком определенных тактик с учётом индивидуальных особенностей объектов убеждения и специфики расследования. Все эти составляющие персуазивного процесса предполагают хорошее знание сыщиком психологии людей. Используемые психологические тактики (приемы) в совокупности обеспечивают актуализацию стратегического потенциала. В этом мы усматриваем специфику реализации персуазивной стратегии такого адресанта, как сыщик непрофессионал. Перспективность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения преимущественно психологических методов (тактик) с целью расширенного описания различных коммуникативных ситуаций в детективно-следственном дискурсе.

Список литературы

1. Белошапкова В.А. и др. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
2. Большая психологическая энциклопедия. М.: Эксмо, 2007. 543 с.
3. Герасимова И.А., Новоселов М.М. Искусство убеждения в традициях логической науки. М.: Прогресс–Традиция, 2003. 396 с.
4. Гончарова Е.А. Персуазивность и способы ее языковой реализации в дискурсе рекламы. СПб., 2000. № 10. 125 с.
5. Ключев Е.В. Речевая коммуникация. Успешность речевого общения. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. 320 с.
6. Матвеев А.С. Проблемы современной убеждающей коммуникации // Вестник Ивановского гос. ун-та, 2013. № 2. Серия Гуманитарные науки. С. 80–86.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 846 с.
8. Сусов И.П. История языкознания. М.: Изд-во АСТ, Восток-Запад, 2007. 295 с.
9. Харджиева Е.С. Персуазивность в детективно-следственном дискурсе: на материале романов Н.И. Леонова и А.В. Макеева: дис. ...канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2016. 165 с.
10. Perelman Ch., Olbrechts-Tyteca L. La nouvelle rhétorique. Traité de l'argumentation. V. 1. P.: PUF, 1958. 350 p.

Источники

George Simenon Le Fantôme de Monsieur Marbe (Электронный ресурс) // URL: [http:// knigogid.ru/](http://knigogid.ru/) (Дата обращения: 12.03.2018).

George Simenon Le passager et son nègre (Электронный ресурс) // URL: [http:// knigogid.ru/](http://knigogid.ru/) (Дата обращения: 20.03.2018).

Жорж Сименон Привидение на вилле мосье Марба (Электронный ресурс) // URL: [http:// royallib.com/](http://royallib.com/) (Дата обращения: 12.03.2018).

Жорж Сименон Пассажир и его негр (Электронный ресурс) // URL: [http:// royallib.com/](http://royallib.com/) (Дата обращения: 20.03.2018).

THE SPECIFICS OF THE PERSUASIVE STRATEGIES REALIZATION IMPLEMENTED BY AN AMATEUR DETECTIVE (BASED ON THE NOVEL “LE PETIT DOCTEUR” BY GEORGES SIMENON)

K.V. Zatynaychenko

Kuban State University, Krasnodar

The article is devoted to the study of the phenomenon of persuasiveness. It provides a brief description of its importance in different fields of knowledge. The practical implementation of the persuasive strategy in the communicative situation by means of certain tactics is considered. The novelty of the study is determined by the status of the addressee.

Index Terms: persuasiveness, detective discourse, strategy, tactics, the addressee, the addresser.

Об авторе:

Затынайченко Кристина Викторовна – магистрант 2 курса факультета РГФ Кубанского государственного университета; e-mail: kristinazatynaiichenko@gmail.com

УДК 81'42

КОММУНИКАТИВНЫЙ ДИСКУРС: СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ В ДИАЛОГЕ/ПОЛИЛОГЕ

В.В. Зеленская

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются способы установления intersubjective коммуникативной связи между участниками диалогической интеракции, то есть в коммуникативном дискурсе. Устанавливаются типы взаимоотношения коммуникантов: взаимодействие (в успешной коммуникации) или блокировка при

воздействии одного участника на другого. Отмечается, что теория общения представляет собой полипарадигмальную теорию. Выявлен новый взгляд на язык и коммуникацию. Новый подход реализуется благодаря объединению усилий естественных и гуманитарных наук и развитию междисциплинарных исследований. Подчеркивается, что особого внимания заслуживает проблемы коммуникации в межнациональных отношениях.

Ключевые слова: коммуникативный дискурс, полипарадигмальная теория, интеракция, парадигма, междисциплинарные исследования.

В настоящее время идея коммуникации продолжает выдвигаться в качестве центральной, так как коммуникация стоит выше всех отношений, которые принадлежат к сфере мира. В ней происходит встреча с «другим». Ценность человека: уникальность, неповторимость, единственность выявляется только в сфере коммуникации, процессе, в котором личность раскрывает себя и, тем самым, реализует себя в подлинном смысле. В общении личность открыта для коммуникации с другими и с окружающим миром. В подлинной коммуникации человек должен предъявить другому нечто собственное, свой уникальный внутренний мир, который проявляется и разворачивается в ней. Необходимо также научиться «прочитывать» других и толковать их.

Коммуникативные процессы достигают своего завершения в языке. Язык обеспечивает взаимопонимание людей, стремящихся к совместной деятельности. Человеческое мышление и познание тоже могут быть поняты лишь в связи с деятельностью. Следует учитывать, что познание и деятельность неразделимы.

Согласно убеждению К. Ясперса, экзистенциальная философия строится на почве коммуникации. Он утверждает: «Коммуникация любого вида настолько свойственна человеку как человеку в основе его существа, что она всегда остается возможной» [8, с. 508]. Таким образом, высшая форма коммуникации у Ясперса предстает как способ соединения разума и экзистенции: «Разум требует беспредельной коммуникации, он сам – тотальная воля к коммуникации» [8, с. 442]. И далее: «Коммуникация требует от разума самосознания, то есть знания о тех формах и методах, в которых совершается мышление» [9, с. 103]. Для К. Яс-

перса общение людей, связь их с себе подобными – это структурный момент человеческого бытия: «Человек находит в мире другого человека как единственную действительность, с которой он может объединиться в понимании и доверии» [8, с. 442].

Исследуя коммуникацию, Г. Башляр акцентирует внимание на процессе установления отношений между рационалистическими Я и Ты, когда тот и другой стараются помочь друг другу в рациональном разрешении проблемы. При этом необходимо учитывать содержательное богатство декартовского *Cogito*, способного принимать решение. В качестве акта субъекта и интуиции ума *Cogito* является утверждением бытия [2, с. 55]. В мысленном объединении рационалистических Я и Ты формируется *Cogitamus*, так как невозможно существование одного сознания, не взаимодействующего с другими. Я и Ты культурным образом накладываются один на другой. Возникает мыслительная дуэль некоего Я, которое соперничает с Ты.

Для Башляра кажется бесспорным, что в коммуникативном процессе мысль может рассматриваться, в своем обычном действии, как активность существенным образом скрытая. По его мнению, мысль стремится проявлять себя, она любит расточать свои манифестации, свои выражения; но чаще всего, в своих наиболее отработанных формах, мысль является скрытой. Что касается эмоции, желания, боли, удовольствия, они проявляются непосредственно, так как ускользают от контроля собеседника. Дуализм тайного и явного – это существенный дуализм, который проявляется в чистом виде в области мысли, подвергнутой рефлексии. Г. Башляр приходит к выводу, что «только тогда, когда этот дуализм освоен до степени полного мастерства, разум обладает свободой мыслить» [2, с. 64]. Таким образом, свободно мыслить могут лишь в том случае, если обладают способностью скрывать свою мысль.

Хотя человек – это существо непостоянное и изменчивое, оценке его психологического богатства, по Башляру, способствует изучение вершин его мысли: «Человек раскрывается в потребности к творчеству, в своем желании мыслить, желании изменять, разнообразить и преодолевать собственную природу» [2, с. 199].

Рассматривая коммуникативную ситуацию встречи двоих, Р.Г. Апресян делает акцент на способах ее изменения. Один из

таких способов – появление рядом с Другим Третьего. Третий по своему тоже Другой, но возникновение еще одного Другого, Другого как Третьего, трансформирует интерсубъективную коммуникативную связь в сообщество. Факт Третьего привносит в ситуацию опосредованность, рефлексия, различие восприятий, разность интересов, возрастающая конкуренция которых ведет к неискренности, лживости, конфликтам [1, с. 81].

Отношение по типу Я – Ты, которое Р.Г. Апресян называет взаимообращенностью, устанавливается по форме равностояния или противостояния. Преодолеть разобщение возможно по модели делового партнерства, предусматривающей осознание каждым из партнеров своего интереса и необходимости взаимодействия с другим ради удовлетворения своего интереса. Взаимодействие требует также осознания чужого интереса и возможности его соотнесения со своим интересом [1, с. 82]. Опыт показывает, что попытки установить взаимодействие могут наталкиваться на безучастность, непризнание, неприятие и даже агрессию.

Э. Мунье считает коммуникацию фундаментальным свойством личности. Для него личность есть живая активность самостворчества, коммуникации и единения с другими личностями, которая реализуется и познается в действии [5, с. 110]. Коммуникация может быть заблокирована потребностью человека подчинить себе подобных, владеть ими, то есть воздействовать на них. Согласно Мунье, личность существует только в своем устремлении к «другому», познает себя только через «другого» и обретает себя только в «другом». Это дает возможность Э. Мунье признать, что «Ты», а в нем и «Мы» предшествует «Я» [5, с. 134]. В целом диалектика личностного общения, по Э. Мунье, – приспособляться ко всем, не теряя собственного «Я».

Что касается коммуникативной лингвистики, в ней решаются как проблемы успешной коммуникации, так и рассматриваются в пределах коммуникативного пространства ситуации, когда возникает воздействие одного человека на другого. О.Н. Морозова считает, что при установке на взаимодействие, нацеленного на рациональное решение поставленных задач, для коммуникантов характерна пластичность (гибкость) поведения [4, с. 58]. В монографии О.Н. Морозовой анализируются включенные в речевое произведение жесты, телесные и физические движения, облег-

чающие понимание участников интеракции. Исследователь трактует рождение смыслов в коммуникативном дискурсе как самоопосредование психической реальности. Типы взаимодействий в диалогическом процессе по сценарной схеме «вопрос-ответ» при учете всех вариантов она относит к жестким моделям вербальной репрезентации [4, с. 61].

Работа А.В. Резаева существенно расширяет и углубляет представления о разработке проблематики общения. Концепция парадигм общения – основательное исследование социально-философских теорий общения. А.В. Резаев полагает, что полное представление о деятельном, творческом человеке, который создает и осваивает предметный мир, невозможно без осмысления феномена общения. Теория общения, по Резаеву, представляет собой полипарадигмальную теорию, включающую три парадигмы исследования: информационно-инструментальную, экзистенциально-феноменологическую и институционально-социальную. Исследуя функционирование общения на различных уровнях социальной реальности, А.В. Резаев представляет его как а) взаимосвязь-взаимодействие и обмен образованиями материального и духовного порядка – способностями, деятельностями, информацией, мыслями, чувствами; б) реализацию внутренней потенции самосознающего индивида; в) персонификацию, актуализацию и реализацию структурной характеристики общества – общественных отношений [6, с. 58].

Указанные парадигмы подходят к анализу многоуровневого социального феномена общения с разных сторон. Для успешного решения проблемы допускается сочетание разных парадигм, что позволяет «встроить» уникальный опыт индивида в систему общественных отношений» [6, с. 64].

Результаты, полученные М.И. Даниловой и А.В. Суховерховым в области изучения вопросов происхождения, эволюции и природы языка и коммуникации на современном этапе, позволяют по-новому взглянуть не только на язык и коммуникацию, но и на общие принципы эволюции. Авторы указывают, что этот подход реализуется благодаря объединению усилий естественных и гуманитарных наук, а также быстрому развитию междисциплинарных исследований [3, с. 78]. Таким образом, происходит фор-

мирование биологического или естественнонаучного поворота в исследовании природы языка и коммуникации.

Теории, которые объясняют появление языка индивидуальными изменениями (генетическими, физиологическими, познавательными), должны быть дополнены, по мнению авторов, исследованиями в области негенетических систем наследования и теориями, рассматривающими язык (коммуникацию) как системное явление, возникшее в связи с появлением и развитием кумулятивной культуры и социальной организации деятельности [3, с. 84].

Особого внимания в наше время заслуживают и проблемы коммуникации в межнациональных отношениях. Так, А.Н. Чумаков, рассматривая актуальные проблемы коммуникации в современном мире, где ключевую роль играет язык, приходит к выводу, что оптимальным средством решения многочисленных проблем глобального мира является диалог, участники которого вовлекаются в единое цивилизационное пространство, где от них требуется соблюдение общепринятых международных правовых и этических норм поведения [7, с. 6].

Итак, человек обретает самого себя лишь в коммуникации с другими, что никогда не достигается только через посредство одного знания. В диалогической интеракции преодолевается любое непонимание. И познание, и практика возможны только при наличии коммуникации, то есть обмену информацией между участниками этого процесса.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г.* Феномен универсальности в этике: формы концептуализации // Вопросы философии. 2016. № 8. С. 79–88.
2. *Башляр Г.* Избранное. Т. 1. Научный рационализм. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 395 с.
3. *Данилова М.И., Суховерхов А.В.* Биологические и социальные основы эволюции языка и коммуникации: современные дискуссии // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 77–87.
4. *Морозова О.Н.* Дискурс согласия в диалогическом пространстве: монография. М.: Ин-т языкознания РАН, ТвГУ, ТГСХА, 2005. 220 с.

5. Мунье Э. Персонализм: пер. с фр. И. Вдовиной // Французская философия и эстетика XX века / Предисл. П. Морель; Коммент. А.В. Густырь, И.С. Вдовина. М.: Искусство, 1995. С. 105–214.

6. Резаев А.В. Процесс общения в рамках экзистенциально-феноменологической парадигмы: смена исследовательской оптики // Вопросы философии. 2015. № 9. С. 57–65.

7. Чумаков А.Н. Язык как средство коммуникации и решения проблем в глобальном мире // Вопросы философии. 2015. № 12. С. 5–14.

8. Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. 2-е изд. М.: Республика, 1994. 527 с.

9. Ясперс К. Философская автобиография / Пер. А.В. Перцева // Западная философия: Итоги тысячелетия / Сост. Жамияшвили В.М. Екатеринбург: «Деловая книга»; Бишкек «Одиссей», 1997. С. 19–152.

COMMUNICATIVE DISCOURSE: SPECIFICITY OF PARTICIPANTS' INTERACTION IN DIALOGUE/POLYLOGUE

V.V. Zelenskaya

Kuban State University, Krasnodar

The article deals with the ways of establishing an intersubjective communicative connection between participants in dialogue / polylogue, i.e. in communicative discourse. The types of relationships between communicants are established: interaction (in successful communication) or blocking under the influence of one participant on another. It is indicated that the theory of communication is a polyparadigmatic theory. A new look at language and communication is revealed. A new approach is realized through the unification of efforts of the natural and human sciences and the development of interdisciplinary research. It is emphasized that the problem of communication in interethnic relations deserves special attention.

Index Terms: communicative discourse, polyparadigmatic theory, interaction, paradigm, interdisciplinary research.

Об авторе:

Зеленская Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: vzel11@rambler.ru

УДК 82-31:81'42

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС: РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ГЛАВЫ СЕМЕЙСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА МАРСЕЛЯ АРЛАНА «РОДНАЯ ЗЕМЛЯ»)

В.В. Зеленская, И.А. Канон

Кубанский государственный университет, Краснодар

Работа посвящена анализу речи конкретного носителя языка, созданию его речевого портрета. Делается попытка выявить, как в языковых единицах отражается сам человек во всем многообразии своих проявлений. Выделяются различные экспрессивные языковые средства из художественной биографии, характеризующие личность. Делается вывод, что в процессе создания речевого портрета литературного героя особенно актуальны такие лексические и стилистические приемы, как метафора, сравнение, эпитет.

Ключевые слова: речевой портрет, художественная биография, экспрессивные языковые средства, стилистические приемы, литературный герой.

Создание портретного описания и его роль в художественном произведении привлекает к себе все более пристальное внимание лингвистов и литературоведов. Портрет играет важную роль в формировании художественного образа героя посредством отражения его внешних черт. В научной литературе определения портрета, его типологии и классификации многогранны, и каждый исследователь трактует их с разных точек зрения. Это понятие рассматривается на материале разных языков, творчества различных поэтов и писателей. Романы Марселя Арлана – это широкий спектр портретов людей современного ему общества, и

сегодня его мастерство описания внешности персонажей волнует исследователей и читателей, ведь разнообразие портретных характеристик в его произведениях очень велико.

Дед – один из важных персонажей в жизни внука, маленького Марселя. В романе «Родная земля» нет упоминания его имени, повествователь называет его «дедушка» (“mon grand-père”). Этот герой сыграл огромную роль в воспитании мальчика, отец которого рано ушел из жизни. Рассмотрим его портрет: “Certains soirs, j’entendais de loin un pas bien connu, ni traînant, ni trop vif, celui d’un homme que raidit peut-être la fatigue, mais qui va parce qu’il faut aller et qui rougirait d’attirer l’attention” / «Иногда по вечерам я слышал издали знакомые шаги, ни слишком медленные, ни слишком быстрые, шаги человека, возможно, уставшего, но который идет, потому, что нужно идти и который покраснел бы от того, что привлекает внимание» (перевод наш. – В.З., И.К.).

М. Арлан представляет этого персонажа очень оригинально: сначала слышатся знакомые Марселю шаги, не слишком медленные, но и не слишком быстрые. Словосочетание формируется с помощью нинизмов: “ni traînant, ni trop vif”, чтобы обратить внимание на то, что герой занимает некую нейтральную позицию между двумя крайностями: его поступь была ни медленной, ни быстрой. Усталость лишила гибкости деда, но он идет, потому что нужно идти. Это характеризует его как ответственную и неподдающуюся слабостям личность. Следующая положительная черта деда – скромность: ему стыдно было привлекать к себе внимание.

Затем следует более развернутое описание: “Il se tenait immobile, un peu détourné, les mains pendantes, mais contractées comme s’il serrait encore sa faux. J’aimais ses traits, rudes et fins, son regard clair qui se fixait sur vous dans l’embarras, tandis que son front se hâlait, et cette bouche simple et droite sous la moustache grisonnante. Sa voix était un peu brusque, trop nue et honteuse de l’être. Toute parole que le travail n’impose pas semblait un luxe pour lui; un luxe aussi, cet instant de repos: et comme je l’en sentais à la fois heureux et gêné!” / «Он стоял неподвижно, немного отвлекшись, его свисающие руки были сжаты, как будто он все еще сжимал свою косу. Я любил его черты, грубые и худые, его ясный

взгляд, который вводил в смущение, в то время как его лоб вздымался, и этот простой и прямой рот под седеющими усами. Его голос был немного резким, слишком строгим и от этого робким. Любые слова казались ему роскошью; а сама же роскошь моментом отдыха: и как же я чувствовал в нем одновременно, что он счастлив и смущен!» (перевод наш. – В.З., И.К.).

Сначала Арлан дает детальное описание позы героя, используя выражение “se tenir immobile”, прилагательное “détourné” и антонимы “les mains pendantes, contractées”, подчеркивающие противоречивость характера героя. Выражение “les mains contractées” автор поясняет, вводя сравнение “comme s’il serrait encore sa faux”, которое выявляет тревогу деда. Далее повествователь углубляется в изображение лица, также употребляя большое количество выражений “les traits rudes et fins” – о чертах лица, “le regard clair” – о взгляде, который все же с трудом фокусируется на персонажах, “la bouche simple et droite” – рисуя рот героя, и “la moustache grisonnante” – о его усах. Описывая голос, повествователь использует метафорические выражения “la voix brusque, trop nue, honteuse”. Мы видим, что герой обладает достаточно простыми чертами, внимание приковывает ясный взгляд. Метафорические выражения, определяющие голос, достаточно противоречивы: с одной стороны, он резкий, строгий, с другой же – стыдливый. Итак, герой производит положительное впечатление – перед нами открывается простой и добропорядочный человек.

По мере развития сюжета, мы узнаем, что персонаж очень трудолюбив, что характерно для провинциального человека. По мнению повествователя, дед – идеал крестьянина. Он любит заниматься полевыми работами, косить траву, вывозить сено, выкорчевывать пеньки. “*Mon grand-père courait donc de ses prés aux nôtres, fauchait, ramenait le foin dans son chariot, défrichait nos chènevières si la terre en était trop dure...*” / «Мой дедушка бегал со своих полей к нашим, косил, возил сено в своей тележке, пахал землю, если она становилась уж слишком твердой» (перевод наш. – В.З., И.К.). Видно, что старик обрабатывал не только свои поля, но и поля своих родственников. Именно глагол “courir” подчеркивает желание крестьянина помочь другим людям: он перебегает со своего поля на чужое, и это доставляет ему удовольствие.

Дедушка был достаточно робок и неловок при общении с детьми, при этом он никогда не ругался и не кричал ни на кого, а лишь иногда позволял себе высказать какое-нибудь замечание. *“C’est que, timide et gauche lui-même, il ne savait comment prendre un enfant; c’est aussi que, l’année précédente, il avait perdu son fils. Il ne s’emporta jamais contre nous, à peine parfois hasardait-il une remarque. Mais ce silence, cette gorge serrée, ces yeux graves...”* / «Дело в том, что, будучи робким и неловким, он не знал, как взять ребенка; дело еще и в том, что в прошлом году он потерял сына. Он никогда не сердился на нас, просто иногда он осмеливался на замечание. Но эта тишина, это сдавленное горло, эти серьезные глаза...» (перевод наш. – В.З., И.К.). В конце фрагмента повествователь перечисляет основные черты деда, затронувшие его более всего, сопровождаемые указательными прилагательными “ce”, “cette”, “ces”: молчание, сжатое горло, строгий взгляд. Именно молчание и строгий взгляд указывают на мудрость и придают суровость герою, недаром он – глава семьи, которого все уважают и почитают.

Старик тоже переживает горе – смерть своего сына. Но это не то горе, что выставлено напоказ, как у матери Марселя. Дедушка переживает все в себе, не давая эмоциям выйти наружу; это рождает молчание и немногословность. *“C’était la première fois que mon grand-père sortait depuis son deuil. Et d’abord il avait mangé sans rien dire, gêné d’être là, déjà vieux, avec le souvenir d’un fils mort, au milieu d’une jeunesse en joie”* / «Это был первый раз, когда мой дедушка вышел из своего траура. Сначала он ел молча, ничего не говоря, смущенный своим присутствием, сильно постаревшим, с воспоминанием о сыне, умершем молодым, в самом расцвете сил» (перевод наш. – В.З., И.К.). Здесь впервые Арлан употребляет прилагательное “vieux”, подчеркивая возраст героя; ему будто бы неловко (“gêné”) находиться на празднике, смущая всех своей печалью о потерянном сыне.

Как и характерно для многих стариков, герой время от времени ворчит и причитает. Это не делает его злым или неприятным, рассказчик лишь описывает данную его черту как нечто обыденное, к чему все близкие давно привыкли: *“Je me souviens qu’un jour que mon grand-père était allé acheter des prunes en Champagne, comme on l’interrogeait à son retour: – Je ne voudrais*

pas y vivre, dit-il; c'est plat, ça pousse mal, ce n'est pas de la vraie terre” / «Я помню, как однажды мой дедушка отправился купить сливы в Шампань, и как по возвращении его расспрашивали: – Я бы не хотел там жить, – сказал он; там все какое-то плоское, плохо все растет, это не настоящая земля» (перевод наш. – В.З., И.К.). Как настоящий патриот своей родины и своего края, старик порицает чуждые ему места, ведь он привык жить среди плодородных полей. Арлан прибегает к своему излюбленному приему – повтору указательных детерминантов: “c'est”, “ça”, “ce” для привлечения внимания читателя к словам героя.

Важность деда как главы семейства проявляется в эпизоде, когда мать Марселя решила заговорить с родственниками о будущем своих детей. В этот момент герой проявляет свою решительность, строгость и где-то даже суровость в разговоре с женщиной. Его раздражает невнятность ее речи, и он хочет добиться четко поставленного вопроса или предложения. “– *Mais on le sait bien, ce qu'elle a à dire, fit mon grand-père. Tout ça n'avance à rien. Et avec cet accent de bonne colère qu'il prenait pour s'encourager : – Elle veut mettre les gamins aux classes. C'est cela qu'elle a à dire. Et comment, et quand, et avec quoi? Quand on parle, il faut parler net*” / «Но мы-то хорошо знаем, что она должна сказать, – сказал мой дедушка. Все это ни к чему. А потом добавил с некоторыми нотками гнева, чтобы приободрить самого себя: – Она хочет, чтобы дети были на занятиях. Именно это она и должна сказать. Но как, когда, в какой манере? Когда говорят, надо говорить четко» (перевод наш. – В.З., И.К.). Повествователь умело вносит иронию в описание деда, используя оксюморон “bonne colère”, который подчеркивает его добросердечность. Персонаж деловито принимает строгий гневный тон для четкого объяснения вещей. Его фраза «Когда говоришь, нужно высказываться ясно» дает четкое представление о внутреннем мире героя. Он – простой человек, который требует понятно излагать мысли, избегать лишних эмоций. “*Mon grand-père frappa la table de son couteau: – Ne faites donc pas tant de bruit, bon sang!*” / «Мой дедушка ударил ножом по столу: – Не шумите так сильно, черт возьми!» (перевод наш. – В.З., И.К.). Лишь когда дедушка выходит из себя, он, как глава семьи, делает характерный жест – ударяет по столу ножом, как знак главенства и желание прекратить

шум. Его выражение “*bon sang!*” («черт возьми!») придает в данном случае эмоциональную окраску сказанному. “*Et voilà des discours! grommela mon grand-père*” / «*Вот так речи! – проворчал мой дедушка*» (перевод наш. – В.З., И.К.). После критического замечания по поводу высказывания герой прибегает к уже знакомой читателю привычке – ворчанию, так характерному для человека его лет.

Повествователь также отмечает прямоту персонажа, его простоту во всех проявлениях жизни: “*Je n’ai pas connu d’hommes plus droits. Nul rigorisme; une simplicité de tous les instants. Fallait-il discuter d’une affaire où le bagou et la ruse étaient de mise? ‘Laisse-moi parler’, disait ma grand-mère. Il l’écoutait, l’œil malicieusement éclairé; elle s’en rapportait à lui pour conclure*” / «*Я не знал более честных и простых людей. Никакой строгости; в каждом моменте жизни чувствовалась простота. Надо ли было обсуждать случай, где уместны краснбайство и хитрость? «Дай мне сказать», – говорила моя бабушка. Он слушал её, а глаза светились лукавством; она всегда предоставляла ему последнее слово*» (перевод наш. – В.З., И.К.). Дед не отличался чрезмерной строгостью, это проявляется в его манере поведения со своей женой, когда он позволяет ей рассказать что-либо. При описании беседы автор использует метафору “*l’œil malicieusement éclairé*”, словно глаз светился лукавством.

Во время обсуждения будущего своих внуков старик начинает серьезно задумываться об этом, что сразу отражается на его лице. Это и примечает маленький Марсель: “*J’apercevais de profil le visage de mon grand-père, qui semblait peser une responsabilité nouvelle, serrait les mâchoires, tendait un front ridé*” / «*Я замечал на лице дедушки, который, казалось, взвалил на себя новую ответственность, как он сжимал челюсти, напрягал морщинистый лоб*» (перевод наш. – В.З., И.К.). Здесь повествователь употребляет еще одну метафору “*peser une responsabilité nouvelle*” с переносным значением «взвешивать». О трудности принятия серьезного решения для героя свидетельствует сжатая челюсть и напряженный морщинистый лоб.

Марсель Арлан очень подробно описывает портрет деда по фотографии, сделанной незадолго до его смерти: “*Endimanché, mal à l’aise, sur l’oreille une boucle de cheveux blancs que le*

photographe a vainement tenté d'effacer, le vieillard crispe les mâchoires et tourne un œil traqué... il se tient devant les fleurs de l'écran, la main cassée sur un guéridon, comme un enfant qu'on observe, qu'on gourmande et qui craint de ne jamais rien faire de bon” / «Он был празднично одет и от этого ощущал себя, словно, не в своей тарелке. На ухо падает завиток седых волос, который тщетно пытался стереть фотограф, старик судорожно сжимает челюсти, в глазах страх... в объективе видно, как он стоит перед цветами, рука, словно, сломанная лежит на столике, как ребенок, за которым мы наблюдаем, ругаем и который боится, что никогда ничего не сделал хорошего» (перевод наш. – В.З., И.К.). Чувствуется, что герою не по себе в праздничной одежде, на ухо ниспадает завиток седых волос, неестественно изогнутая рука опирается на столик. Автор использует распространенное сравнение “comme un enfant qu'on observe, qu'on gourmande et qui craint de ne jamais rien faire de bon” для того, чтобы подчеркнуть описание персонажа перед жизненными испытаниями. Метафорическое сочетание “un œil traqué” характеризует выражение страха во взгляде старика, напоминающего страх животного, преследуемого (“traqué”) охотниками.

Затрагивается и проблема воспитания детей: “*Il ne faut pas gâter les enfants; et puis un homme de cinquante ans, un paysan a-t-il le droit d'être tendre? C'étaient des silences, une voix gênée, des réticences, un geste brusque, un mot ironique. Je sentais parfois son regard posé sur moi à la dérobée, comme s'il se fût demandé: 'Comment faudrait-il s'y prendre?' D'autres fois le regard se faisait plus triste*” / «Детей не надо баловать; да и к тому же пятидесятилетний мужчина, крестьянин имеет ли право быть нежным? Это были всегда молчание, смущенный голос, сдержанность, внезапный резкий жест, ироничное слово. Иногда я ощущал, как он рассматривает меня украдкой, как если бы спрашивал сам себя: «Как же надо его воспитывать?» В другое время его взгляд становился всё печальнее» (перевод наш. – В.З., И.К.). По мнению деда, не следует баловать детей, показывать им свою нежность и доброту. Он предпочитал использовать молчание, недомолвки, порой это был тихий голос, а иногда грубый жест и ироничное слово. Иногда дед украдкой смотрит на Марселя, пытаясь понять, как же его правильно воспитывать. В этом фраг-

менте повествователь продолжает экспериментировать со словом «взгляд», формируя следующие сочетания: “son regard posé sur moi”, “le regard se faisait plus triste”. Можно предположить, что дед переживает за внука, а печальный взгляд означает озабоченность будущим мальчика.

Плохо выполненная работа вызывает у деда раздражение: “— *Juste! Cours donc abattre des noix. On nous a demandé la semaine dernière. Il ne levait pas le visage, mais, l’air furieux, les veines saillantes: – Tu ne vois pas que je ne sais plus où donner de la tête*” / «Точно! Сбегай же за орехами. Нас ещё на прошлой неделе просили. Он не поднимал головы, но с разъяренным видом так, что аж надувались вены, говорил: – Ты не видишь, что я больше не знаю, что делать, за что браться» (перевод наш. – В.З., И.К.). Однако, делая замечание, дед не отрывает головы от работы. О его раздражении можно судить по изменившейся внешности: разъяренный внешний вид (“l’air furieux”) и выступившие вены (“les veines saillantes”), которые лучше всего свидетельствуют о состоянии человека в гневе.

Таким образом, портрет героя рисуется в большинстве случаев не только с помощью метафор, сравнений, эпитетов и других стилистических средств, но и посредством описания его деятельности, что позволяет сделать вывод о его психологическом портрете. Марсель Арлан при изображении дедушки акцентирует внимание на таких частях человеческого тела, как: глаза, лицо, руки и голос.

При изображении глаз героя, повествователь использует следующие сочетания слов: “son regard clair”, “ces yeux graves”, “l’œil malicieusement éclairé”, “un œil traqué”, “le regard se faisait plus triste”. Описывая лицо, Арлан вносит в текст такие выражения, как: “ses traits rudes et fins”, “cette bouche simple et droite sous la moustache grisonnante”, “un front ridé”, “l’air furieux, les veines saillantes”.

Акцент на руках персонажа делается автором достаточно часто: “les mains pendantes”, “ses mains se détendirent”, “la main cassée sur un guéridon”.

Голос персонажа отражается в тексте с помощью фраз: “sa voix était un peu brusque, trop nue et honteuse de l’être”, “cet accent de bonne colère”, “une voix gênée”, “le ton grondeur”.

Таким образом, при изображении героя автор рисует не только внешний, но и психологический портрет героя. Посредством описаний мимики, жестов, поз и поведения персонажа, мы делаем вывод о том, что Марсель Арлан мастерски описывает глаза, голос и руки героя, выявляя тем самым не только внешность старика, но и сильный дух, и стойкий характер. Он становится для внуков прекрасным примером для подражания, оказывает огромное влияние на Марселя.

Источники

Arland M. Terre natale. Paris : Firmin-Didot, 1972. 256 p.

ARTISTIC DISCOURSE: SPEECH PORTRAIT OF THE HEAD OF THE FAMILY (BASED MARCEL ARLAND'S NOVEL "NATIVE LAND")

V.V. Zelenskaya, I.A. Kanon

Kuban State University, Krasnodar

The work is devoted to the analysis of speech of a specific native speaker and the creation of his speech portrait. An attempt is made to reveal how the person is reflected in the language units in all the diversity of his manifestations. The attention is given to the expressive language means from the artistic biography, characterizing a personality. It is concluded that in the process of creating the speech portrait of a literary hero the lexical and stylistic devices such as metaphor, comparison and epithet are especially relevant.

Index Terms: verbal portrait, artistic biography, expressive language means, stylistic devices, literary hero.

Об авторах:

Зеленская Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: vzel11@rambler.ru

Канон Инна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: inna_france@mail.ru

УДК 316.356.4:811.133.1

ОТРАЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ЯЗЫКЕ

И.А. Канон

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена французскому национальному характеру. В ней рассматривается отражение в языке основных черт французского характера. Дается определение понятию «национальный характер». Приводятся примеры, наиболее точно характеризующие французскую нацию.

Ключевые слова: французский язык, национальный характер, культура народа, французская нация, связь языка и человека, стереотип.

Язык и человек, как носитель данного языка, вечно новая и вечно старая тема самой науки о языке. Эта тема стара, так как люди уже давно понимают неразрывную связь языка и человека, но, в то же время, эта тема и вечно молода, так как каждая эпоха предлагает множество своих осмыслений взаимоотношений между языком и человеком.

Язык, как важнейшее общественное явление, сопровождает людей везде и всюду: в процессе их труда и отдыха, во время размышлений и переживаний, радостей и горестей. По своей природе язык всецело человечесен, поэтому, изучая любой иностранный язык, очень важно и необходимо изучение различных аспектов культуры народа, носителя данного языка, а именно: образ жизни, менталитет, национальный характер, традиции и обычаи, система ценностей и т.д.

Совершенно очевидно, что каждая нация имеет свой национальный характер, свои отличительные черты, свою типичную

поведенческую модель, обусловленную единством общественного сознания. Многие отечественные и зарубежные ученые в своих исследованиях пытаются дать определение понятию «национальный характер». Тем не менее, эта ниша в исследовании того или иного народа остается не полностью заполненной, каждый вносит свое понимание, что постоянно дополняет определение этого термина.

В Свободной энциклопедии Википедия дается следующее определение: «Национальный характер – устойчивые особенности, характерные для членов того или иного национального (этнического) сообщества, особенности восприятия мира, мотивов поступков (идей, интересов, религии). Исследователи включают в структуру национального характера особенности темперамента, выражения эмоций, чувств; национальные предрассудки; распространённые привычки, традиции, стереотипы; особенности и специфику поведения; ценностные ориентации; потребности и вкусы; ритуалы. Национальный характер проявляется, прежде всего, как система социокультурных (моральных) норм. Национальный характер является необоснованным стереотипом, который может служить для поддержания национальной идентичности» (Свободная энциклопедия – Электронный ресурс).

Первоначально термин «национальный характер» появился в литературе о путешествиях и был чисто описательным. В XVIII в. философы пришли к выводу, что «каждая нация обладает своим особенным характером и что французам свойственны “легкость” или даже “легкомыслие”» [1, с. 431]. Как писал немецкий философ И. Кант, француз «учтив, вежлив, любезен. Он очень быстро становится фамиллярным, склонен к шутке, и непринужден в общении...» [2, с. 174]. Кроме этого, французам присущи «живость, недостаточно сдерживаемая обдуманскими принципами, и при всей проницательности разума легкомыслие ...» [3, с. 565].

Как видим, одной из главных черт французов называют легкомыслие, и этому есть подтверждение в языке. Французская поговорка гласит:

Les Français naissent légers, mais ils naissent modérés (Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes) / *Французы рождаются легкомысленными, но с умеренными взглядами* (перевод наш. – И.К.).

Для характеристики человека во французском языке зафиксированы следующие выражения с прилагательным “léger”:

- *le cerveau léger* – нерассудительный, недалекий человек;
- *la conscience légère* – с легкой совестью, без зазрения совести;
- *l’esprit léger* – легкомысленный, несерьезный, нерассудительный человек;
- *la tête légère* – легкомысленная голова;
- *avoir la langue légère* – говорить необдуманно, опрометчиво;
- *agir à la légère* – действовать необдуманно, легкомысленно (Гак, Ганшина, с. 623).

Французы – народ сдержанный, они разумны и расчетливы. По этому поводу французская поговорка гласит: *Les Français sont plus sages qu’il ne semble* (Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes) / Французы намного мудрее, чем кажутся (перевод наш. – И.К.).

Французы очень приветливы и вежливы, никогда не скажут вам правды в лицо, хотя и недолгобливают все другие нации. Например:

Les Français sont persuadés que leur pays ne veut de mal à personne. Les Anglais sont méprisants; les Américains dominateurs; les Allemands sadiques; les Italiens insaisissables; les Russes impénétrables; les Suisses suisses. Eux, Français, sont gentils (Daninos, p. 15) / Французы убеждены, что их страна никому не желает зла. Англичане презрительны; американцы властные; немцы садисты; итальянцы неуловимы; русские непроницаемы; швейцарцы привратники. И только они, французы, милые люди. (В данном примере употребляется игра слов, *les Suisses suisses*. Suisse означает принадлежащий Швейцарии, швейцарский, а также «привратник», «портъе». – перевод и комментарий наш. – И.К.).

Чтобы говорить о национальном характере той или иной страны, необходимо изучать и некоторые символы, например, эмблему. Франция – одна из редких стран, которая не выбрала в качестве эмблемы какого-нибудь дикого зверя или хищную птицу, символизирующих силу, гордость или даже жестокость, как, например, лев, пантера или орел. Ее эмблема – галльский петух, символизирует гордость французского народа. “Gallus” в латин-

ском языке означало «галл» (галлы – предки современных французов) и «петух». Впервые в качестве эмблемы Франции образ петуха был использован на медали в 1665 г. в честь победы Франции над Испанией. На ней изображен французский петух, обращающий в бегство испанского льва. С 1830 г. он становится официальной эмблемой Франции и появляется на древках военных стягов, а также на монетах. В XX в. он становится официальной эмблемой французских спортсменов на международных соревнованиях. Кроме этого, петух является для французов символом гордости, мужественности и бойцовских качеств, что и отражено во французском языке. Например:

- *c'est un beau coq* – это сердце, донжуан;
- *se battre comme un petit coq* – быть задиристым, как петух, быть задирой;
- *c'est le coq du village* – первый парень на деревне;
- *être (vivre) comme un coq en pâte* – кататься как сыр в масле;
- *coq d'Inde* – индюк (о напыщенном и ограниченном человеке);
- *amoureux comme un coq* – любвеобильный как петух;
- *fier comme un coq* – гордый как петух;
- *être hardi comme un coq sur son fumier* – чувствовать себя как петух в своем курятнике (как дома) (Гак, Ганшина, с. 244).

Французы убеждены, что «Франция – единственная страна на земле, где можно и стоит жить. Им невозможно перечить, их не удастся в этом переубедить, их можно лишь попытаться понять» [5, с. 52]. Французы очень любят свою страну, и эта любовь находит отражение в языке. Например:

Les Français croient assez volontiers que l'étranger vit les yeux fixés sur la France (Daninos, p. 14) / Французы довольно легко верят в то, что иностранцы живут, устремив свой взгляд на Францию; *La France c'est le pays du miracle* (Daninos, p. 102) / Франция – это страна чуда (перевод наш. – И.К.).

J'aime tout en toi et toi en tout.

F comme folie, r comme raison, a comme amour, n comme nounou, c comme chauvin, e comme Ernest, ... j'aime la France (Daninos, p. 107) / Я люблю всё в тебе и тебя во всём. **F** как безумие, **r** как здравый смысл, **a** как любовь, **n** как няня, **c** как шови-

нист, е как Эрнест, ...я люблю Францию (В этом примере каждая буква в названии страны “France” описывается автором, каждой букве придается свое значение, однако в русском переводе данный эффект теряется. – комментарий и перевод наш. – И.К.).

Tout homme a deux patries: la sienne et puis la France (Daninos, p. 81. Оригинал фразы принадлежит французскому поэту XIX в. Анри де Борнье (Henri de Bornier)) / *У каждого человека две родины: своя и Франция* (перевод наш. – И.К.).

Основная жизненно важная забота французов – быть истинными французами. Они абсолютно «убеждены в собственном превосходстве – общественном, моральном и индивидуальном – над всеми остальными народами мира. Но в том-то и заключается их знаменитый шарм, что они нас, то есть этих остальных, не презирают, а жалеют: ведь мы, увы, не французы» [6, с. 5].

Во Франции можно услышать такую историю или, как говорят сами французы, легенду: «Однажды Бог создал Францию. Его творение оказалось столь совершенным, что он сам пришел в восхищение и воскликнул: “Такого богатства природы, разнообразия пейзажей и мягкости климата нигде больше в мире не существует! Право же, я несправедлив к другим народам. Надо это исправить”. Чтобы восстановить справедливость, Бог создал ... французов» [4, с. 88].

Французы гордятся тем, что они индивидуалисты. Национальная самобытность – это развивающийся, творческий процесс, его формы находятся в постоянном изменении. И поэтому количество индивидуальных черт, которыми один француз отличается от другого, не перестает расти. Однако единого образа француза не существует и в сознании самого француза, а есть множество самых противоречивых образов. В своей статье «Французы: национальный характер, символы, язык» Онхас С.Л. приводит слова Вольтера, который так высказался о своей нации: “*Il n’y a, je crois, nul pays au monde où l’on trouve tant de contradictions qu’en France*” [4, с. 90] / «Я полагаю, что в мире нет больше страны, где найдется столько противоречий, как во Франции» (перевод наш. – И.К.).

В несколько юмористической, но, на наш взгляд, правдоподобной, форме мысль о французском многообразии и, в то же время, французской индивидуальности высказал французский писатель-сатирик Пьер Данинос (Текст приводится нами без изменений, хотя данные уже устарели. – И.К.):

Les livres de géographie et les dictionnaires disent: “La Grande-Bretagne compte 49 millions d’âmes”, ou bien: “Les Etats-Unis d’Amérique totalisent 160 millions d’habitants ”.

... Mais ils devraient dire: “La France est divisée en 43 millions de Français”. (Daninos, p. 23) / В книгах по географии и в словарях говорится: «Великобритания насчитывает 49 миллионов душ» или «В США 160 миллионов жителей».

Но надо было бы сказать: «Франция разделена на 43 миллиона французов» (перевод наш. – И.К.).

В этом, как мы полагаем, и проявляется индивидуальное многообразие французского национального характера: все страны насчитывают определенное количество жителей, граждан, душ, человек, но только Франция может быть разделена на 43 (по последним данным 66) млн французов. И, видимо, учитывая данное утверждение, историк Т. Зэлдин замечает: «... жизнь любого из нас нельзя считать полной, если в ней нет пусть самого крошечного французского компонента» [1, с. 428].

Каждая нация обладает набором черт, характерных для каждого гражданина, и Франция не является в этом исключением. Каждый отдельно взятый француз составляет такое мощное понятие как «национальный характер», а язык является отражением характера народа.

Список литературы

1. Зэлдин Т. Всё о французах: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 440 с.: ил.

2. Кант И. Собрание сочинений в шести томах / Под общей редакцией В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Серия Философское наследие. М.: Мысль. Т. 2. 1964. 511 с.

3. *Кант И.* Собрание сочинений в шести томах / Под общей редакцией В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Серия Философское наследие. М.: Мысль. Т. 6. 1966. 743 с.

4. *Онхас С.Л.* Французы: национальный характер, символы, язык // Иностранный язык в школе. М., 1992, № 2. С. 88–94.

5. *Уиттакер Э.* Франция. М.: РИПОЛ классик, 2013. 304с.

6. *Япп Н., Сиретт М.* Эти странные французы. М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999. 72 с.

Источники

Гак В.Г., Ганишина К.А. Новый французско-русский словарь: 70 000 слов, 200 000 единиц пер. 3-е изд., испр. М.: Русский язык, 1997. 1195 с.

Свободная энциклопедия Википедия. (Электронный ресурс) // URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Национальный_характер (Дата обращения: 14.12.2017)

Daninos P. Les carnets du major Thompson. Книга для чтения на французском языке. Ленинград: Просвещение, 1971. 152 p.

Dictionnaire des proverbes, proverbes, sentences et maximes. Ouvrage couronné par l'Académie Française. Paris: Larousse, 2001. 628 p.

THE REFLECTION OF FRENCH NATIONAL CHARACTER IN THE LANGUAGE

I.A. Kanon

Kuban State University, Krasnodar

The article is dedicated to the French national character. It examines the reflection of the main traits of the French character in the language. The author defines the term “national character” and provides examples to characterize the French nation most accurately.

Index Terms: the French language, national character, national culture, the French nation, connection between person and language, stereotype.

Об авторе:

Канон Инна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: inna_france@mail.ru

УДК 811.161.1'37

СЕМАНТИКА ПРЕДЛОГОВ: ГРАММАТИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

З.С. Касьянова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются современные подходы к определению значения предлогов, все более широкое признание лексических составляющих в их семантике, которая традиционно рассматривалась как выражение преимущественно грамматических отношений. Такая эволюция в определении семантики предлогов становится возможной благодаря применению методов, которые оказались эффективными при изучении лексических единиц языка.

Ключевые слова: предлоги, лексическое и грамматическое значения, методы исследования, антропологический подход.

Традиционное противопоставление грамматического и лексического значения, помимо освященной столетиями традиции, имеет прочные понятийные основания. Грамматическое значение воспринимается как форма организации самой языковой системы и определяется как выражение связи между словами в предложении или словосочетании. Это способ структурирования языкового материала по парадигматическим и синтагматическим связям.

Лексическое значение направлено вовне, то есть за пределы языка и воспринимается как отношение денотации внеязыковых объектов разного характера. Все аспекты лексического значения отмечены своеобразием языкового и, соответственно, ментального творчества носителя языка. В результате помимо номина-

тивной функции лексическое значение оказывается обогащенным целым рядом семантических возможностей, которые связываются со словом как единицей лексической системы языка: лингвокультурологическая составляющая значения, формирование концепта, оформление национального менталитета носителей языка, создание национальной языковой картины мира. Даже при размытых границах и неточных определениях всех этих социокультурных понятий современная лингвистика единодушно признает сам факт их существования и выявляет их, опираясь на лексическое значение.

Возникает вопрос: какие части речи наделены таким многообразным семантическим потенциалом? Ведь традиционно слова в языке делятся на полнозначные (с преобладанием лексических составляющих в их значении) и служебные (выражающие по преимуществу грамматическое значение). В данной статье нас интересуют семантический потенциал предлогов.

До недавнего времени языковой статус предлогов считался бесспорным: их определяли как служебные единицы языка наряду с союзами и частицами. Их языковое предназначение сводилось к обеспечению связи между главными и зависимыми членами словосочетания и предложения. По замечанию Н.П. Кравченко, среди лингвистов сложилось устойчивое мнение о предлогах как словах-“скрепах”, которые выполняют лишь “техническую” функцию и потому не могут быть объектом семантического анализа [5]. С точки зрения Т.А. Репиной, предлоги лишены способности к номинации предметов, свойств, действий и т.д., что является прерогативой полнозначных лексических единиц. Значение предлога, по мнению этого автора, составляет его семантическая структура, то есть многозначность, которая эквивалентна дифференциации между различными употреблениями (семантические реализации или варианты), где «отражается семантическое взаимодействие служебного слова и соединяемых им самостоятельных слов» [6, с. 394].

В свете научных парадигм последних десятилетий и с новыми исследовательскими возможностями, которые открываются благодаря применению современных подходов и методов исследования, наблюдается определенная переоценка традиционных трактовок семантики предлогов. Как доказали исследования по-

следних десятилетий, в их семантике присутствуют и грамматическая и лексическая составляющие. Вопрос заключается в том, чтобы выявить соотношение этих двух аспектов в составе единого целого, а оно может варьироваться от нулевой представленности до достаточно ощутимой величины, влияние которой на языковое поведение предлога невозможно отрицать.

Признание лексических составляющих в семантике предлога происходило поэтапно и, как следствие, поэтапно осознавалась способность предлогов участвовать в актуализации смыслов, традиционно считавшихся сферой полнозначных лексических единиц языка. Диссертационные исследования последних десятилетий особенно показательны в этом плане. Независимо от того, выполнены они на материале одного языка или на основе сопоставления предложных систем двух языков, в семантике предлогов обнаруживаются характеристики, свойственные лексическим единицам языка.

Для исследования лексических аспектов в семантике предлогов предлагались комплексные подходы, например, сочетание когнитивного подхода, ориентированного на внешний мир, и внутрилингвистические методы исследования пространственных и временных предлогов [9]. Функциональный подход позволил выделить различные функции предлогов: стилеобразующие (предлоги оказываются способом разграничения литературного и разговорного языка) и текстообразующие функции. Интересны примеры Н.П. Кравченко, где предложные выражения позволяют прогнозировать содержание текста: «оружие от террористов – оружие у террористов – оружие для террористов» [5]. При психолингвистическом подходе ставится задача сопоставления лингвистических данных и ментальных структур пространственного сознания и т.д. [8]. В результате в семантике предлогов обнаруживаются такие аспекты, которые сближают их с полноценными лексическими единицами.

Речь идет, прежде всего, об организации семантически близких предлогов по принципу лексических полей и лексико-семантических групп. Семантика пространственных предлогов может анализироваться на основе метода компонентного анализа, представляющего собой процедуру разложения значения на семантические составляющие – интегральные и дифференциальные

компоненты [3]. Функционально-семантическое поле предлога в структуре языка (испанский язык) анализируется в диссертации С.А. Галстян [2].

Еще более заметный акцент на лексических составляющих значения предлога становится очевидным в тех исследованиях, где предлоги выполняют функции собственно лексических единиц языка. Так, в трудах З.М. Степановой предлагается системное описание французских и русских пространственных предлогов с акцентом на лингвокультурологический аспект. Исследование ориентировано на взаимосвязь языка и культуры, а предлоги оказываются не самоцелью, а инструментом описания социокультурных особенностей народа-носителя языка [8]. В трудах других исследователей семантика пространственных и временных предлогов связывается с когнитивным моделированием пространства [10]. С позиций когнитивного подхода семантическая структура пространственных предлогов может рассматриваться как способ восприятия и отражения физического пространства носителями языка [1]. Семантика исследуемых предлогов неразрывно связывается с выявлением способов концептуализации объектов носителями языка [7].

Актуализация лексических составляющих обнаруживается в семантике всех предлогов, она тем более очевидна у предлогов с пространственным значением. Интенсивное переосмысление возможностей предлогов этой группы вполне объяснимо; они относятся к более широкой сфере предлогов со значением пространства и времени, этих двух базовых сущностей, формирование которых сопутствовало развитию человеческого рода с древнейших времен. Преставления об этих сущностях в своей исторической глубине сохранили ментальные и языковые «окаменелости» различных эпох, и семантика предлогов также несет в себе отпечаток разновременных представлений, схожих или различных у представителей разных языков.

В последние десятилетия предлоги группы со значением «направленное движение», не раз становились объектом исследования на материале разных языков. Так, А.Б. Чернышев посвятил свое исследование предлогам со значением «движение к конечному объекту» и выполнил его на материале английского и русского языков [10]. О.Г. Дудочкина, также на материале анг-

лийского языка, исследует предлоги со значением «пересечение пространства» [3]. Предлоги со значением «удаление» стали объектом исследования в работах З.М. Степановой (английский язык) [8]. Е.А. Елтанская анализирует две группы английских предлогов со значением «пересечение», «удаление от» [4].

Таким образом, важной характеристикой предлогов можно считать их статус переходного класса между лексическими и грамматическими единицами. Но если грамматические составляющие в семантике предлогов изучались на протяжении долгих лет, их лексический потенциал относительно недавно заинтересовал лингвистов, работающих на материале разных языков. На сегодняшний день, благодаря расширению методологических подходов, уже очевидны неожиданные и многообещающие результаты.

Список литературы

1. *Бороздина И.С.* Семантика пространственных предлогов (на материале английского и русского языков): дис. ...канд. филол. наук. Курск, 2003. 219 с.
2. *Галстян С.А.* Функционально-семантическое поле предлога в структуре языка: на материале испанского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2016. 200 с.
3. *Дудочкина О.Г.* Пространно-динамическая семантика предлогов “across”, “over”, “through”: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999. 25 с.
4. *Елтанская Е.А.* Семантическая структура английских пространственно-динамических предлогов: на материале различных типов дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 213 с.
5. *Кравченко Н.П.* Семантико- и текстообразующие функции русских предлогов: на материале языка художественной литературы и СМИ: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2001. 273 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: «Советская энциклопедия», 1990. 685 с.

7. *Мальцева О.Л.* Предлог как средство концептуализации пространственных отношений: дис. ...канд. филол. наук. Курск, 2004. 222 с.

8. *Степанова З. М.* Роль предлогов в формировании лингвокультурологических особенностей пространственных концептов: на материале русского и французского языков: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2006. 207 с.

9. *Хоружая Ю.Н.* Семантические функции пространственных и временных предлогов в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 218 с.

10. *Чернышев А.Б.* Когнитивное моделирование семантики пространственных и временных непроективных предлогов с общим значением «движение к конечному объекту» (на материале английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010. 194 с.

SEMANTICS OF PREPOSITIONS: LEXICAL AND GRAMMATICAL COMPONENTS

Z.S. Kasyanova

Kuban State University, Krasnodar

This article studies modern approaches to the definition of the meaning of prepositions and the acceptance of lexical components in their semantics, which traditionally used to be regarded as the expression of basically grammatical relations. This evolution in the definition of semantics of prepositions becomes possible due to the application of methods, which appeared to be effective while studying lexical units of the language.

Index Terms: prepositions, lexical and grammatical meaning, methods of research, anthropological approach.

Об авторе:

Касьянова Зинаида Салимовна – аспирант кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: newazs@rambler.ru

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА В НЕФТЕГАЗОВОМ ДИСКУРСЕ

И.О. Королев

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются лексические и синтаксические особенности перевода в рамках нефтегазового дискурса. Проанализировано использование данных средств в научном популярном тексте с точки зрения коммуникативной задачи такого стиля.

Ключевые слова: лексика, синтаксис, нефтегазовый дискурс, научно-популярный стиль, трансформации, термин, перевод.

В современной функциональной стилистике жанры, находящиеся на стыке функциональных стилей, недостаточно освещены. Границы между ними размыты, и в них наблюдается уникальное переплетение языковых особенностей «несоприкасаемых» раннее стилей научной и художественной речи. «Степень взаимопроницаемости стилей в таких “пограничных” жанрах может быть настолько высока, что это не только затрудняет определение их статуса в функционально-стилевой системе, но, кажется, может поколебать сами основы понятия “стиль”, его целостность» [3, с. 59]. Ввиду чего исследование функционирования таких стилей, а также то, с помощью каких именно способов и переводческих приемов происходит процесс передачи языковых средств, представляет особый интерес. В целом в данной категории текстов можно выделить два вида особенностей, которые следует учитывать при переводческой деятельности: синтаксические и лексические.

Материалом для исследования особенностей перевода научно-популярного текста в нефтегазовом дискурсе стала научно-популярная книга английских авторов Эндрю Инкпена и Майкла Моффетта «Мировая нефтегазовая промышленность: менеджмент, стратегия и финансы» (“The Global Oil and Gas Industry:

Management, Strategy and Finance” by Andrew Inkpen & Michael Moffett).

Синтаксис научно-популярного текста состоит из простых, распространенных и сложноподчиненных предложений. Но поскольку научно-популярный подстиль сочетает в себе элементы научной и художественной речи, то для данного подстиля характерна ярко выраженная образно-экспрессивная окраска, которая выражается в использовании образных и выразительных конструкций. Образность вызывает у читателя эмоциональную реакцию, которая формирует его отношение к информации и заставляет обратиться к личному опыту для объяснения того или иного явления [4, с. 17].

Одной из основных особенностей синтаксиса научно-популярного подстиля является употребление вопросно-ответных комплексов, с помощью которых устанавливается связь между автором и читателем [4, с. 18].

Ср.: *“One of the more esoteric questions regarding oil projects is which should be developed first, the oil or the pipeline? As one author suggested, it is something of a ‘chicken or egg?’ dilemma.”* / «Один из самых сложных и запутанных вопросов нефтедобывающих проектов заключается в том, что же развивать в первую очередь – месторождение или инфраструктуру? Как предложил один автор – это дилемма “курица или яйцо”».

Нередко и использование парцеллированных конструкций, которые упрощают структуру предложения, передавая информацию по частям. Данные конструкции могут выражать точку зрения автора.

Ср.: *“Transportation, both its availability and cost, has proven critical to competitiveness since the very beginning, but it has always been treated as something of a noncore activity, a service to be acquired or provided but not a core source of value. Nothing could be further from the truth.”* / «С самого начала, доступность и стоимость перевозки стали важной составляющей конкурентоспособной цены, однако, к транспортировке всегда относились как к чему-то второстепенному, к услуге, которая приобреталась и предоставлялась, а не как к одному из основополагающих факторов ценообразования. Все было далеко от истины».

В данном примере с помощью парцеллированной конструкции обобщается смысл и посыл первого предложения, выделяет-

ся наиболее существенный момент. То есть второе предложение “Nothing could be further from the truth” – «Все было далеко от истины» несет в себе основную подытоживающую мысль первого предложения.

Также следует отметить: инверсии, короткие вопросительные, восклицательные и номинативные предложения, риторические вопросы, присоединительные конструкции и т.д. – все эти экспрессивные и образные средства являются характерной чертой научно-популярного стиля [2, с. 239].

Еще одним необходимым элементом данного подстиля является субъективация повествования или выражение личностного начала. Данная особенность – главная отличительная черта научно-популярного подстиля от других разновидностей научной речи. Основная задача – донести и сделать понятной научную информацию, а также заинтересовать читателей. Авторское «я» облегчает данную задачу [2, с. 240].

Ср.: *“In the following sections, we will describe the business, economic, and historical issues and practices in transporting oil and gas.”* / «В следующих секциях мы опишем деловые, экономические и исторические составляющие, а также практику перевозки нефти и газа».

И последняя особенность научно-популярного стиля – наличие заголовков. Они выполняют информативную и рекламную функции. В заголовках часто используются эмоционально-окрашенные средства языка [1, с. 94]: *“The strategic chokepoint”* / «Стратегические дефиле».

Таким образом, языковые средства выразительности научно-популярного подстиля выступают лишь как сопутствующее явление стиля, они придают научным текстам большую убедительность и наглядность.

Что касается лексических особенностей, то поскольку научно-популярный подстиль является разновидностью научного стиля, здесь не обойтись без терминов и общенаучной лексики. В данном подстиле центральное место занимают термины. И если общенаучная лексика известна читателю-неспециалисту, и она не требует специальных пояснений, то термины всегда требуют расшифровки.

Для облегчения понимания термина, используется несколько способов введения в контекст.

Ср.: *“The trunkline system is an advanced radial system which integrates multiple remote headers into a single collection and processing facility, used in the largest fields.”* / «Магистральная система представляет собой усовершенствованную версию радиальной системы, в которой несколько приемных коллекторов объединяются в одну производственную систему. Такая система используется на самых больших полигонах добычи».

В этом примере в английском и русском варианте термин вводится сразу, затем дается его дефиниция. Внимание акцентируется именно на самом термине, который в дальнейшем неоднократно повторяется, напрямую отсылая читателя к данной ранее дефиниции.

Ср.: *“The intersection of a number of pipelines creates a hub or marine terminal.”* / «Пересечение большого количества линий создают ЭТК (эксплуатационно-технологический комплекс) или портовый узел».

При переводе была сохранена структура английского предложения, где термин введен в конце предложения. Внимание акцентируется не на самом термине, а на обозначаемом им понятии, инверсионно указывая на дефиницию, данную в начале предложения.

Помимо прямого и инверсионного введения автор может объяснить термин в скобках, предварительно описав его своими словами.

Ср.: *“Because many crude oils contain a variety of wax components that may adhere and buildup on the internal surfaces of a pipeline, a variety of automated cleaning devices called pigs (or scraping devices or go-devils) are run through the pipeline on a regular basis for inspection and cleaning.”* / «Так как некоторые типы сырой нефти содержат в себе парафин, на внутренней поверхности трубы могут скапливаться восковые компоненты. Для их прочистки используется большое количество автоматических устройств, которые называют ВИС (внутритрубный инспекционный снаряд, также очистной скребок или поршень). Приспособления прогоняются по трубе на регулярной основе для инспектирования состояния трубы и ее очистки».

Кроме терминов активно используется лексика, свойственная научному стилю: абстрактные существительные, глаголы

обобщенно-отвлеченного характера, прилагательные, числительные и т.д.

В научно-популярном подстиле широко используется разговорная лексика. Она усиливает выразительность текста, придает ему образность и эмоционально-экспрессивную окраску.

Ср.: *“Or as one colleague once noted, ‘Pipelines are like college funds. You know it’s going to take a lot of years, so you better get started now’.”* / «Как сказал один мой коллега: “Трубопроводы похожи на средства на колледж. Вы знаете, что потребуется много лет, чтобы их собрать, поэтому лучше начинать сейчас”».

Цитируемое предложение явно принадлежит к разговорному стилю речи. Доказательством этому может служить использование личного местоимения и конструкции “to get + verb”. Для достижения наиболее точной передачи окраски и настроения речи был использован вариант «начинать», как прямой эквивалент конструкции “to get started”.

Такие изобразительно-выразительные средства, как эпитеты, олицетворения, сравнения, метафоры, перифразы, антитезы, каламбуры и многие другие используются для разбавления информации, что делает ее более легкой для восприятия и усвоения.

Для придания предметам эмоционально-экспрессивной окраски используются эпитеты: “circuitous path” – «круговой путь»; “strong motivating political force” – «мощная мотивирующая политическая сила»; “splendid cheap waterway” – «великолепная дешевая водная магистраль».

Еще одним часто употребляемым средством выразительности и образности являются олицетворения.

Ср.: *“Crude oil pipelines have a critically important role to play in the global oil industry.”* / «Нефтепроводы также играют неоспоримо важную роль в мировой нефтяной промышленности»; *“Pipeline companies use calculations based on cost per pipe diameter per distance to estimate pipeline project cost.”* / «Для оценки стоимости строительного проекта нефтепроводные компании используют специальные вычисления, основываясь на диаметре и расстоянии прокладки».

В данных примерах слова “crude oil pipelines” – «нефтепроводы» и “pipeline companies” – «нефтепроводные компании» ис-

пользуются как персонификация, с помощью которой данные явления приобретают человеческий облик.

Таким образом, специфика передачи лексических и синтаксических структур в научно-популярных текстах достаточно многогранна. В отличие от научного стиля, научно-популярное произведение наполнено экспрессивно окрашенными средствами выражения, как лексическими, так и синтаксическими. При передаче таких средств необходимо находить наиболее оптимальные способы их перевода, зачастую жертвуя стилистической окраской оригинала.

Научно-популярный подстиль требует высокого уровня компетенции специалиста, что можно объяснить непростой коммуникативной задачей такого текста: с одной стороны, он должен быть простым и доступным, а с другой – сугубо информативным. Независимо от сложности представленных автором терминологических групп и от сложности конструкций, путем сравнения и анализа переводчик может найти наиболее оптимальный способ передачи замысла и коммуникативной задачи исходного текста.

Список литературы

1. Антонова С.Г., Васильев В.И., Жарков И.Я., Коланькова О.В., Ленский Б.В., Рябинина Н.З., Соловьева В.И. Редакторская подготовка изданий: Учебник / Под ред. С.Г. Антоновой. М.: МГУП, 2002. 468 с.
2. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
3. Назаренко А.Л. Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики: на материале английского языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 307 с.
4. Прохорова К.В. Научный стиль: учебно-методическое пособие для студентов-журналистов. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1998. 32 с.

Источники

Inkpen A., Moffett M. The Global Oil and Gas Industry: Management, Strategy and Finance. PennWell, 2011. 554 p.

LEXICAL AND SYNTACTIC PECULIARITIES OF TRANSLATION IN THE OIL-AND-GAS DISCOURSE

I.O. Korolev

Kuban State University, Krasnodar

The article examines lexical and syntactic peculiarities of translation within the oil-and-gas discourse. The usage of such peculiarities in popular science texts is analyzed from the point of communicative purposes of such texts.

Index terms: lexis, syntax, oil-and-gas discourse, popular science text, transformations, term, translation.

Об авторе:

Королев Игорь Олегович – аспирант 3 курса кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: grkrlv@gmail.com

УДК 81'42:811.112.2:811.161.1

КАТЕГОРИЯ ИНТЕРРОГАТИВНОСТИ: СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА

И.Г. Лукс

*Кубанский государственный университет, Краснодар
Академия Языка, Карлсруэ, ФРГ*

В статье рассматриваются особенности выражения и проявления категории интеррогативности в немецком и русском языках, характер контекстной зависимости вопросительных структур в сопоставляемых языках.

Ключевые слова: интеррогативная ситуация, вопросительное высказывание, вопросно-ответное образование, пропозиция, компонент неизвестного, тема-рематическое членение, речевые стратегии.

Категория интеррогативности в языке может определяться с различных позиций, например, *с позиции говорящего*, когда он выясняет, уточняет положение дел, привлекая слушателя. Это привлечение строится в значительной степени на основе вопросительных конструкций. Иницилирующим интеррогативную ситуацию является говорящий и даже если слушающий не реагирует на высказывание говорящего вербально, то это не дает основания для определения ситуации как неинтеррогативной, так как и молчание слушающего – это тоже реакция, ответ. Если высказывание говорящего строится на основе вопросительной структуры, но цель говорящего – не запрос информации, а, например, вежливая просьба, то доминирующей в определении ситуации в качестве интеррогативной является *реакция слушающего*. Если слушающий реагирует на такое высказывание, то он может определять ситуацию как интеррогативную. При этом кажущаяся неуместность ответной речевой реакции выражает проявление межличностных отношений посредством положительных или отрицательных эмоций. Определение ситуации как интеррогативной может происходить и *со стороны говорящего, и со стороны слушающего* одновременно. В этом случае в высказывании говорящего могут и не содержаться признаки интеррогативности, ни грамматические, ни лексические. Имеем в виду, что вопросные образования такого рода «возмущают» стройность и стандартную однозначность формально-семантических отношений в словесных единицах языка, их формирующих, «в известной мере осложняют и затрудняют их изучение и освоение, но эти же слова предопределяют характер возможных изменений в языке» [1, с. 185]. Такое высказывание может вмещать в себя содержание эпизода, главы и даже целого романа. Интеррогативность в высказывании говорящего проявляется за счет его намерения (например, выяснение позиции слушателя по отношению к теме высказывания, созданного говорящим). В этом случае роль слушателя определяется как констатирующая интеррогативную ситуацию и заключается в поддержании слушающим темы. Видно, что первый вид отношений, определяющий интеррогативную ситуацию как коммуникативную ситуацию, – прагматический. Здесь задаются некоторые параметры интеррогативной ситуации, например, набор тем, определенные личностные факторы или «фикси-

рованные установки языковых личностей» – участников интеррогативной ситуации и социума, в котором происходит общение, намерения обоих участников коммуникации, типы социальных сфер, на основе которых на когнитивном уровне, т.е. на уровне понимания и порождения речи участников общения, происходит выбор пресуппозиций, формирующихся при моделировании интенции говорящего и каждого из перечисленных прагматических параметров интеррогативной ситуации. Мы полагаем, что интенция, или цель участников коммуникации, является определяющей в формировании интеррогативной ситуации.

Следующий вид отношений – семантический. На семантическом уровне для прагматических пресуппозиций вопросительных высказываний (ВВ) подбираются соответственные элементарные смыслы, группирующиеся в определенные конфигурации по принципам ограничения семантической сочетаемости. И, наконец, на вербальном уровне (следующий вид отношений) смысловой каркас втискивается в рамки как вопросительной, так и невопросительной структуры – со своими специфическими маркерами – и заполняется лексически. По таким же ступеням или уровням проходит процесс построения вербальной реакции на вопросительное высказывание – ответное высказывание, но со своей спецификой, основанной на интенции, с которой слушающий будет реагировать на произнесенное вопросительное высказывание. Взаимопонимание между коммуникантами будет достигнуто тогда, когда они будут иметь общий набор фиксированных установок на уровне субъектно-субъектных отношений, иными словами, «входить в положение друг друга». В этом случае гарантировано достижение успеха в коммуникативной ситуации, в противном случае возникает конфликт.

Спектр выражений ВВ в языковом плане может быть довольно широким: от одной буквы (звука), цифры до сложных синтаксических образований. Проанализировав некоторый языковой материал, мы можем утверждать, что в семантике вопросительного высказывания, выраженного любой вопросительной синтаксической конструкцией, заложена альтернатива положительных реакций на вопрос в противовес отрицательным или наоборот. Это обстоятельство, как мы думаем, является одним из компонентов программирования говорящим интеррогативной си-

туации. Пространство, занимаемое другими реакциями на задаваемый вопрос, достаточно объемно и может быть рассмотрено в перспективе. Говорящий предоставляет шанс выбора слушающему, а слушающий по собственному желанию, с учетом когнитивного опыта (например, исходя из своих знаний о положении дел, из своего или чужого отношения к сложившемуся положению дел и т.д.), совершает акт выбора. Таким образом, в ВВ проявляется не только уровень знания/незнания говорящего, но и дается установка для слушающего на выбор реакции на вопрос и на возможность добавления информации – заполнения лакун в знании говорящего. Семантически альтернативная структура эксплицитно (в собственно альтернативных вопросительных предложениях) или имплицитно заложена в непосредственную пропозицию как немецкого, так и русского вопросительного высказывания, посредством которой осмысливается уточняемый или выясняемый компонент неизвестного. Формально и семантически это проявляется в постановке неизвестного компонента в центр интонационной напряженности в тематической рамке вопросно-ответного образования, что находит отражение в порядке следования синтаксических компонентов на уровне предложения и актуального членения. Альтернативной рамкой, содержащей по крайней мере две альтернативы, представляется уточняемая, выясняемая, до конца неизвестная говорящему информация. Неизвестная информация может быть разнохарактерной, могут уточняться или выясняться различные моменты положения дел. В связи с этим нами установлен механизм запроса информации на семантическом уровне, основанный на определенных формулах для 8 возможных запрашиваемых компонентов в ВВ:

- для компонента, уточняющего положение дел, включающего возможность запроса физического действия (движения, говорения), ментального действия (думать, знать, хотеть, чувствовать и т.д.), а также существования (родиться, жить, умереть) и обладания;

- для компонента, уточняющего объект перечисленных возможностей запроса действия, существования и обладания;

- для компонента, уточняющего субъект перечисленных возможностей запроса действия, существования и обладания;

- для темпорального компонента;

- пространственного компонента;
- причинного компонента;
- компонента качества;
- количественного компонента.

ВВ в каждом функциональном стиле имеет определенную функционально-семантическую нагрузку, которая, судя по частотности употребления, может быть свойственной даже определенному стилю. Для определения функциональности того или иного ВВ большую роль, на наш взгляд, играет статус говорящего, его интенция.

В качестве составляющих образно-художественные средства ВП могут использоваться в риторическом вопросе, в стыке (комбинация из анафоры и эпифоры), в *conciliatio* (лат. – противопоставления, связанные между собой), в *praeparatio* (лат. – подготовка слушателя к сообщению о чем-то страшном). Вопросно-ответное образование – это очень часто стилистический прием, на основе которого строятся языковые игры. Обыгрываются особенности семантико-синтаксической структуры (кроссворды), отношения между составляющими производного слова (шарады), нарушение семантических правил, например, несоответствие ответной речевой реакции вопросительному высказыванию или неуместности ответа (анекдоты, шутки).

В результате анализа текстов различной стилистической принадлежности предлагается типологическая классификация ВП для немецкого и русского языков, построенная на основе различной степени сложности структурной организации ВП, выявлены некоторые общие и специфические особенности проявления категории интеррогативности в немецком и русском ВП на каждой ступени классификации. Определено, что структура вопросительного предложения может прогнозировать структуры ответов, что актуальное членение вопросительного предложения в немецком и русском языках следует рассматривать не в одной плоскости, а с позиции вопросно-ответного образования. Его темой будет служить вопросительная структура, а ремой – ответная вербальная реакция. В теме и в реме выделяются зоны наибольшей интонационной напряженности, в которые попадают синтаксические компоненты, запрашиваемые или уточняемые (в теме) и те, которые употребляются вместо них (в реме). Порядок следования синтаксических компонентов не всегда влияет на расположение

запрашиваемого или уточняемого компонента в предложении. Как в немецком, так и в русском языках порядок следования синтаксических компонентов – основное средство выражения актуального членения в литературном языке, в устной речи таким средством является интонация.

Предложения с одним и тем же порядком слов могут выражать в разговорной речи и кодифицированном языке разное актуальное членение. Однако отсюда не следует вывод, что в разговорной речи порядок следования синтаксических компонентов никак не связан с выражением актуального членения. Он, не являясь основным средством, играет определенную роль в выражении актуального членения наряду с некоторыми другими дополнительными средствами.

Перевод вопросно-ответного образования будет тогда эквивалентным, когда его тема-рематическое членение в немецком языке будет полностью соответствовать членению в русском и наоборот. Важным моментом при переводе вопросно-ответных образований является также знание культурных и как следствие языковых реалий. При постановке вопроса, например, на немецком языке говорящий использует специфическую лексическую единицу, смысл которой переводчик должен довести до иноязычного слушателя, иначе последний не сможет ответить на поставленный вопрос. Знание иноязычным коммуникантом способов речевого поведения, речевых стратегий того этноса, на чьем языке происходит коммуникация, обуславливает успешность коммуникативного общения разноязычных коммуникантов. Речевые стратегии представляют собой внешнее выражение скрытой системы культурных правил, или культурных сценариев, без знания которых довольно трудно участвовать в процессе коммуникации [2, с. 117–118] и, в частности, в вопросно-ответном диалоге.

Список литературы

1. *Рябов В.Н.* Русские интраязыковые лакуны (формально-семантический аспект). Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 1977. 200 с.
2. *Фанян Н.Ю.* Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2000. 234 с.

THE CATEGORY OF INTERROGATION: SEMANTICS AND ORGANISATION

I.G. Lux

*Kuban State University, Krasnodar
Sprachakademie Karlsruhe, Germany*

The article examines the specificity of the expression of the interrogative situation in English and in German, the dependence of the interrogative structures on the context in both languages.

Index Terms: interrogative situation, interrogative utterance, question-answer dialogue, proposition, constituent of unknown quantity, theme-rheme division, speech strategies.

Об авторе:

Лукс Ирина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета, преподаватель Академии Языка г. Карлсруэ (ФРГ); e-mail: irina-lux@gmx.de

УДК 81'37:81'42

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ И МЕДИЦИНСКОМ КОНТЕКСТЕ

В.М. Манакина

Кубанский государственный университет, Краснодар

Цель данной статьи заключается в рассмотрении синтагматических отношений языковых единиц в юридическом и медицинском контексте на примере книги Gail S. Anderson "Biological Influences on Criminal Behavior". Статья раскрывает содержание понятия «синтагма» посредством анализа различных уровней языка. Перевод примеров выполнен автором статьи.

Ключевые слова: синтагма, синтагматические отношения, лексическая сочетаемость слов, семантика.

В последние десятилетия наблюдается растущий интерес специалистов к изучению феномена юридического и медицинского перевода. Перевод текстов медицинской и юридической тематики представляет собой непростую задачу, считается одним из самых сложных видов перевыражения текста в среде переводчиков, так как для адекватной передачи информации, содержащейся в данных текстах, языки медицинского и юридического переводов должны быть особо точными, ясными и достоверными. В контексте подобных направлений можно наблюдать определенные особенности языка, связанные с присутствием в текстах терминологии и специальной лексики.

В качестве введения в тему исследования, целесообразно будет дать определение понятию синтагматических отношений. Согласно В.И. Кодухову: «Синтагматические отношения объединяют единицы языка в их одновременной последовательности. На синтагматических отношениях строятся слова как совокупность морфем и слогов, словосочетания и аналитические наименования, предложения (как совокупности членов предложения) и сложные предложения» [2, с. 79].

Иными словами, синтагматические отношения можно определить как отношения сочетаемости элементов одного уровня в речевой цепи, которые можно наблюдать на различных языковых уровнях.

Ср.: *“And, as we shall see, highly suspect uses of genetics were used in Germany to study crime during the Nazi regime”* / «И, как мы можем увидеть, более чем сомнительные использования генетики применялись в Германии для изучения преступности во время нацистского режима».

В этом предложении синтагматически соединены слова и группы слов *“highly suspect uses”, “uses of genetics”, “uses of genetics were used”* Морфемы внутри слова также соединяются синтагматически: *“high/ly”, “use/s”, “were/was”*.

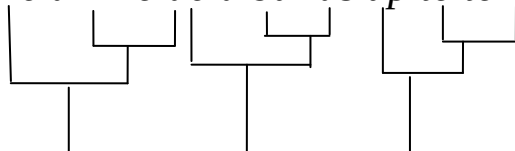
Сочетание двух членов, связанных тем или иным отношением с неравноправной направленностью членов, где один член является определяемым, а другой – определяющим называется синтагмой [5, с. 324]. Между членами синтагм (из морфем, слов, словосочетаний) могут быть разные отношения. Например, в представленном примере можно наблюдать следующие отношения:

1) *предикативные*, т.е. зависимость двух членов с обязательной связью времени и наклонения [5, с. 327] (например, “*we shall see*”, “*uses of genetics were used to study*”); 2) *атрибутивные*, т. е. когда называется какой-нибудь признак определяемого вне категорий времени и наклонения [5, с. 328] (например, “*highly suspect uses*”); 3) *объективные*, когда называется что-нибудь, не содержащееся в самом определяемом, но связанное с этим определяемым объектным отношением [5, с. 328] (например, “*uses of genetics*”, “*to study crime*”, “*during the Nazi regime*”); 4) *релятивные*, определяющий член которых является релятивом, называющим либо какой-нибудь признак определяемого, либо что-либо не содержащееся в самом определяемом, но связанное определенным отношением [5, с. 28] (например, “*highly suspect*”, “*used in Germany*”).

В языковой цепочке, выявляющей последовательные зависимости примыкающих друг к другу компонентов, синтагмы семантически упорядочиваются таким образом, что синтагматические объединения отдельных слов образуют, в свою очередь, более широкие синтагматические объединения, что можно наблюдать на примере, приведенном ниже [7]. Вот как выглядит эта мысль в формулировке Ф. де Соссюра: «С одной стороны, слова в речи, образуя цепь, вступают между собой в отношения, основанные на линейном характере языка, исключающем возможность произнесения двух элементов сразу... Такие сочетания, опирающиеся на протяженность, могут быть названы синтагмами... С другой стороны, вне процесса речи слова, имеющие между собой что-либо общее, ассоциируются в памяти так, что из них образуются группы, внутри которых обнаруживаются весьма разнообразные отношения» [6, с. 121].

Ср.:

the amino acid builds up to toxic levels (Gail S. Anderson)

Согласно Э.В. Кузнецовой, слова в предложении связываются и сочетаются на основе определенных закономерностей. «Основной закон лексической синтагматики – это семантическая согласованность слов, которая проявляется в том, что слова, образующие состав предложения, имеют в своих значениях общие

компоненты» [4, с. 188]. В.Г. Гак, сравнивая семантическое согласование с грамматическим, отмечает, что «Подобно грамматическому, семантическое согласование есть формальное средство организации высказывания, достигшее, однако, значительно меньшей формализации» [1, с. 284].

Сочетаемость языковых единиц на лексическом уровне определяется, с одной стороны, его принадлежностью к определенной части речи, а с другой – лексическим значением слова, его семантикой. В специальной лексике выделяется большой ряд словосочетаний, образующих своеобразные микро-контексты с различными уровнями организованности. Можно рассмотреть ряд примеров:

1) **cell**

penetrate a cell – проникнуть в клетку

kill the cell – уничтожить клетку

produce new cells – производить новые клетки

target cells – необходимые клетки

get inside cells – проникнуть во внутрь клеток

communication among cells – взаимодействие между клетками

2) **gene**

missing gene – недостающий ген

place the gene – поместить ген

implant the gene – пересадить ген

required gene – необходимый ген

3) **crime**

commit crime – совершить преступление

study crime – изучать преступность

predisposition to the crime – предрасположенность к преступлению

explain crime – объяснить преступность

eliminate crime – устранить преступность

crime statistics – криминальная статистика

causes of crime – причины совершения преступления

adolescent crime – подростковая преступность

specific crime – конкретное преступление

В приведенных примерах можно определить «синтагматическую близость как степень вероятности употребления одного слова непосредственно за другим» [3, с. 47]. В.В. Морковин, говоря о данном явлении, ссылается на Д.Д. Дженкинса, который

объясняет понятие «синтагматическая ассоциация» тем, что «синтагматическая близость между словами зависит от того, как часто одно из них следует за другим в речевом потоке» [3, с. 46]. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что анализируемые слова “*crime*”, “*gene*”, “*cell*”, которые представляют собой категорию специальной лексики, в юридическом и медицинском контексте чаще всего будут употребляться с вышеперечисленными словами ввиду высокой степени связанности данных языковых единиц.

Синтаксический и лексический уровни языка взаимосвязаны, так как синтагматические отношения на синтаксическом уровне проявляются в лексической сочетаемости синтаксических единиц (словоформ в словосочетаниях и предложениях), соединенных между собой синтаксической связью. Например, если рассмотреть английское слово “*high*”, которое переводится как «*высокий*» [8], то можно предположить, исходя из юридического и медицинского контекста, с какими словами данное слово лексически сочетается и, соответственно, с какими словами оно будет вступать в синтаксическую связь при употреблении его как части составного именного сказуемого (с глаголом-связкой “*be*”). Например, прилагательное «*высокий*» чаще всего можно встретить в словосочетаниях с существительными «*риск*», «*уровень*»: “*genetic risk was high*”; “*estrogen and progesterone levels are high*”.

Согласно Э.В. Кузнецовой, основным методом анализа синтагматических отношений в лексике является контекстологический метод. Он заключается в том, что для каждого слова путем обобщения достаточно большого фразового материала может быть выявлена типовая сочетаемость. Эта сочетаемость может быть представлена в виде обобщенной характеристики тех позиций, которые чаще всего представлены в контексте слова [4, с. 190].

Принимая во внимание специфику контекста медицинской и юридической тематики, можно сделать вывод о том, что синтагматические отношения строятся линейным образом, пронизывают все уровни языка и предполагают наличие определенных закономерностей сочетаемости слов в речи.

Список литературы

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.
2. Кодухов В.И. Введение в языкознание: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1987. 288 с.
3. Морковин В.В. Идеографические словари. М.: Издательство Московского университета, 1970. 71 с.
4. Общая лексикология. Хрестоматия. Учебно-методическое пособие по специальности 021800 (031301) Теоретическая и прикладная лингвистика / Составители Подтележникова Е.Н., Кретов А.А. Воронеж: ВГУ, 2009. 726 с.
5. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов / Под ред. В. А. Виноградова. 5-е изд., испр. М.: Аспект Пресс, 2004. 536 с.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Соцэкгиз, 1933. 278 с.
7. Учебные материалы онлайн. (Электронный ресурс) // URL: https://studwood.ru/715541/literatura/sintagmaticheskie_paradigmaticheskie_otnosheniya (Дата обращения: 24.01.2018).
8. Электронный словарь Мультитран. (Электронный ресурс) // URL: <https://www.multitrans.ru/c/M.exe?a=1> (Дата обращения: 12.12.2017).

Источники

Gail S. Anderson. Biological Influences on Criminal Behavior. CRC Press, 2007, 315p.

SYNTAGMATIC RELATIONS IN LEGAL AND MEDICAL CONTEXT

V.M. Manakina

Kuban State University, Krasnodar

The aim of this article is to examine syntagmatic relations between linguistic units in legal and medical context based on the book by Gail S. Anderson “Biological Influences on Criminal Behavior”. The article de-

finds “syntagma” by analysing different language levels. The translation of the examples has been performed by the author of the article.

Index Terms: syntagma, syntagmatic relations, lexical combinability of words, semantics.

Об авторе:

Манакина Валерия Михайловна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: ms.manakina@inbox.ru

УДК 81: 81-13

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН S-MOBILE

И.А. Назаренко

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматривается интерлингвистический характер s-mobile, различные толкования данного феномена. Приводятся примеры его функционирования в европейских языках.

Ключевые слова: феномен s-mobile, s-подвижное, непродуктивный префикс, преформант, подвижный форматив, корне-слово.

Лингвистический феномен *s-mobile* (s-подвижное) широко представлен в европейских языках. Его интерлингвистический характер подчёркивается и латинским названием s-mobile, выявляющим его кинематическую сущность. Знаменателен тот факт, что лингвистический феномен не дефинируется точным термином, а представляет собой метафору.

Открытие феномена *s-mobile* принадлежит Ф.Ф. Фортунатову (1876–1902), русскому учёному-компаративисту и палеографу. Вопрос о происхождении и функционировании s-mobile продолжает оставаться дискуссионным. Учёными были выдвинуты разные гипотезы о сущности данного явления: s-mobile как один из протоиндоевропейских префиксов (Ph. Colinet, J. Schrijnen, A. Zimmermann), как явление синтаксической фонетики

(К. Brugmann, М. Leumann) и т.п. Проблемой s-mobile занимались и занимаются многие лингвисты (Э. Макаев, Вяч. Вс. Иванов, Т. Гамкрелидзе, F. Bechtel, Т. Burrow, Н. Hoenigswald, F. Schwyzer, J. Wackernagel, etc.).

S-mobile рассматривается как непродуктивный префикс с давно забытой функцией; как аффективный элемент; как факультативно используемый начальный согласный, возникавший в результате случайных ассимиляций и диссимиляций; как результат синкретизма начальных **sb-**, **sd-**, **sg-** с **sp-**, **st-**, **sk-** во всех индоевропейских языках, за исключением индоиранских и греческого; как рефлекс определённых ларингальных. Исследователи заметили, что наиболее частотное сочетание s-mobile с консонантами-*mutae* **k**, **p**, **t**, а также сонорными **l**, **m**.

М. Лойман рассматривает s-mobile как явление *синтаксической фонетики*, указывая на то, что в начале слова индоевропейском представлено *s-impurum* в **sk-**, **sp-**, **st-**, **sm-**, которое чередуется без ощутимой семантической разницы с формами без **s-**, **k-**, **p-**, **t-**, **m-**, e.g., **τέγος (ТК) – στέγος (sTK)**. Есть гипотеза о том, что s-mobile первоначально было лексически однозначным словом, так называемым *преформантом*, *реликтом древнего предлога* (ср. лат. **super**, *наверх*, (*y*), *сверху*, *над* – ***(e)ks-uper**) [4, с. 248]. Как нам представляется, она не лишена оснований. Явление s-mobile не вписывалось в рамки учения об индоевропейском корне Э. Бенвениста, поэтому учёный высказывал разные точки зрения о сущности s-mobile, называя **s-** в корнях типа ***ster-** либо *приставочным*, либо *корневым свистящим*. Корни с начальной группой **s + согласный** являются либо распространённой основой от корня с начальным свистящим, либо с приставочным **s-**; в том случае, когда начальная группа предполагает ***(s)k-**, ***(s)t-**, ***(s)p-** и т.п. с нестойким свистящим, дело касается в общем префиксации и можно полагать, что корень начинается согласным без предшествующего **s-** [2; 1, с. 194–195].

В санскрите с несомненностью выделяется ряд корней и слов, имеющих неэтимологическое **s-**. Напр., в формах ***(s)ker** – «отрезать», где **s-** часто отсутствует, разнообразные признаки указывают на то, что корнем в действительности является ***ker-**: ср., 1 ***kèr-t** (скр. **kártat**): 11 ***kr-èt-** с инфиксом ***kr-n- èt - / *kr-n-tó** (скр. **krntáti**); 1 ***kèr-i** (греч. **κείρω**, *стричь* = лит. **skiriù**): 11

***kr-èi-n** (греч. **κρίνω** = лат. **cerno**, *отделять, избирать, судить*) и т.д.

Таким образом, можно считать доказанным, что в тех случаях, когда возможен точный анализ, исчезновение начального свистящего указывает на то, что он не принадлежит к корню. Мы не можем пока сказать, какую функцию выполняла префиксация с помощью **s-**: функцию усиления? различения омонимических корней? настоящей префиксации? Во всяком случае, тот факт, что **s-** не составляет неотъемлемой части корня, исключает вероятность многочисленных четырёхбуквенных корней, в действительности представляющих собой трёхбуквенные с приставочным **s-**.

Русская грамматическая мысль классифицирует **s-mobile** не как *префикс*, а определяет его как *часть основы лексемы*. И это верно, так как **s-mobile** не только предваряет исконное корнеслово, но и встречается внутри него.

Т. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов интерпретируют начальные сибилантные спиранты ***s-** и ***š-**, не входящие в каноническую структуру реконструируемого индоевропейского корня **C¹VC²**, как *древнейшие префиксы* и отмечают, что их морфологическая функция остаётся неясной: **š – s – CVC**. Авторы считают, что «эти структуры (в частности структуры с начальным ***s-**), определявшиеся как структуры с **s-mobile**, оказываются в индоевропейском структурами с префиксальным ***s-**, утерянным в древнеиндийском на чисто фонетической основе и перешедшем в **s-** в древних индоевропейских диалектах. Поэтому соответствующие структуры не могут рассматриваться исторически как структуры с «подвижным» **s-**. Такое «подвижное» **s-** можно увидеть лишь в отдельных изолированных формах с наличием или отсутствием начального **s-** без какой-либо явно улавливаемой закономерности, ср. формы типа греч. **τέγος / στέγος** «крыша», ср. др.-инд. **sthagati** «покрывает», «скрывает», лат. **corium** «кожа» // **scortum** «шкура», ст.-сл. **kora** «кора» // **skora** «шкура» [3, с. 219].

Часто **s-mobile** квалифицируется как *подвижный форматив*. М. Маковский отмечает случаи «употребления одного и того же корня с начальным **s-mobile** или без него в пределах одного или нескольких языков (ср. рус. **мёртвый**, но **смерть**; рус. **прыгать**,

но лит. **sprugti**; рус. **крыло**, но плк. **skrzydło**; рус. **кора**, но др.-рус. **скора**, *кожа* [5, с. 14].

Э. Макаев полагает, что s-mobile, широко представленное в индоевропейских и германских языках, связано с другими «подвижными» элементами, чередующимися в начале корня в индоевропейском и германском, и, по вероятности, представляет собой *первоначально префиксальное образование*, потерявшее рано свою функциональную значимость [4, с. 243–244].

S-mobile не допускает предсказуемости ни в одном индоевропейском языке и это обстоятельство недвусмысленно говорит о том, что феномен s-mobile не относится к фонемному или просодическому уровню (ибо фонемы и просодемы, во всяком случае в определённых границах, допускают предсказуемость; приходится интерпретировать s-mobile на морфологическом и словообразовательном уровнях. Учёный представляет восемь типовых моделей чередования s-mobile в германском языке:

1. sk : h – sharf ~ herpa, 2. sh : k - skeifr ~ keikr,
3. sp : f – spik ~ ficken, 4. sp : p - spaette ~ pikke,
5. st : þ – stokkr ~ / þoka, 6. st : t - start ~ tart,
7. str : r – Strand ~ Rand, strechen ~ rechen, streben ~ Rebe, strind ~ rind,
8. s : ó – slakna ~ lakr [4, с. 38].

Вышеприведённые примеры, как правило, показывают наличие s-mobile в этимологических дублетах при сохранении идентично графически оформленного корнеслова. Дублетность корнеслов с s-mobile достаточно частотна в греческом языке: греч. **κομῶω**, *украшать*; **κοσμέω**, *украшать, ставить в строй, строить*. Исследователи заметили, что начальное **σ** отбрасывается всегда в группе **σν**, иногда в группах **σμ**, **σκ**, **στ**, **σπ**, напр., **νείφει**, *снег идёт*, вместо **σνειφει** (ср. рус. снег); **μία**, *одна*, вместо **σμία** (кор. **σμε**, ср. лат. **sem-el**, гомер. **μῶ**); **μικρός**, *малый*, рядом с более древним **σμικρός**, гомер. **κάπετος**, *ров*, при **σκάπετος** (*ров*) и **σκαπτω**; **τέγος**, **τέγη**, *крыша*, при **στέγος**, **στέγη**; **πίνος**, *грязь*, вместо **σπίνος**.

Но сфера функционирования s-mobile гораздо шире выявленного факта очевидной этимологической дублетности корнеслов. Явление s-mobile не предполагает обязательную диахронию, cf. современные варианты названия топонима с s-mobile –

швед. **Stockholm**, рус. **Стокгольм** – и без s-mobile – фин. **Tukholmman**.

Результаты исследования показали, что s-mobile наблюдается на разных лингвистических уровнях:

на монолингвистическом, e.g.: греч. **Σκύτος**, *выделанная кожа* – греч. **Κύτος**, *выпуклость*, в пер. *объём, содержание*;

греч. **σκότος** – *тьма* – греч. **κότος** – *злоба, гнев*;

греч. **γογγύλος** = греч. **στρογγύλος** = рус. **круглый**;

греч. **σμικρός** = греч. **Μικρός** – *маленький*;

на интерлингвистическом, e.g.: греч. **νεοττία** = лат. **nidus** = скр. **nidas** (и.-е. ***nisdos**) = англ. **nest, nestle** = нем. **Nest** = рус. **гнездо**;

лат. **mors, mortis** = рус. **смерть, мёртвый**; лат. **tono** – рус. **стонать**;

лат. **fenestra** = фр. **fenêtre** = рус. **форточка**.

S-mobile, как вариативная составляющая, имеет две линейные позиции в структуре корнеслова: *начальную* и *серединную*. Возможно и соединение двух основных схем, e.g., греч. **φώς, φωτός** – рус. **свет** – рус. **звезда**:

начальная позиция, e.g.: лат. **mors, mortis**, ~ рус. **смерть, мёртвый** ~ нем. **Storm**, англ. **Storm** = рус. **шторм**;

греч. **νιφά** = лат. **nix, nivis**, m = англ. **snow** = нем. **Schnee** = фр. **neige** = рус. **снег** – рус. **нега, нежный**; лат. **vox, vocis**, = англ. **voice** = рус. **звук**;

лат. **teneo** – *держат* – рус. **стена** (как держащая конструкция);

лат. **calvus** – *лысый* – англ. **scalp** – рус. **скальп**, cf., **Голгофа**, *Лысая гора*;

серединная позиция, лат. **mitto** – *посылать, соединять*, ср. рус. **мост**.

О неслогообразующей функции внутрикорневого s-mobile свидетельствует сочетание muta cum liquida при делении слова на слоги, e.g., лат. **iu-sti-ti-a**, **fe-stum**, etc. Функции и возможности внутрикорневого s-mobile порой загадочны: в английском языке в графическом сочетании «a + s-mobile + consonant-mutae» гласная буква произносится как долгое а [ā], тем самым нарушая правило чтения гласной в закрытом типе слога, e.g. **-sk** (ask [āsk],

task, basket, casket); **-sp** (grasp [grāsp], clasp), но wasp [wəsp]; **-ast** (cast [kāst], fast, last, mast, past).

У всех вышеприведённых интерлингвистических лексем наблюдается наличие семантических связей внутри данного конкретного корня. Примеры многочисленны, e.g.,

сема «связь, соединение»: греч. **στέμμα, στέφανος** – гирлянда, венок, родословное древо; лат. **mitto** – соединять, связывать; англ. **stem** – корень слова; греч. **Ζεύγμα** – что-либо соединённое вместе, соединение нескольких кораблей для разных целей, мост понтонный, поэт. ярмо; cf, рус. зевгма – рус. мост; лат. **mater** = рус. мать – фр. **mot** – слово;

сема «чистота»: греч. **καθαρός** = лат. **castus** = рус. чистый;

сема «свет, сияние, блеск»: лат. **splendeo** – сиять – англ. **splendid** – блистательный – лат. **scando** – восходить – лат. **candidus** – сияющий, белый, блистательный – нем. **strahlen** – сиять от радости = швед. **skina** = англ. **shine** – рус. блестеть, блистать, светить, etc.

Чтобы как можно полнее показать интерлингвистическое функционирование рассматриваемого феномена, напомним, что s-mobile имеет следующие фонемные реализации: S, Š, продуцирующие различные графические сочетания, в русском языке это графемы **с, з, ш**, e.g., звук = лат. **vox, vocis**; рус. **шлифовать** = лат. **polio** = фр. **polir**; в английском – **sh**, e.g., **shine**; в немецком – **s, sch**; e.g., **Student, Schütz**, etc.

S-mobile имеет криптопозицию: скрытое графически **s** присутствует в сложенных графемах: греческих **ξ, ψ, ζ** и латинской **x**, фонетически выражающих соответственно двойные согласные звуки: **ξ = [κς]**, **ψ = [πς]**, **ζ = [δς]**, **x = [ks]**. Подтверждением тому, что данное скрытое **s** не имеет функцию s-mobile, т.е. не входит в состав корнеслова, является тот факт, что в косвенных падежах, по которым определяется грамматическая основа слова, s-mobile отсутствует, e.g: греч. **ὠψ, ὠπός** (кор. **оп**) – взгляд, вид; лат. **lex, legis**, закон; лат. **paх, pacis**, мир, тишина, покой; лат. **felix, felicitas** = рус. **счастливый**; лат. **mendax, mendacis** – лживый, etc.

Скрытое графически явление s-mobile существует и в русском языке в структуре сложной графемы **щ** [šč = št], палатализованной аффрикаты от **ш**. В древнейших текстах употреблялась наряду с написанием **ШТ**. Графему **щ** рассматриваем как сложе-

ние *s-mobile* либо с **К** – [šč], либо с **Т** – [št], в этой взаимосвязи также проявляется интонационное единство АФГ **К** и **Т**.

е.g: рус. **пища** – рус. **питать** = греч. **τρέφω** – *питать* = англ. **feed** – греч. **βρώσι** – ит. **pizza**; рус. **чаща** ~ англ. **forest** ~ рус. **тайга**; рус. **щека** = греч. **Γένος** = лат. **gena** = гот. **kinnus** = англ. **cheek**; рус. **щит** = греч. **ασπίς, ἰδος** = лат. **scutum**.

Согласно международной фонетической системе, русская графема **щ** транскрибируется только как [šč], хотя она имеет и другой фонетический вариант – [št]. Мы наблюдаем данную вариативность в однокоренных русских лексемах, е.g., **пустить** – **пускать** – **пушаты**; **трещать** – **треск**.

Аналогичные явления есть в чешском языке: **šč** в западной части чешской языковой территории изменилось в **št'**, е.g., **ješce** – **jěšt'ě**, *ещё*; **ščene** – **štěně**, *щенок*; **puštěti** – **puštěti** (совр. **pouštět**), *пускать*.

Во французском языке наблюдаем, с одной стороны, замену начального *s-mobile* в соотносящихся классических и современных корнесловах на начальное **é**, е.g., лат. **studeo** – *учиться, изучать* = фр. **étudier**; лат. **scribo** – *писать* = фр. **écrire**; лат. **stella** – *звезда* = фр. **étoile**; англ. **state** – *государство* = фр. **état**; англ. **strange** – *странный* = фр. **étrange**; etc.

С другой стороны, отмечаем во французском языке протезис: наличие интерлингвистического *s-mobile* наряду с предшествующей ему начальной гласной **e-**: е.g., лат. **spatium** = фр. **espace** = англ. **space**; лат. **spiritus** = фр. **esprit**; лат. **spero** = фр. **espérer**, etc.

В старославянском языке существовал префикс **СУ-** (**су-**), обозначавший: **связь** или **соединение**, е.g., **супруг**, **сусед**, **сутки** (**стык**, или *соединение дня и ночи*), от **с(у)тыкать**; или от **смыкать** – **сутк'и** = углы в избе: припасы по суткám разошлись); **сусветный** = *всесветный, общий, повсеместный, общепринятый*; **неполноту**, е.g., **сумрак** (ст.-сл. **СОУМРАКЪ**), **судорога**; **супесь**, **сугроб**, **суглинок**, **сусек**, **суслик**, **сусолить**, **сустав**, **сутемень**, **сутолока**, **сутулый**, **суета**, **суютный**.

Наряду с латинским префиксом **sub** русским **с**, **со** и **су** родственны: «др.-прус. **san** – приставка, **sen** – предлог; лит. **san** – приставка при имени, наряду с этим др.-лит. **sa-**, **su-**; др.-инд. **sam**, **sa**; авест. **ham**, **ha-**; греч. **όμοῦ**, наречие от **ομός**, *вместе*, *в*

то же время близко» [6, с. 3, 79]. Старославянский вариант *s-mobile* – **СУ** – позволяет провести сравнение односемных слов на интерлингвистическом уровне: рус. **супостат** = лат. **hostis** – враг; рус. **супонь** – лат. **pono-** положить; рус. **зверь** = греч. **θήρ** – лат. **severus**, строгий, суровый = лат. **saevus** = лат. **ferus** = рус. **суровый** – дикий.

Если вглядываться в самую суть архикорнеслов и рассматривать связь их значений по существу, то нельзя не заметить одно удивительное явление: *s-mobile* в корнесловах современных языков скрывает, кодирует исконное греко-латинское корнеслово, e.g.,

рус. **страх** = греч. **ταραχή** = лат. **traho** = рус. **тащить, увлекать**;

англ. **spot** = греч. **τόπος** = рус. **место** – лат. **spatium** = рус. **простор** = англ. **space**, cf, лат. **rax, pacis**;

или же, наоборот, *s-mobile*, присутствующий в составе корнеслова классического языка, отсутствует в современных языках, e.g.,

лат. **studeo** – рус. **трудиться** – лат. **tundo** – бить, ударять, высекать из камня, непрерывно повторять, твердить, букв. «вбивать знания» – греч. **ἄθλος** – тяжёлый труд = англ. **toil**;

греч. **στόμα** – рот, устье (cf, рус. уста), отверстие, вход, выход ~ нем. **Mund** – рот, ротовая полость = англ. **mouth** – греч. **μάσταξ** – рот, пища, приносимая в клюве птицами для своих птенцов, позднее усы, cf., англ. **Moustash**.

Выявленная связь значений корнеслов в классических и современных европейских языках с помощью *s-mobile* свидетельствует о необходимости синкретизма в изучении языков. В данном исследовании лингвистика – наука, изучающая единый универсальный языковой корпус, ограничена рамками европейских языков греко-римской традиции. Хотя, вероятнее всего, сфера глобального языкового взаимопроникновения гораздо шире и глубже. Язык един во времени и пространстве, как едина во времени и пространстве планета Земля.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. М.: Издательство иностранной литературы, 1955. 201 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. 482 с.
4. Макаев Э.А. Структура слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1970. 287 с.
5. Маковский М.М. Историко-этимологический словарь современного английского языка. М.: Издательский дом «Диалог», 1999. 418 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М.: Прогресс. Т. 3, 1971, 832 с.

LINGUISTIC PHENOMENON S-MOBILE

I.A. Nazarenko

Kuban State University, Krasnodar

This article analyzes the linguistic nature of s-mobile, gives different definitions of the phenomenon and some examples of its functioning in the European languages.

Index Terms: s-mobile, nonproductive suffix, preformant, mobile formative, the root word.

Об авторе:

Назаренко Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: nazarenko.irina@yahoo.com

АДАПТАЦИЯ ЛАТИНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

Н.Я. Письменная, О.В. Котик

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье приводятся примеры, позволяющие обучающимся лучше усвоить многие особенности французской лексики, говорится об опыте работы по адаптации латинской лексики в обучении французскому языку. Адаптация латинской лексики поможет лучше усвоить особенности французского языка в целом, понять его эволюцию.

Ключевые слова: адаптация, латинские слова, ассимиляция, супплетивные формы, народная латынь.

Изучение латинского языка на французском отделении имеет исключительное значение, так как помогает студентам лучше понять эволюцию французского языка, происходящую на почве латинского языка, в частности народной латыни.

Преподаватели латинского языка на французском отделении в соответствии с требованиями коммуникативного подхода к обучению должны решать следующие задачи: дать студентам основательные знания важнейших явлений из морфологии и синтаксиса латинского языка, особенно тех, что тесно повлияли на развитие французского языка. Важное место в подготовке квалифицированных специалистов, широко образованных людей отводится преподаванию латинского языка, если его проводить на соответствующем уровне. Необходимо обратить внимание на те языковые процессы латинского языка, которые обусловили изменения, произошедшие на пути его преобразования во французский язык. Важно также закрепить в памяти обучающихся соответствующее количество слов, помогающее легче усвоить ряд явлений из истории французского языка.

В нашей статье мы бы хотели остановиться на ряде вопросов, помогающих, по нашему мнению, в решении данных задач.

В результате таких фонетических изменений, как синкопа и ассимиляция согласных, латинские слова типа *homo*, *femīna* во французском языке приняли форму: *homme*, *femme*.

Слабое произношение «h» в начальном слоге, выпадение конечных гласных и «m» обусловили следующую форму слов латинского происхождения во французском языке: *habēre* – *avoir*, *ornamentum* – *ornement*.

В зависимости от того, каким путем латинские слова проникли во французский язык, устным или письменным, они получили соответствующую с этим форму: *capitūlum* – *chapitre* – глава, *casum* – *cas* – случай, *natio* – *nation* – нация, *agricultūra* – *agriculture* – земледелие, *bestia* – *bête* – зверь, *fenestra* – *fenêtre* – окно, *structūra* – *structure* – строение, *testa* – *tête* – голова, *vigilia* – *vigilance* – бдительность.

Некоторые латинские слова изменили своё значение во французском языке или путем его сужения, или же расширения: *focus* – очаг, *le feu* – огонь, *pecāre* – убивать, *poyer* – топить. Из латинских синонимов во французском языке сохранились более экспрессивные: *flēre*, *lacrimāre*, *plorāre* – *pleurer*; *os*, *bucca* – *bouche*; *equus*, *cabāllus* – *cheval*.

Простые слова, как менее экспрессивные, уступали место сложным, например, вместо глагола *edēre* – кушать начали употребляться сложные глаголы: *comedēre*, *manducāre* – жевать, из которых первый сохранился в испанском языке – *comer*, второй во французском языке – *manger*, в итальянском – *mangiare*. То же самое касается глагола *commandāre* во французском: *commander* вместо *iubēre*; *demandāre* – *demander* вместо *rogāre*; *sufflāre* – *souffler*, *assimilāre* – *assimiler* – уподоблять, *dirigēre* – *diriger* – направлять, *imitāre* – *imiter* – подражать.

Прилагательные в функции определения существительных приобрели значение существительных: *forestis silva* – *forêt* – лес, *fidēlis* – *fidèle* – верный, *pacifīcus* – *pacifique* – мирный.

Интересна этимология слова «лес» во французском языке. По-латыни *silva* означает лес, а *forestis* – от *foris*, что значит снаружи, то есть лес, находящийся за оградой. Во время правления короля Карла Великого *silva forestis* обозначало королевский лес, заходить на территорию которого было запрещено. Позже слово

silva в этом сочетании исчезло, и осталось *forestis*, которое постепенно превратилось в *forêt* во французском языке.

Латинские наречия на *-e*, *-iter* заменились словосочетаниями, в состав которых входят существительное и прилагательное в аблативе: *longe – longa mente – longuement*.

Внимание обучающихся следует обратить на некоторые особенности разговорной латыни и их дальнейшее развитие во французском языке. Это поможет понять роль латинского языка и даст хорошую подготовку для лучшего понимания истории французского языка.

Во французском языке мы встречаем заимствования из латинского языка на начальном этапе из народной латыни, а позднее из классического литературного языка. Это связано с тем, что эти слова пришли во французский язык книжным путем, через переводы произведений латинских писателей. Эти заимствования резко отличаются от слов основного словарного состава французского языка, усвоенного устным путем, так называемых народных слов “*mots populaires*”, “*mots savants*” (народные слова и научные слова). Это касается, прежде всего, ударения, которое перемещалось по сравнению с классической латынью. Например: *mordēre* (кусать), *ridēre* (смеяться) в народной латыни превратилось в *mordère*, *ridère*, *posse* (мочь), *volle* (желать) стали *potère*, *volère*.

С X по XV века во французский язык проникает большое количество латинизмов с отвлеченными значениями, такие как *corruption*, *f – порча*, *génération*, *f – поколение*, *méditation*, *f – размышление*, *miséricorde*, *f – милосердие*, *occident*, *m – запад*, *orient*, *m – восток*, *passion*, *f – страсть*, *vérité*, *f – истина*. Также заимствуются имена прилагательные: *autumnal – осенний*, *rationnel – разумный*, *superbe – гордый*; глаголы: *asperger – окропить*, *glorifier – прославить*, *mortifier – умертвить*, *manifester – проявлять* [3, с. 100–101].

В XVI веке во Франции усиливается интерес к античной литературе, к искусству, науке Рима. В это время особенно интенсивно переводят произведения римских поэтов и историков, и во французский язык вливается много новых слов, но характер заимствований изменяется. Хотя по-прежнему много отвлеченных существительных, но они извлекаются из других областей. Теперь

главенствуют слова, носящие научный характер: *hypothèse*, *f* – *гипотеза*, *archipel*, *m* – *архипелаг*, *trapèze*, *m* – *трапеция*, к литературе: *épigramme*, *f* – *эпиграмма*, *périphrase*, *f* – *перифраза*. Названные выше слова – это слова греческого происхождения, но проникли они во французский язык через посредство латыни.

Из латинского языка проникли такие существительные, как *agriculture*, *f* – *земледелие*, *éducation*, *f* – *воспитание*, *explication*, *f* – *объяснение*, *structure*, *f* – *строение*. Прилагательные: *domicile* – *покорный*, *fébrile* – *лихорадочный*, *fidèle* – *верный*, *gratuit* – *даровой*, *pacifique* – *мирный*, *social* – *общественный*.

Проникают книжным путем и глаголы, употребляющиеся и в наше время: *assimiler* – *усвоить*, *concilier* – *примирить*, *diriger* – *направлять*, *управлять*, *hésiter* – *колебаться*, *imiter* – *подражать*.

Анализируя вышеизложенные примеры, можно сказать, что словарный состав французского языка в основном состоит из слов, пришедших из народной латыни и частично из классической латыни, но это не мешало французскому языку в ходе своего исторического развития непрерывно обогащаться путем переосмысления латинских слов, а также путем прямого заимствования. Эти сведения в очень большой степени помогают студентам, изучающим французский язык, осваивать особенности французской орфографии, этимологии, постигать лексический состав изучаемого языка, понимать значение многих слов латинского происхождения, но подвергнувшихся переосмыслению на французской почве. Кроме того, эти экскурсии в историю лексики французского языка позволяют студентам повышать эрудицию. Они учатся делать умозаключения на основе приведенных примеров, что способствует формированию логического мышления.

В ходе развития и формирования французского и английского языков, с учетом синтетического строя латинского языка, романо-германские языки претерпели значительное влияние латыни. Эти особенности синтетизма латыни нашли свое применение в образовании супплетивных форм имен прилагательных: «В языке особняком стоит небольшая группа имен прилагательных, включающая, тем не менее, весьма употребительные слова. Эти прилагательные образуют сравнительную и превосходную степени от корней совершенно других, чем в положительной степени – подобное явление наблюдается в русском языке: хороший – луч-

ший – самый лучший. Здесь проявляется случай так называемого способа – супплетивного образования; название происходит от латинского глагола *suppleo* 2, *suplĕre* – восполнять» [1, с. 53].

Опыт преподавательской работы заставляет обратить особое внимание на закрепление данных супплетивных форм имен прилагательных, т.к. без привлечения латинского языка студенты не понимают, почему степени сравнения имеют разные основы и усваивают их с трудом. С этой целью мы обращаемся к латинскому языку, объясняя само понятие супплетивных форм, как восполняющих друг друга основ. Например, *bonus* (*bona, bonum*) – *хороший* (*хорошая, хорошее*); *melior, melius* – *лучший* (*лучшее*); *optĭmus, optĭma, optĭmum* – *наилучший* (*-a, -e*).

malus, a, um – *плохой*; *peior, pejus* – *худший*, *pessĭmus, a, um* – *наихудший*.

magnus, a, um – *большой*, *major, majus* – *больший*, *maxĭmus, a, um* – *самый большой*.

parvus, a, um, – *малый*, *minor, minus* – *меньший*, *minimus, a, um* – *наименьший*.

multi, ae, a – *многие, многочисленные*; *plures, plura* – *более многочисленные*; *plurĭmi, ae, a* – *самые многочисленные*.

Следует показать студентам, что латинские супплетивные основы послужили образованию в русском языке слова *майор* (от *major*), в английском языке «право майората», т.е. право старшего сына, который наследует титул и все права наследования. Как ни странно, но это средневековое право сохранилось и по сей день в Англии.

Обучающимся будет также интересно узнать, что латинские слова также оставили свой след в русском языке: *maxĭmum* – *максимум, максимальный*; а *minor, minus* – *минор* (музыкальный лад) и *минус* (математический знак); *minĭmum* – *минимум, минимальный*; *melior* – *мелиорация* (улучшение неблагоприятных почвенных и гидрологических условий); *optĭmus* – *оптимизм, оптимист, оптимальный*; *pessĭmus* – *пессимизм, пессимист*.

Образование степеней сравнения от супплетивных основ нашло свое отражение в других языках. Например, в русском языке – *хороший, лучший*; во французском языке – *bon, meilleur*; в английском – *good, better, the best*.

Таким образом, следует заключить, что введение латинской этимологии в изучение французского языка позволяет студентам

легко ориентироваться в значении форм прилагательных, видеть связь латинского языка с новейшими языками, пополнять свою лингвистическую эрудицию, легко пользоваться терминами с учетом их этимологических нюансов.

Такой сравнительно-исторический анализ позволяет разнообразить учебный процесс, расширить диапазон изучаемой лексики и превратить занятие из скучного в увлекательный экскурс в историю языка. Можно также привлечь некоторые фрагменты из античной истории, особенно поздней античности, когда происходил переход от народной латыни к становлению французского языка. Это касается VII-VIII веков, то есть времени империи Карла Великого, которого в то время называли на латыни Carolus Magnus.

Это, на наш взгляд, очень важный прием преподавания французского и английского (с учетом значительного количества заимствований из французского языка в английский) языков, поскольку в условиях современной системы образования учащиеся учат французский и английский языки в школе и вузе и совершенно не знают истории образования этих языков, и уж тем более всех тонкостей грамматики, пытаясь просто запоминать эти формы, не вникая в их сущность.

Таким образом, изучение влияния латинского языка, который считается мертвым языком, на современные языки, в частности, французский, никак нельзя переоценить. Об этом говорят исследования наших коллег из других вузов, и мы не можем не закончить нашу статью вдохновенной цитатой из статьи о латинском языке: «Он не умер с гибелью Римской Империи, а продолжает жить, и активно используется в современном мире» [2, с. 905].

Список литературы

1. Боровский Я.М., Болдырев А.В. Учебник латинского языка для гуманитарных факультетов вуза. М.: Высшая школа, 1975. 479 с.

2. Бородина М.А., Горбунова В.С. Латинский язык в современном мире // Молодой ученый. 2015. № 12. С. 898-906. (Электронный ресурс) // URL: <https://moluch.ru/archive/92/19971/> (Дата обращения: 18.03.2018).

3. Lopatnikova N.N., Movchovitch N.A. Précis de lexicologie du français moderne. M.: Editions en langues étrangères, 1958. 198 p.

ADAPTATION OF THE LATIN VOCABULARY IN THE PROCESS OF THE FRENCH LANGUAGE UNIVERSITY TEACHING

N.Y. Pismennaya, O.V. Kotik

Kuban State University, Krasnodar

The article deals with the experience of adaptation of Latin vocabulary in the process of teaching French, provides examples that allow students to better understand many features of French vocabulary. Adaptation of Latin words in the process of learning the French language will improve students' better understanding of its features.

Index Terms: adaptation, the Latin word assimilation, suppletive forms, vulgar Latin.

Об авторах:

Котик Ольга Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета; e-mail: olgakotik@mail.ru;

Письменная Нина Яковлевна – ст. преподаватель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: lab345@kubsu.ru

УДК 811.133.1: 81'42

РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ КАК РЕГУЛЯТОР ПОВЕДЕНИЯ АДРЕСАТА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

С.А. Погодаева

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются используемые во французском туристическом дискурсе средства речевого воздействия, способствующие убеждению потенциального туриста: информирование, оценивание информации, побуждение, аргументативный способ организации текста.

Ключевые слова: туристический дискурс, речевое воздействие, аргументативный способ организации текста.

В современной лингвистике существует отчетливая тенденция смещения центра исследовательских интересов на проблемы речевого воздействия. Такие активно развивающиеся научные дисциплины, как теория речевых актов, теория речевой деятельности (психолингвистика), неориторика (теория аргументации), лингвоаргументология [9] существенно расширили представление о человеческой речи, которая традиционно рассматривалась как процесс передачи информации. Таким образом, передача речевых сообщений не является конечной целью общения, а есть только средство для достижения других целей, конечной из которых является цель управления деятельностью собеседника [7].

В туристическом дискурсе (далее ТД) речевое воздействие может быть рассмотрено как многоступенчатый процесс, имеющий своей целью несколько задач.

Информация рассматривается как глобальное средство воздействия на восприятие, мышление, поведение людей [4]. Как следствие, одной из задач речевого воздействия может быть только информирование об объектах туризма (музеях, гостиницах, турцентрах).

Речевое воздействие может иметь своей второй задачей сообщение новой информации об уже известных адресату объектах туризма (предоставление новых услуг, экскурсий, культурно-развлекательных программ). В данном случае знания адресата ТД систематизируются, перестраиваются, достигается понимание и осмысление известных вещей.

В-третьих, убеждая адресата ТД, адресант может не сообщать новой информации, но осмысливать действительность, демонстрировать отношение к этой действительности с позиции потребностей и мотивов адресата. Рассмотрим пример:

(1) *Les vacances sont par définition le moment où l'on a enfin le temps de s'occuper de soi. Ecouter son corps et répondre à ses envies, c'est maintenant ou jamais! (Chamonix: 71). 'Каникулы, по определению, являются периодом, когда, наконец, есть время заняться собой. Прислушаться к своему телу и ответить его желаниям, сейчас или никогда!'*

В примере (1) адресант ТД, приглашая посетить хорошо оснащенные оборудованием спортивные залы курорта Шамони, напоминает в форме сентенции адресату, что во время отпуска надо обязательно подумать о своем здоровье. Чтобы быть еще более убедительным, адресант заканчивает свое обращение восклицательным высказыванием со значением побудительности к безотлагательным действиям *maintenant ou jamais!*. Обращение к побудительности не находим случайным, поскольку волеизъявление является «ядерной» группой речевых воздействий [8, с. 37].

Убеждение адресата ТД может осуществляться также путем соотношения новых знаний с его системой потребностей и мотивов. Так, довольно часто, предоставляя новую, увлекательную информацию, используя при этом оценки – «принуждающие» средства аргументации [5, с. 3], автор сообщения побуждает потенциального туриста совершить поездку, к примеру, посетить описываемый объект туризма, показывая при этом, что адресат сможет таким образом удовлетворить свою познавательную потребность.

Вышесказанное позволяет согласиться с утверждением, что действие через речь реализуется в воздействии [1]. Речевое воздействие в ТД заключается в том, что в данном случае речь имеет направленность на достижение неречевых целей, и данная направленность может быть понята как регуляция поведения адресата ТД. Таким образом, речевое воздействие на адресата может осуществляться посредством информирования, побуждения и оценивания.

Одним из видов вербального воздействия является аргументация, которая имеет следующую особенность: она не воздействует прямо на адресата (как, например, в случае, если бы ему приказали), но через саму организацию дискурса [10]. В связи с этим распространен взгляд на аргументацию как определенный способ организации текста – рассуждение, или аргументатив.

Рассматривая аргументацию как определенный способ организации текста, специалисты рекомендуют располагать аргументы по схеме III-Y-I-IV-II, где «единице» соответствует самый сильный довод, факт, а «пятерке» – самый слабый [6, с. 210]. Наличие аргументативной цепочки I-IV-I-III-II, состоящей из четырех аргументов, усматриваем в следующем сообщении, в котором нами предварительно пронумерованы аргументы от сильных к слабым, то есть по степени убывания:

(2) (I) *Sur 55 hectares – (IV) dont 35 hectares de plein air – (I) le parc de la Villette est le plus grand espace vert de Paris, (III) un prototype de parc urbain du XXI-e siècle. (II) A la lisière de la ville et de la banlieue, il mêle nature et architecture, aires et espaces de loisirs, lieux d'exposition, de spectacles (Villette: 19). '(I) Раскинувшийся на 55 гектарах, (IV) 35 из которых отведены открытым пространствам, (I) парк Ла-Виллет является самой большой парковой зоной Парижа, (III) прототипом городского парка XXI века. (II) Расположенный на границе между городом и пригородом, он совмещает в себе природные и архитектурные ландшафты, пространства для отдыха и игр, места для экспозиций, спектаклей'.*

В примере (2) слабые аргументы расположены в середине цепочки доводов, а сильные – по краям. Есть все основания утверждать, что в данном примере принимается во внимание «принцип края»: самая важная информация сообщается в начале и конце обращения.

При аргументативном способе организации текста, определяемого как «аргументативная структура» и понимаемого как «совокупность отношений функциональной смысловой зависимости между ее элементами (тезисом, аргументами первого и второго порядка)» [3, с. 19–20], как правило, используются разного рода коннекторы: логические конклюдзивные *c'est pourquoi, donc, alors, il en résulte, néanmoins, pourtant*, модальные слова *certes, bien sûr*, присоединительные (*et, ou*), иллюстративные (*en fait, notamment*), сравнительные (*comme*) и другие. Коннекторы рассматриваются как грамматические морфемы, имеющие прагматическую функцию и несущие через нее предписания для интерпретации высказывания [11].

В функционально-смысловых типах речи, аргументирующих содержание, также используются условно-временные, уступительные и причинно-следственные связи, отношения противопоставления и сопоставления [2]. Так, в тексте туристической брошюры *Tours* отмечаем использование таких коннекторов, как:

- противительный *mais* 'но';
- конклюдзивные *enfin, ainsi* 'наконец, таким образом';
- временные *plus tard, après* 'позже, затем';
- присоединительный *et* 'и';
- сопоставительные *par ailleurs* 'с другой стороны, сверх того'; *en outre* 'кроме этого';

- иллюстративный *en effet* 'в самом деле'.

Анализ эмпирического материала в целом показал, что наиболее распространенным в ТД является присоединительный коннектор *et* 'и' (см. пример (2)). Он имеет добавочное значение и широко используется при представлении разнообразных, как сильных, так и слабых аргументов, способствующих всестороннему рассмотрению проблемы.

Итак, туристический дискурс является персуазивным: в процессе рассматриваемой нами коммуникации осуществляется попытка речевого воздействия на адресата (потенциального туриста) с целью добиться от него принятия решения о необходимости, желательности, возможности отправиться в путешествие / посетить тот или иной объект туризма. В частности, регуляция поведения адресата осуществляется через информирование, побуждение и оценивание информации, аргументативный способ организации текста.

Список литературы

1. Безменова Н.А. Проблемы эффективности речи в перспективе неориторики // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 152–160.
2. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2004. 280 с.
3. Гавришина И.Н. Функционально-коммуникативная специфика речевой аргументации (на материале текстов выступлений во французском парламенте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. 25 с.
4. Лебедев-Любимов А.Н. Психология рекламы. СПб.: Питер, 2003. 368 с.
5. Мельник Г.С. Психологические эффекты СМИ // Реклама: внушение и манипуляция. Медиа-ориентированный подход. Самара: Издательский дом «БАХРАМ-М», 2001. С. 3–42.
6. Сергеечева В. Как говорить убедительно (стратегия и тактика общения). СПб.: Питер, 2002. 224 с.
7. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. С. 5–31.
8. Тарасова Е.А. Приказ как прагматический тип директивных речевых актов // Антропологическая лингвистика-2: Вестник

ИГЛУ. Сер. Антропологическая лингвистика. Иркутск: ИГЛУ, 2006. С. 36–46.

9. *Фанян Н.Ю., Васильев Л.Г.* Лингвистическая аргументация как новая дисциплина (теоретико-практический аспект) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. Т. 27. Вып. 5. Удмуртск. гос. ун-т, 2017. С. 779–783.

10. *Mainqueneau D.* L'analyse du Discours. Paris: Hachette, 1991. 268 p.

11. *Salvan G.* Argumentation et séduction. Etudes de quelques connecteurs argumentatifs dans un dialogue de Crébillon fils // L'information grammaticale. № 68. Janvier 1996. P. 25–29.

Источники

Chamonix – Chamonix mag. Chamonix. 2006. 96 p.

Tours – Tours. Capitale des châteaux de la Loire. Tours. 2002. 45 p.

Villette – La Villette. Paris. 2006. 24 p.

SPEECH INFLUENCE AS A REGULATOR OF THE ADDRESSEE'S BEHAVIOR IN THE FRENCH TOURISM DISCOURSE

S.A. Pogodaeva

Kuban State University, Krasnodar

The article deals with the means of speech influence used in the French tourism discourse, which contribute to the persuasion of a potential tourist: informing, evaluating information, motivating, an argumentative way of text organizing.

Index Terms: tourism discourse, speech influence, argumentative way of text organization.

Об авторе:

Погодаева Светлана Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sapogodaeva@mail.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЦИЗМОВ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

В.Б. Поповская

*Кубанский государственный технологический университет,
Краснодар*

В статье рассматриваются когнитивно-прагматические аспекты англицизмов в рекламном дискурсе, обладающие влиянием в любой сфере жизнедеятельности человека, в особенности на подростков, когда реклама превращается в способ психологического воздействия на потребителя.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, дискурс, прагматика, когнитивизм, рекламный дискурс, заимствование.

Когнитивно-прагматические исследования англицизмов в рекламном дискурсе обусловлены следующими важными причинами: рассмотрением рекламного дискурса как объекта социолингвистики и прагматики языка, а также как сферы особого интереса для ученых в области филологии, философии, психологии и социологии; результативностью исследования дискурса для теории когнитивной лингвистики; необходимостью исследования англицизмов в русскоязычном рекламном дискурсе; использованием когнитивного подхода в изучении рекламного дискурса, связанного с использованием языка для передачи и обработки информации современной российской молодежи [11].

Область исследования нашей работы охватывает проблемы коммуникации в аспекте влияния английского языка в рекламе на подростков.

Благодаря развитию в XX в. средств массовой коммуникации, влияние информации и рекламы на массового среднего человека резко возросло, а наиболее уязвимыми адресатами стали подростки. В связи со сложностью и многомерностью процессов коммуникации, достаточно проблематично дать однозначное определение массовой коммуникации.

С научной точки зрения, коммуникация – это процесс кодирования и передачи информации от источника к реципиенту. Массовую коммуникацию можно понимать как определенного рода совместную деятельность участников этого процесса, в ходе которого вырабатывается общий взгляд на вещи, т.е. происходит формирование общественного мнения. Массовая коммуникация – это новая, особая среда формирования, распространения и функционирования различных образцов восприятия, мышления и поведения, которые усваиваются большинством людей [12].

В социологии массовая коммуникация понимается как «социально обусловленное явление, основной функцией которого является воздействие на аудиторию через содержание передаваемой информации» [3].

Оценка роли средств массовой информации и коммуникации в жизни общества является предметом дискуссий в области гуманитарной мысли. Существует точка зрения, согласно которой массовая коммуникация представляет собой новый способ общения индивидов в пределах большого города, страны или мира в целом, когда они вырваны из привычных условий взаимодействия и действуют независимо от социальных ролей, определяемых их положением в социальных группах и обществе в целом. В такой ситуации именно надличностная коммуникация соединяет этих людей, образуя из них некоторую общность. В этом случае СМИ являются сильнейшим суггестивным механизмом, активно воздействующим на воображение, эмоции, поведение человека посредством отдаленных тематических, образных, звуковых ассоциаций [6; 9; 10].

Наиболее часто используемым способом влияния СМИ на людей является реклама. Реклама – это аргументированная в пользу принятия решения информация, которая ориентирована на потенциального покупателя и распространяется по публичным каналам и источникам. В отличие от чистой информации реклама использует средства убеждения, цель ее – обеспечение предпочтения в условиях конкуренции. От обычного информационного сообщения реклама отличается заинтересованностью в конечном результате. Это не просто изучение информации, а ее изучение с определенной, вполне конкретной целью – усилить интерес и внимание к предлагаемым товарам и услугам. Реклама фактически имеет одно направление – от рекламодателя к объекту воздействия. Обратная связь существует только в виде конечного

поведения потенциального покупателя. Реклама выступает также как способ коммуникации между людьми [5; 8].

С целью подробного изучения феномена влияния рекламы, обратимся к психологии рекламы, которая исследует механизм ее воздействия на мозг человека, а также особенности восприятия людьми отдельных выразительных средств – текста, изображения, цвета, графического оформления и т. д.

В связи с современными тенденциями рекламы, наиболее популярным способом привлечения внимания людей является использование англицизмов, оказывающих влияние на подростков [13].

Чем являются англицизмы: неотъемлемой частью развития языка или его «вредителями»? Обратимся к толковому словарю: «Англицизмы – слово или оборот речи в каком-нибудь языке, заимствованные из английского языка или созданные по образцу английского слова или выражения. Заимствование – неотъемлемое составляющее в развитии языка, один из основных источников пополнения лексического состава. Заимствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми коллективами» [7, с. 11].

Согласно М.А. Брейтеру, данное явление можно объяснить следующими причинами: «потребностью в наименовании новых предметов, понятий, явлений (например: менеджер, браузер, ноутбук); отсутствием соответствующего понятия (такие слова, как: спидометр, интервью, вокзал, кроссворд, трамвай, гольф, чемпион, тренажер, сленг, пикник – не имеют эквивалентов в русском языке, поэтому прочно вошли в обиход); отсутствием соответствующего (более точного) наименования (или его «проигрыш» в конкуренции с заимствованием) (например, слово «бестселлер» заменило синонимичные выражения «популярная книга», «продаваемый лучше всех»); обеспечением стилистического эффекта (например, для придания выразительности вместо слова «превосходно» говорят «супер»))» [цит. по: 1].

Последнее слово чаще всего используется в молодежном сленге, так как именно эта социальная группа стремится выделиться, отличаться от остальных, а также больше всех подвержена изменениям. Другой причиной частого употребления англицизмов служит стремление молодежи приобщиться к американской культуре, стилю жизни из-за уже устоявшегося стереотипа идеализированного американского общества с высоким уровнем

жизни, с так называемыми демократическими ценностями. Иностранные слова в речи молодых могут играть роль своеобразных цитат: термин, принадлежащий какой-либо специальной сфере, может цитироваться, сознательно обыгрываться, искажаться. Такие слова образуются путем прибавления, отнимания, перемещения звуков, составных частей [1].

Сегодня молодые люди произносят очень часто английские слова на русский манер:

– «пати» (от “party” – вечеринка)

«Хотелось бы организовать совместное новогоднее пати?»

– «респект» (от “respect” – уважение)

«И Вам мой респект и восхищение!»

– «батл» (от “battle” – бой, битва)

«В Краснодаре состоялся батл молодых поэтов».

– «хеппи энд» (от “happy end” – счастливый конец)

«Во всех сказках практически должен быть хеппи-энд. Иначе было бы скучно».

– «хайп» (от “hype” – ажиотаж)

«В данной ситуации ей нужно словить немножко хайпа» [14].

Любые события и явления, социально-политические и экономические изменения, процессы отражаются в средствах массовой информации. Газеты, журналы, альманахи, телевидение, радио, Интернет изобилуют огромным количеством информации. Поэтому и не удивительно, что СМИ играют огромную роль в развитии языка. Очень многие слова и выражения прочно входят в наш лексикон, особенно часто использует его молодое поколение – подростки. Однако чрезмерный приток иноязычной лексики в русский язык, и особенно в тексты СМИ ставит вопрос о целесообразности иноязычных заимствований. Особенно если заимствование иноязычных слов сопровождается искажением их значения [4].

Реклама это сложный и своеобразный вид коммуникации, строящийся и развивающийся по законам и правилам средств массовой коммуникации. Рекламный дискурс обладает специфическим языком, управляя поведением человека, предлагая тот образ мыслей и тот стиль жизни, которые ценятся в настоящее время и являются отражением развития культуры. Многие ученые проводили анализ лексических единиц англоязычного социума, который позволил выявить, что в рекламном дискурсе англоязычное заимствование представляет собой одно из четырех наи-

более частотных понятий: предмет, услугу, качество, процедуру, т.е. то, что рекламируется и является доминантой в тексте [2]. В современной рекламе англицизмы служат для экономии языковых средств и точности выражения, выступают в качестве различных стилистических средств, являются модными словами, придают рекламному тексту местный колорит, а также поставляют в русский язык синонимы, придавая рекламному тексту семантическую вариативность. Основная функция рекламы заключается в привлечении внимания людей к товару или услуге, поэтому использование в ней англицизмов является неотъемлемой частью успеха, как любой компании, так и в изучении английского языка [1; 2; 12].

После анализа теоретической литературы мы провели анкетирование с целью выявить степени влияния английского языка на молодежь. Целевой аудиторией явилась молодежь в возрасте 17-19 лет (200 студентов Кубанского государственного технологического университета). В составлении вопросов мы опирались главным образом на личное мнение последних тенденций в рекламе и на саму рекламу в целом, которая является неотъемлемой частью жизни современной молодежи.

Данные опроса в процентном соотношении изложены в следующей таблице:

Суть вопроса	Да (%)	Нет (%)	Затрудняюсь ответить (%)
1. Обращаете ли Вы внимание на рекламу?	80	20	0
2. Обращаете ли Вы внимание на смысл рекламы?	60	10	30
3. Имеет ли для Вас значение использование английского языка в рекламе?	80	15	5
4. Смущает ли Вас использование песен на английском языке в рекламе с русским текстом?	5	90	5
5. Является ли реклама на английском языке мотивацией для Вас заняться изучением английского языка?	30	50	20
6. Если Вы решите заняться изучением английского языка, станете ли Вы обращать внимание на рекламу?	90	5	5

На последний вопрос: как Вы относитесь к словам-заимствованиям из английского языка – 99% ответили положительно, 0,6% отрицательно, лишь 0,4% затруднились ответить.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что большинство молодежи обращает внимание на рекламу, то есть реклама является мощным средством передачи информации и коммуникации. Вместе с тем не все из опрошенных студентов обращают внимание на суть рекламы и пытаются понять ее истинный смысл. И практически больше половины людей считают наличие английского текста или слов в рекламе не столь важным. Песни на английском языке также не несут смысловой нагрузки для опрошенных, к словам-заимствованиям они относятся положительно или нейтрально, называя их безвредными словами-англицизмами. При этом молодые люди находят в них положительную сторону, связанную с возможностью расширения области владения английским языком в России. К тому же, многие пожелали изучать английский язык после просмотра той или иной рекламы с использованием английского языка. В итоге, обратиться к рекламе в поисках источников для изучения английского языка изъявило желание большинство опрошенных.

Проведенный опрос можно считать удачным, так как наши предположения полностью подтвердились относительно влияния рекламы английского текста на молодежь: заимствования вошли в жизнь молодых людей, и они пользуются ими повсеместно. Молодежь старается сформировать свой собственный мир, используя также свой язык, сленг. Перерабатывая огромное количество информации, посредством сети Интернет, молодые люди понимают необходимость в привлечении в свою речь англицизмов, неологизмов, что отражено в нашем опросе. Англоязычные слова помогают им в самовыражении, раскрытии своего потенциала. Молодежь использует новые слова, англицизмы, находясь на просторах сети Интернет (сайт, хакер, чат, файл), изучая экономику, маркетинг, бизнес (бизнесмен, офис, менеджер, промоутер, прайс-лист, дистрибьютор), увлекаясь техникой (гаджет, ксерокс, девайс, ноутбук, смартфон), узнавая что-то новое из средств массовой информации и многое другое. Реклама сегодня это не просто красивая картинка, ролик, а особый вид передачи информации, коммуникации, помогающая развиваться и развивать [14].

Заимствования являются важнейшими элементами представления базовой информации рекламного текста и квалифицируются как законченные в информационно-смысловом, когнитивно-коммуникативном и структурно-композиционном аспектах рекламного дискурса русского языка. Англоязычные заимствования в текстах русской рекламы характеризуются несколькими, тесно взаимосвязанными аспектами квалификации: семантическим, основными компонентами которого являются понятийная (вербальная номинация рекламируемого предмета) и информационная сущности (номинация базовых составляющих рекламируемого: когнитивная, коннотационная составляющие); прагматическим, позволяющим представить рекламу как источник информации, как презентацию оценки и как способ привлечения внимания [5, с. 12].

Список литературы

1. *Авдеева С.С., Сурженко О.Ю.* Влияние английских заимствований на лексику русского языка // Юный ученый. 2015. № 1. С. 146–147.
2. *Велим Е.С.* Языковые особенности в структуре современного молодежного масс-медийного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2015. 174 с.
3. Влияние СМИ и рекламы на модное поведение студенчества. (Электронный ресурс) // URL: http://geolike.ru/page/gl_7782.htm (Дата обращения: 15.03.2018).
4. *Гавра Д.* Основы теории коммуникации: Учеб. пособие. Стандарт третьего поколения. СПб: Питер, 2011. 288 с.
5. *Дедюхина А.Г.* Англоязычные заимствования в российской рекламе: дис. ...канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2011. 169 с.
6. *Лебедев-Любимов А.Н.* Психология рекламы. СПб.: Изд-во «Питер», 2007. 267 с.
7. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: АЗЪ, 1949–1992. 944 с.
8. *Поповская В.Б.* Гендерный стереотип: особенности формирования и функционирования в языке и речи: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2007. 214 с.

9. *Ромат Е.В.* Реклама. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. 544 с.
10. *Синицын А.В.* Когнитивно-прагматический статус англицизмов в рекламном дискурсе современного французского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: гуманитарные науки. Изд-во: Московский государственный лингвистический университет. Сборник научных трудов. Выпуск № 620. Москва, 2011. С. 108–118.
11. *Толстикова Л.В.* Когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты функционирования русизмов в англоязычном и англицизмов в русскоязычном газетных дискурсах: дис. ...канд. филол. наук. Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, 2012. 178 с.
12. *Фёдорова И.В.* Массовая коммуникация как процесс общения // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2009. № 3. С. 83–87.
13. *Шидо К.В.* Рекламный слоган как особый жанр английских рекламных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2002. 242 с.
14. *Шипанов А.Д., Черных Э.Е.* Исследовательская работа по учебной дисциплине: английский язык. (Электронный ресурс) // URL: <https://infourok.ru/issledovatelskaya-rabota-po-angliyskomu-yaziku-vliyanie-globalizacii-angliyskogo-yazika-na-russkiy-yazik-2472256.html>. (Дата обращения: 17.02. 2018).

COGNITIVE AND PRAGMATIC PECULIARITIES OF ANGLICISMS IN THE ADVERTISING DISCOURSE

V.B. Popovskaya

Kuban State Technological University, Krasnodar

The article deals with cognitive and pragmatic aspects of anglicisms in advertising discourse, which have an impact not only on any sphere of human activity, but especially on adolescents, where advertising is transformed into a way of psychological impact on the consumer.

Index Terms: mass media, discourse, pragmatics, cognitive, advertising discourse, borrowing.

Об авторе:

Поповская Виктория Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 Кубанского государственного технологического университета; e-mail: vbporovskaya@mail.ru

УДК 811.124

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ УСТНОГО ЛАТИНСКОГО ДИСКУРСА

К.И. Сараева

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье поднимается вопрос об актуальном статусе латинского языка и правомерности причисления его к мертвым языкам с позиции значимости его для культуры. Дается обзор современных источников и ресурсов на латинском языке. Рассматривается одна из ключевых проблем при использовании устного латинского дискурса в рамках различных традиций.

Ключевые слова: мёртвые языки, языковая среда, латинский язык, классическая латынь, экклезиастическая латынь, фонетические нормы, устный дискурс.

При изучении латинского языка неминуемо встаёт вопрос о практической пользе таких знаний. Можно ли в действительности говорить об изучении устного латинского дискурса? Или он остаётся доступным для изучения частично (например, латинизмы в английской прессе, или латинские афоризмы в рекламе, или латинский язык в проповедях католической церкви). Ведь с «живыми языками» не возникает подобных трудностей. С другой стороны, присутствие латыни достаточно велико в разных сферах, чтобы совсем отказаться от её изучения. И если живые языки можно вы-

учить «погружением в среду» (отставим в сторону вопрос о качестве таких знаний), то, как быть с «мёртвым языком»?

Сначала необходимо определить, что же такое «мёртвый язык». С позиции значимости языка для культуры современного мира можно выделить четыре группы мёртвых языков. Первая группа включает в себя языки, успешно функционирующие в письменном виде, которые изучаются в учебных заведениях, но ни для кого не являются родными языками (латинский, церковнославянский, санскрит). Ко второй группе относятся языки, на которых не создаются новые тексты, но имеются памятники культуры и литературы. Количество специалистов, владеющих такими языками невелико (шумерский, готский, хеттский и др.). К третьей группе принадлежат языки, лексика и грамматика которых не могут быть описаны комплексно в связи с тем, что сохранившиеся памятники немногочисленны и неинформативны. Возможна лишь расшифровка некоторых отдельных слов и надписей (полабский, прусский, словинский и др.). К последней, четвёртой группе относятся языки, от которых сохранились лишь их следы в других языках, ученые просто предполагают, что они существовали (например, прототигридский язык) [1].

Исходя из вышеизложенной классификации, латинский вполне успешно функционирует, и, на наш взгляд, даже более успешно, чем другие языки, представленные в его группе. Так, например, найти во всемирной паутине Интернет тексты или даже аудиозаписи на латинском языке не составляет никакого труда.

Однако, это по-прежнему письменные источники, либо аудиотексты (песни, стихи). Применяет ли кто-нибудь в реальности знания разговорного латинского языка в современном мире?

Не так давно одной журналистке потребовался для работы её опыт использования латинского разговорного языка. В феврале 2013 года Папа Бенедикт XVI отрёкся от престола в связи с проблемами со здоровьем. И сделал это, соответственно, на латыни – официальном языке всех официальных документов Святого Престола. Пока все журналисты спокойно ждали официальный перевод на итальянский язык, Джованна Кирри, корреспондент итальянского агентства «АНСА», раньше всех опубликовала это сообщение, чем, во-первых, повысила престижность в качест-

ве журналиста, во-вторых, подняла новую волну интереса к латинскому языку [10].

Если не принимать в расчёт Ватикан, то где же можно в действительности погрузиться в «латинскую языковую среду»?

По словам председателя Фонда исчезающих языков Никола-са Остлера, в Интернете латинский язык представлен в той же мере, как и какой-нибудь другой немногочисленный европейский язык. Например, исландский, литовский или словенский [6]. Филологи-энтузиасты поддерживают такие сайты как “Circulus Latinus Interretialis” («Латинский Интернет-кружок»), “Grex Latine Loquentium” («Сообщество говорящих на латыни») и выпускают он-лайн газету “Ephemeris”. Что касается устного разговорного латинского языка, то можно обнаружить финскую радиостанцию YLE1, вещающую на латыни некоторые мировые новости, “Nuntii Latini” [6].

Русскоязычный Интернет также предлагает пользователям полезные ссылки для изучения и применения знаний латинского языка. Например, порталы, посвященные изучению языка, переводам текстов, современным произведениям на языке “Lingua Latina Aeterna” и “Lingua Latina”. Разумеется, для практики чтения и понимания текстов на разные темы можно воспользоваться также Википедией на латинском языке (Vicipaedia encyclopaedia libera).

Убедившись, что латинский язык на данном этапе своего развития является «живейшим из всех мёртвых языков», обратимся к главным моментам, которые становятся камнем преткновения и предметами споров филологов-исследователей и других любителей латыни.

Как и любой язык, латинский обладает фонетикой, лексикой и грамматикой. Именно с фонетики начинается первый раскол. И в зависимости от избранной нормы произношения, изучающему и практикующему латинский язык требуется существенно подстраиваться, чтобы понять информацию на слух. Равно, как и быть понятым.

Основной раскол в норме произношения обусловлен существованием двух её вариантов – классического (восстановленное, около III в н.э.) и еkkлезиастического (Римское/Итальянское). Первую норму предполагается использовать при чтении классиков, вторую – внутри Римской католической церкви, при чтении пропо-

ведей, пении хоралов, а также при чтении научной и технической номенклатуры, зоологических и ботанических таксономий, и трудов на Современном латинском языке (появившихся с конца XIV в до наших дней) [7].

Следует отметить, что, несмотря на всего две нормы *de jure*, их *de facto* получается больше: при преподавании латинского на каждом языке фонетика вполне естественно приобретает характерные черты родного языка преподавателя и студентов. Это и затрудняет устное общение на латинском языке: несмотря на одни и те же изучаемые источники и тексты, способ их прочтения существенно различается. Мы сравним в нашей статье правила произношения в классической, экклезиастической и русской традиции изучения латинского языка.

Основные различия наблюдаются в следующих моментах.

1. Долгие и краткие гласные.

В классическом варианте латинского языка долгие гласные А, Е, I, О, U произносились дольше, чем аналогичные их краткие варианты. В экклезиастическом варианте латыни долгота и краткость не столько влияет на долготу произношения, сколько на количество слога – то есть на постановку ударения. В российской традиции мы придерживаемся таких же норм произношения.

Следует также отметить, что буквы U и I могут являться полугласными. Общее правило гласит, что если они предшествуют гласной, то читаются как [w] ([v]) и [j] соответственно. При этом в современной латыни принято для звука [j] использовать букву J. В российской традиции изучения латинского языка эти правила, особенно касательно букв I/J довольно размыты и функционируют часто оба варианта написания слов [2; 3; 4].

Буква Y в классической латыни произносилась как [y], в экклезиастическом и российском вариантах – [i] [2; 8; 9].

2. Дифтонги

OU, AI, EI, AU, EU – не наблюдается никакой разницы в их произношении ни в каком из подходов. Но следует отметить, что в российских учебниках как дифтонги собственно выделяются лишь AU и EY.

UI – в экклезиастическом подходе [wi]; в классическом [ui]; в русской традиции это буквосочетание обычно не считается дифтонгом.

АЕ – [ai] в классическом, [e:] – в экклезиастической и русской традициях.

ОЕ – [oi] в классическом, [oe:] – в экклезиастической и русской традициях.

Последние два [ae] и [oe] также называются в русской традиции диграфами, так как фактически передают один звук [2; 3; 4].

3. Согласные и буквосочетания

Самую большую сложность в восприятии на слух представляют, на наш взгляд, варианты произношения некоторых согласных и буквосочетаний.

Буквы М, N, Т, Р, В, D, F, Q, X не вызывают в принципе никаких разногласий в правилах их чтения между различными методами.

Z – [dz] и в классическом и в экклезиастическом вариантах. В российской традиции произносится [z].

S – [s] – в классической латыни. В экклезиастическом варианте и в российской традиции буква S читается как [z], если находится между гласными.

V – [w] – в классической латыни. В экклезиастическом варианте и в российской традиции – [v].

H – [h] произносится в классической латыни. В экклезиастическом варианте эта согласная становится произносимой, по аналогии с современными романскими языками (французским, испанским, итальянским). В русской традиции часто встречается рекомендация произносить эту букву как «немецкую [h] с придыханием».

C – во всех положениях произносится [k] в классической латыни. В экклезиастической латыни перед буквами E, I, Y, AE, OE читается как [tʃ]. В российской традиции в таких же положениях читается как [ts].

G – в классической латыни и в русской традиции изучения латинского языка всегда произносится [g]. В экклезиастической латыни в положении перед буквами E, I, Y, AE, OE читается как [dʒ].

CH, PH, RH, TH. В классической латыни буква H сообщала означала, что звуки следует произносить с придыханием, как глухие взрывные согласные [5]. В экклезиастической традиции это звуки [k], [f], [r], и [k] соответственно [8; 9]. В российской

традиции буквосочетание СН читается как [h] (без придыхания) [2; 3; 4].

GN – даёт отдельный звук только в экклезиастической латыни – [ɲ].

ХС – аналогично, существует только в экклезиастической латыни – [kʃ].

ТІ – в экклезиастической и российской традициях произносится как [tsi], если находится перед гласной, кроме случаев, когда этому буквосочетанию предшествует Х, S, Т.

В результате, как видим из правил и норм произношения, некоторые из них могут затруднить очень сильно понимание при устном общении. Необходимо знать все три варианта произношения, чтобы узнать в [kikero], [tʃitʃero] и [tsitsero] Цицерона, а в [kesar], [tʃezar] и [tsezar] Цезаря.

Список литературы

1. Мусорин А.Ю. О содержании понятия «мёртвые языки» // Язык и культура. Новосибирск, 2003. С. 3-6 (Электронный ресурс) // URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/musorin-03.htm> (Дата обращения: 05.02.2018).

2. Подосинов А.В., Щавелева Н.И. *Lingua latina* // Введение в латинский язык и античную культуру: Учеб. пособие для гимназий, лицеев и шк. с гуманитар. профилем. М.: Прогресс, 1993. 193 с.

3. Учебник латинского языка: Для высш. духов. учеб. заведений / Н.И. Колотовкин; Учеб. ком. при Свящ. Синоде Рус. Православ. Церкви. М.: Греко-лат. каб. Ю.А. Шичалина, 2002. 399 с.

4. Ярхо В.Н. и др. Латинский язык // Учеб. для пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.» В.Н. Ярхо, З.А. Покровская, Н.Л. Кацман и др. / Под ред. В.Н. Ярхо, Б.И. Лободы. 5-е изд., стер. М.: Высшая школа, 1998. 384 с.

5. Allen W. Sidney. *Vox Latina: a guide to the pronunciation of classical Latin* / by W. Sidney Allen. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 133 p.

6. Banerji Robin. Pope resignation: Who speaks Latin these days? // BBC News Magazine (Электронный ресурс) // URL: <http://www.bbc.com/news/magazine-21412604> (Дата обращения: 07.02.2018).

7. *Cui Ray*. PHONETICA LATINÆ – How to pronounce Latin. (Электронный ресурс) // URL: <https://la.raycui.com/index.html> (Дата обращения: 07.02.2018).

8. Orbis Latinus. The Pronunciation of Classical Latin URL: // <http://www.orbilat.com/Languages/Latin/Grammar/Latin-Pronunciation-Syllable-Accent.html> (Дата обращения: 03.02.2018)

9. The Liber Usualis / Edited by The Benedictines Of Solesmes. Desclee Company. Printers to the Holy See and the Sacred Congregation of Rites. Tournai (Belgium) N.Y., 1961. pp. 35-39. (Электронный ресурс) // URL: <https://media.musicasacra.com/pdf/liberusualis.pdf> (Дата обращения: 07.02.2018).

10. *Zimmer Ben*. Besides the Pope who speaks Latin today? (Электронный ресурс) // URL: <https://www.bostonglobe.com/ideas/2013/02/24/besides-pope-who-speaks-latin-today/CGxdGtQB4TlXV49HaKJzBN/story.html> (Дата обращения: 03.02.2018).

Источники

Портал, посвященный изучению латинского языка “Lingua aetherna” – [Официальный сайт] – (Электронный ресурс) // URL: <http://linguaeterna.com/ru/> (Дата обращения: 01.02.2018).

Сайт по изучению латинского языка “Lingua Latina” – [Официальный сайт] – (Электронный ресурс) // URL: <http://www.lingualatina.ru/> (Дата обращения: 01.02.2018).

Свободная энциклопедия Википедия на латинском – [Официальный сайт] – (Электронный ресурс) // URL:

https://la.wikipedia.org/wiki/Vicipaedia:Pagina_prima (Дата обращения: 01.02.2018).

SOME PROBLEMS OF STUDYING ORAL LATIN DISCOURSE

K.I. Saraeva

Kuban State University, Krasnodar

The article examines the modern state of the Latin language as a means of international communication and the rightfulness of including it into the list of dead languages taking into regard its significance for the culture. The review of actual sources and platforms for Latin usage is given. The main problem in using oral Latin is revealed and fully described.

Index Terms: dead languages, linguistic environment, the Latin language, Classical Latin, Ecclesiastical Latin, phonetic standards, oral discourse.

Об авторе:

Сараева Кристина Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: sarakristina@yandex.ru

УДК 81'25:81'373

ВЫБОР ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ С УЧЕТОМ СИНТАГМАТИЧЕСКОГО ПЛАНА ТЕКСТА

Д.Ю. Сизонова

Кубанский государственный университет, Краснодар

Статья посвящена проблеме анализа и учета синтагматических связей между языковыми единицами текста в процессе перевода и соблюдения норм лексико-семантической сочетаемости при выборе переводческих соответствий. В статье обсуждаются понятия «синтагматические связи», «лексическая и семантическая сочетаемость». В качестве примеров приводятся фрагменты

английского научно-популярного текста “The World Without Us” (A. Weisman) и их переводы, выполненные автором статьи.

Ключевые слова: синтагматический план текста, лексическая сочетаемость, закон семантического согласования, переводческое соответствие, лексемы, семы, синтагматические связи.

Существует большое количество факторов, оказывающих влияние на процесс и результат перевода текста. К таковым можно отнести жанрово-стилистические, лексико-грамматические, синтаксические особенности исходного текста, которые необходимо учесть и по возможности сохранить в переводе; контекст, во многом определяющий выбор того или иного значения переводимых языковых единиц в случае полисемии, а так же сходства и различия в системах языка оригинала и языка перевода.

Кроме того, принятие того или иного переводческого решения в значительной степени обуславливают синтагматические отношения, наблюдаемые в исходном и переводном текстах. Синтагматическими называются связи, возникающие между последовательно расположенными единицами языка при их непосредственном сочетании друг с другом и одновременно реализуемые в тексте; совокупность таких связей составляет синтагматический план текста [4].

Влияние синтагматических связей на выбор переводческих соответствий связано, в первую очередь, с необходимостью соблюдения норм лексико-семантической сочетаемости языка перевода. Под сочетаемостью обычно понимается свойство языковых единиц соединяться в речи при образовании единиц более высокого уровня, отражающее существующие между ними *синтагматические* отношения [5].

Лексическая сочетаемость проявляется в избирательности лексем (то есть единиц лексического уровня языка, определяемых как совокупность всех форм и значений одного слова [1]) и представляет собой совокупность определяющих ее факторов [6]. Среди таких факторов, помимо собственно лексических особенностей, можно выделить грамматические свойства языковых единиц, предметно-смысловые связи между ними, а также узусальные, стилистические, коннотативные, фразеологические и некоторые другие [3].

Не менее важным фактором, оказывающим влияние на ход и результат перевода текста, является семантическая сочетаемость, которая определяется содержательной стороной слова и подразумевает его способность вступать в сочетания с целыми классами других слов [6]. По мнению ряда ученых, синтагматические отношения являются разновидностью семантических отношений между словами (при этом вопрос о разграничении сочетаемости на лексическую и семантическую является весьма спорным). Согласно закону семантического согласования, сформулированному В.Г. Гаком, корректность сочетания в речи нескольких слов предопределяется наличием в их значении хотя бы одной общей семы (минимальной, предельной, далее не членимой составной части лексического значения) [2].

Учитывая тот факт, что перевод, по сути, представляет собой непрерывный процесс выбора единиц языка перевода, позволяющих передать значения единиц языка оригинала (словарных/контекстуальных соответствий) и связывания их в единый целостный текст, проблема лексической и семантической (не)сочетаемости является одной из ключевых. Так, например, довольно часто возникают ситуации, в которых буквальный или дословный перевод единиц, сочетающихся в языке оригинала, невозможен в связи с тем, что в образующейся в результате такого перевода комбинации слов нарушаются нормы сочетаемости языка перевода.

Cf.:

“Eland – Africa’s biggest antelopes, seven feet tall and 1,500 pounds, their helix horns a yard long, their numbers dwindling – seek refuge at these freezing heights” (Weisman, p. 49). / «Кана – крупнейшие африканские антилопы (их численность уменьшается) высотой два метра и весом около 680 кг, со спиралевидными рогами с метр в длину – ищут убежища здесь, на головокружительной высоте.»

При дословном переводе данного английского предложения словосочетанию “at these freezing heights” соответствовало бы словосочетание «на этих замораживающих высотах» [7], нарушающее нормы лексической сочетаемости русского языка и затрудняющее общее восприятие смысла предложения, поэтому в качестве переводческого соответствия было выбрано устойчивое

выражение «на головокружительной высоте». Данное преобразование позволяет добиться благозвучности без сопутствующих существенных смысловых потерь. Аналогичным образом и по аналогичным причинам при переводе был сделан выбор в пользу соответствия «их численность уменьшается» вместо, например, «их числа уменьшаются» (“their numbers dwindling”) и «спиралевидные рога» вместо «винтовые рога» (“helix horns”).

Нарушение лексической и семантической сочетаемости считается речевой ошибкой кроме тех случаев, когда такое нарушение является задумкой автора и служит определенным стилистическим целям. Так, например, распространенной речевой ошибкой считается неумышленное, произвольное нарушение норм лексической сочетаемости, вызванное, контаминацией внешне похожих словосочетаний. Рассмотрим пример:

Cf.:

“*A dream, or congenital memory?*” (Weisman, p. 54) / «Сон? Или может быть врожденная память?»

При переводе словосочетания “congenital memory” в рамках данного риторического вопроса важно учесть следующее: несмотря на существование двух однокоренных схожих по смыслу словарных значений слова “congenital” («врожденный» и «прирожденный») [7], они по-разному выстраивают синтагматические связи с существительными. В частности слово «врожденная» сочетается со словом «память» (что в данном случае удовлетворяет и условиям контекста), но не может, к примеру, сочетаться со словом «актриса»; в то же время словосочетание «прирожденная актриса» не противоречит нормам лексической сочетаемости в отличие от словосочетания «прирожденная память». Последнее, таким образом, будет являться речевой ошибкой согласно нормам языка перевода и, соответственно, неприемлемым переводческим решением.

Из выше сказанного можно сделать вывод о том, что адекватный перевод невозможен без анализа синтагматических связей между языковыми единицами переводимого текста, а также учета и строгого соблюдения норм лексической и семантической сочетаемости при выборе переводческих соответствий и их комбинирования в процессе построения текста на языке перевода.

Список литературы

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская Энциклопедия, 1969. 608 с.
2. *Гак В.Г.* К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики – 1971. М.: Наука, 1972. С. 367–395.
3. *Дускаева Л.Р.* Современный русский язык. Учебник для вузов. Стандарт третьего поколения. СПб.: Издательский дом «Питер», 2013. 352 с.
4. *Кубрякова Е.С.* СИНТАГМАТИКА // Большая российская энциклопедия. Том 30. М.: Большая российская энциклопедия, 2015. С. 240–24.
5. Сочетаемость: Википедия, свободная энциклопедия. Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2013. (Электронный ресурс) // URL: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=60402188> (Дата обращения: 12.02.2018).
6. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 244 с.
7. Oxford Russian Dictionary. Russian-English, English-Russian. Oxford University Press, 2007. 1322 p.

Источники

Weisman A. The World Without Us. London: Virgin Books Ltd, 2008. 416 p.

THE CHOICE OF TRANSLATION EQUIVALENTS IN VIEW OF SYNTAGMATIC RELATIONS IN THE TEXT

D.Yu. Sizonova

Kuban State University, Krasnodar

The given article studies the necessity of analyzing and taking into account syntagmatic relations observed between lexical units within a text in the course of its translation, as well as the importance of following the rules of lexical compatibility and their role in the

process of choosing translation equivalents. The article considers such notions as “syntagmatic relations”, “lexical and semantic compatibility”. The examples are taken from Alan Weisman’s book “The World Without Us” and translated by the author of the article.

Index terms: syntagmatic relations, lexical compatibility, the law of semantic agreement, translation equivalent, lexemes, semes, syntagmatic bonds.

Об авторе:

Сизонова Дина Юрьевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: dinasizonova@gmail.com.

УДК 81:81’373:81’42

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

О.А. Фарапонова

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются особенности синтагматических отношений в лексике общественно-политического дискурса на примере книги американской писательницы Ann Coulter “Guilty. Liberal “Victims” and Their Assault on America”. Описывается влияние контекста на сочетаемость слов. Перевод отрывков выполнен автором.

Ключевые слова: дискурс, общественно-политический текст, синтагматические отношения, контекст, синтагма.

В современном мире наблюдаются различные изменения в экономической, политической и общественной жизни, расширение деятельности СМИ, и в результате этого изучение общественно-политической лексики приобретает определенную значимость. Лексика – наиболее чувствительный уровень языковой системы: чем активнее изменения в разнообразных сферах обще-

ственной жизни той или иной страны, тем активнее изменяется лексика на каждом этапе ее становления. Общественно-политические тексты обладают большой значимостью, так как они часто выступают как средство распространения политических и общественных идей, средство воздействия на общество и политику государства.

Общественно-политическая лексика является важной частью лексической системы языка, она охватывает довольно широкий круг слов, связанных с общественно-политическим строем и идеологией государства и общества. Это объясняет постоянное пристальное внимание ученых к общественно-политической лексике, начиная с первых послереволюционных лет. Сегодня, когда «расширяется круг ее пользователей, формируется новый политический язык», внимание к этому пласту лексики только усилилось [3, с. 5]. Однако следует заметить, что в разные периоды становления общественно-политическая лексика изучалась в разной степени объективности.

Лексика общественно-политических текстов неоднородна по своему составу и подразделяется на две основные категории: общеупотребительная, терминологическая (специальные термины). К общеупотребительным словам относятся названия предметов и явлений окружающей действительности, значения которых не вызывает у большинства носителей языка затруднений при понимании. К ним относятся высокочастотные глаголы (*to be, to do, to come, to take, to make, to get*) и служебные части речи (*after, in, between, by, during, throughout*). К общедоступной лексике общественно-политических текстов можно отнести также штампы, клише, афоризмы (пословицы, поговорки, крылатые слова, призывы, девизы, лозунги).

Cf.: *“Darwin may have been the classic scientific observer.”* (Coulter, p. 240) / «Вероятно, Дарвин был классическим научным обозревателем».

В приведенном примере слово “observer” является клише, так как в английском языке употребление этого слова в тексте публицистического стиля допустимо по отношению к людям, которые действительно наблюдают за чем-то.

Cf.: *“Suffice it to say that without this fundamental understanding of man's place in the world, we risk being lured into misguided*

pursuits, including bestiality, slavery, and PETA (People for the Ethical Treatment of Animals) membership.” (Coulter, p. 179) / «Достаточно сказать то, что без этого основополагающего понимания места человека в мире, мы рискуем быть вовлеченными в неподобающие занятия, такие как зоофилия, рабство и членство ПЕТА («Люди за этическое обращение с животными»))».

Идиома “Suffice it to say” является публицистическим штампом, так как сами журналисты, носители английского языка, часто говорят “if it suffices, then just say it” («если достаточно, то просто возьми и скажи»).

Специальные термины в общественно-политических текстах — это термины, обозначающие деятельность политических партий, государственных и общественных учреждений, проводимую ими политику и т.д. (“democracy”, “segregationist”, “racial discrimination” “Internal Revenue Service”, “vision”).

Каждая единица лексической системы входит одновременно в два вида отношений: синтагматические и парадигматические. Синтагматические отношения — это непосредственные отношения элементов в сегментной последовательности. Сочетание двух слов или словосочетаний, одно из которых каким-либо образом определяет другое (модифицирует или уточняет его значение и функцию), называется «синтагмой». Среди соединений знаменательных (т.е. обладающих лексической самостоятельностью) слов выделяют четыре основных типа синтагм: предикативную (сочетание подлежащего со сказуемым), объективную (сочетание глагола с дополнением), атрибутивную (сочетание существительного с определением), адвербиальную (сочетание глагола с обстоятельством, прилагательного или наречия со знаменательным модификатором) [1]. Указанным «знаменательным синтагмам» противостоят синтагматические сочетания, образованные соединением знаменательных слов со служебными. Для терминологического различения со знаменательными синтагмами такие сочетания называют «формативными синтагмами» [1].

При анализе английского предложения “*A New York police officer had died that very day of a rare lung disease he had allegedly acquired from working “16-hour shifts” at the World Trade Center after the 9/11 attacks*” (Coulter, p. 15) можно выделить следующие виды синтагм:

1) знаменательные синтагмы:

– предикативная: *police officer had died, he had acquired*;
– атрибутивная: *a New York police officer, very day, rare lung disease*;

– адвербиальная: *had allegedly acquired, had died that very day*;

– объективная: *had died of a rare lung disease*;

2) формативные синтагмы: *after the 9/11 attacks*.

Такие же виды синтагм можно обнаружить в русскоязычном варианте указанного английского предложения: «Офицер полиции Нью-Йорка умер в тот же день от редкого заболевания легких, которое он предположительно получил, работая “по 16 часов” во всемирном торговом центре после теракта 11 сентября».

1) знаменательные синтагмы:

– предикативная: *офицер полиции умер, он предположительно получил*;

– атрибутивная: *редкого заболевания, всемирном торговом центре*;

– адвербиальная: *умер в тот же день, предположительно получил*;

– объективная: *умер от заболевания*;

2) формативные синтагмы: *после теракта*.

Понятие сочетаемости тесно связано с понятием контекста, а также с нормой контекста, его типом и позицией слова в контексте, т.к. синтагматические отношения построены на позиционных, а не на оппозиционных (как парадигматика) отношениях. Контекст – это словесное окружение, или законченный в смысловом отношении отрезок текста, дающий возможность точно установить значение каждого входящего в него слова. В широком смысле контекст – это и условия употребления данной языковой единицы [5, с. 101]. Различают понятия «узкий контекст» (словосочетание) и «широкий контекст» (все, что больше словосочетания: фраза, предложение, текст). Существует еще и понятие сверхконтекста – это контекст целого произведения или даже эпохи [6, с. 74]. Следует иметь в виду, что слова в тексте или в речи соединяются не только с языковым контекстом, представленным непосредственно окружающими словами, но и с широким контекстом, который «может выступать в виде непосредственной языковой обстановки, в которой происходит речевой акт,

и в виде описания этой обстановки» [2, с. 25]. Иногда неполная реализация сочетаемости слова в его ближайшем контексте определяется тем, что широкий контекст помогает однозначно понять смысл слова. Большинство языковых единиц многозначно, но в контексте они, как правило, выступают в каком-то одном из потенциально возможных своих значений. Сопоставление потенциальных значений совместно употребленных языковых единиц позволяет определить то значение, в котором каждая из них используется в данном высказывании [4].

Cf.: *“In the midst of the Palin family’s formal complaints about state trooper and former Palin brother-in-law Mike Wooten for threatening her family and drinking on the job, the public safety commission asked the governor to sign the photo of a state trooper, in uniform, saluting the flag for the purpose of turning the photo into a poster.”* (Coulter, p. 20) / «Представители семьи Пэйлин жаловались на солдата и бывшего деверя Пэйлин, Майка Вутена, который угрожал их семье и пил на службе. Но тут представители комиссии государственной безопасности попросили губернатора подписать фотографию с солдатом в униформе, отдающего честь флагу, для того, чтобы они потом сделали из этого фото плакат».

В данном примере употреблено слово “brother-in-law”, которое в русском языке может переводиться как «зять» (муж сестры), «шурин» (брат жены), «свояк» (муж свояченицы), «деверь» (брат мужа). В американских онлайн газетах были опубликованы статьи, в которых рассказывалось о плохих отношениях Сары Пэйлин с братом ее бывшего мужа. Поэтому выбор подходящего по значению слова определялся по сверхконтексту и дополнительной информации о политике Саре Пэйлин. Основываясь на этой информации, было решено остановиться на варианте «деверь».

Лексические средства, используемые в текстах общественно-политической тематики, очень разнообразны и многогранны. Это связано с тем, что тексты данной тематики должны выполнять две основные функции (функция воздействия и коммуникативно-информационная функция). В публицистике нередко можно встретить придающие тексту образность средства художественной выразительности наряду с терминологией и общеприня-

той лексикой. Все это обуславливает огромное разнообразие представленных в таком тексте типов отношений между лексическими единицами и факторов, влияющих на их значения и сочетаемость.

Список литературы

1. *Блох М.Я.* Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2002. 160 с.
2. *Виноградов С.Н.* Лексико-семантическая парадигматика: Учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 1999. 76 с.
3. *Жданова Л.А.* Общественно-политическая лексика: структура и динамика: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 224 с.
4. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
5. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.
6. *Рублева О.Л.* Лексикология современного русского языка: Учеб. пособие. Владивосток: Изд-во Дальневосточного гос. ун-та, 2004. 260 с.

Источники

Coulter A. Guilty. Liberal “Victims” and Their Assault on America. New York.: Three Rivers Press, 2009. 311 p.

SYNTAGMATIC LEXICAL RELATIONS OF SOCIAL AND POLITICAL DISCOURSE IN AMERICAN JOURNALISM

O.A. Faraponova

Kuban State University, Krasnodar

This article considers the peculiarities of syntagmatic lexical relations of a sociopolitical discourse. The influence of a context on

word combinations is described. The examples are taken from the author's translation of the book "Guilty. Liberal "Victims" and Their Assault on America" by Ann Coulter, New York, 2009.

Index Terms: discourse, social and political text, syntagmatic relations, context, syntagma.

Об авторе:

Фарафонова Оксана Александровна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: kavuoksana@mail.ru

УДК 81'367.625:81'25

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГЕРУНДИЯ И ГЕРУНДИАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

С.А. Хизетль

Кубанский государственный университет, Краснодар

Данная статья посвящена герундию и герундиальным конструкциям. Рассмотрены возможные варианты их перевода на русский язык. Перевод примеров выполнен автором статьи.

Ключевые слова: художественный перевод, неличная форма глагола, герундий, герундиальная конструкция.

Художественный перевод – это не просто замена слов одного языка словами другого, а язык в художественных текстах – не просто средство передачи информации, он служит средством художественного воплощения, эстетически воздействует на читателя. Для данного жанра характерно отклонение от максимальной смысловой точности при переводе, гораздо важнее обеспечение художественности переведенного текста. Основная проблема заключается в том, что структуры разных языков различны. Так, например, в русском языке нет конструкций, аналогичных тем, о которых речь пойдет в данной статье. Таким образом, важно знать общепринятые способы перевода таких конструкций или

найти другое переводческое решение, если общепринятые способы по тем или иным причинам не удовлетворяют условиям перевода.

Е.А. Корнеева дает следующее определение герундию: «Герундий – неличная форма глагола, не имеющая аналога в русском языке. По назначению к нему ближе всего подходят русские отглагольные существительные типа чтение, хождение, умывание и т.п.» [2, с. 159].

Герундий, как и другие неличные формы глагола, лишь называет действие, не указывая лица и числа [3]. Употребление герундия помогает избежать использование придаточных предложений и создать более сжатое и краткое предложение.

Если в предложении имеем одиночный герундий, а не герундиальную конструкцию, то следует обратить внимание на то, какую функцию в предложении он выполняет. Герундий может выступать в следующих функциях: подлежащее; часть именного сказуемого; часть сложного глагольного сказуемого; дополнение (предложное и беспредложное); определение; обстоятельство времени, образа действия, цели, условия, причины, уступки, а также сопутствующего обстоятельства.

В функции подлежащего герундий, как правило, переводится существительным или инфинитивом, а, являясь частью составного глагольного сказуемого или дополнением в предложении, герундий может переводиться на русский язык инфинитивом, существительным или глаголом в личной форме в придаточном предложении:

“*I really don't mind staying a little late, Mr Vance,*” *she replied*. / «*Ничего страшного, если я немного задержусь, мистер Ванс*», – *ответила она*».

“*Marjorie had not intended discussing the matter with her cousin.*” / «*Марджори не собиралась обсуждать этот вопрос с кузеном*».

“*I thought of taking you over Tynewood Chase.*” / «*Я думал о том, чтобы отвезти тебя в Тайнвуд Чейс*».

В функции определения герундий переводится существительным в родительном падеже, инфинитивом или существительным с предлогом:

“But Mr Vance had an absent-minded trick of pressing the bell when the girl was not required.” / «Но у мистера Ванса была привычка по забывчивости нажимать на кнопку, когда помощь Марджори не была нужна.»

В случае, когда герундий выполняет функцию обстоятельства времени, он вводится союзами *on, upon, before, after, in, since* и переводится существительным, деепричастием либо личной формой глагола в придаточном предложении с союзами «когда», «после того, как»:

“ ‘Thank God he's gone!’ said Solomon Stedman when Pretoria Smith brought his tiny motor car to the steps of the office after seeing the visitor off.” / « “Слава богу, он уехал!” – сказал старик, когда Претория Смит вернулся, проводив гостя домой, и припарковал свой маленький автомобиль возле дверей офиса.»

В функции обстоятельства образа действия также используются при переводе существительное, деепричастие или глагол в личной форме в придаточном предложении. Герундий, выполняющий функцию обстоятельства цели, переводится существительным или инфинитивом. А в функции обстоятельства условия – существительным или личной формой глагола придаточного предложения. В функции обстоятельства причины используются предлоги *for; for fear of; from; owing to*, а при переводе на русский часто находим деепричастие, существительное с предлогом, инфинитив или личную форму глагола в придаточном предложении, которое вводится союзами «так как»; «что»; «из-за того, что». Герундий в роли обстоятельства уступки передается личной формой глагола, выступающего в роли сказуемого в придаточном предложении, а в функции сопутствующего обстоятельства используется с предлогами *without, besides, instead of, apart from* и переводится на русский деепричастием или глаголом в личной форме в придаточном предложении [1].

Пассивная и перфектная формы герундия в большинстве случаев переводятся придаточным предложением:

“ ‘I can't remember having met one,’ smiled Pretoria Smith.” / « “Не помню, чтобы встречал кого-то с подобной фамилией”, – улыбнулся Смит.»

Рассмотрим герундиальные конструкции, когда в предложении герундий используется в сочетании с притяжательным ме-

стоимением или существительным в притяжательном или общем падеже (в редких случаях местоимение может стоять в объектном падеже):

“You don't mind my staying on here, Mrs Stedman?” / «Вы не возражаете, если я останусь здесь еще некоторое время, миссис Штедман?»

Герундиальный оборот переведен придаточным предложением, которое соединяется с главным предложением посредством предлога «если». Притяжательное местоимение оборота (my) передано местоимением в личной форме (я) и выполняет функцию подлежащего в придаточном предложении, а герундий (staying) передан глаголом в личной форме и выполняет роль сказуемого. Рассмотрим следующий пример:

“Solomon apparently had ideas of his partner going to Kimberley to meet the visitor.” / «Соломон хотел, чтобы Смит встретил гостя в Кимберли.»

В данном примере также использовано придаточное предложение, в котором герундий передан глаголом в личной форме, выполняющим роль сказуемого, однако вводится это придаточное союзом «если».

Так, при переводе герундиального оборота чаще всего используется придаточное предложение, где притяжательное местоимение или существительное в притяжательном падеже выполняют функцию подлежащего в русском придаточном предложении, а сам герундий – функцию глагола-сказуемого в личной форме.

Выше были приведены примеры тех случаев, когда герундий и герундиальные конструкции переводятся теми способами, которые советуют в учебниках грамматики. Однако не всегда переводчик следует этим правилам. Иногда из-за особенностей контекста это не представляется возможным, в таких случаях необходимо найти тот вариант перевода, который подходит лишь для данного конкретного случая. Переводчик в этом случае пользуется «контекстуальной заменой»:

“It's worth making if you can get the grand sensation of having what you've tried for.” / «Все не впустую, если удалось обрести чувство, что ты добился именно того, к чему стремился всю жизнь.»

Таким образом, при переводе герундия или герундиальной конструкции необходимо определить их функцию. Далее можно руководствоваться общепринятыми способами перевода, используя для передачи неличной формы глагола существительное, инфинитив, деепричастие или личную форму глагола в придаточном предложении. Однако не стоит ограничиваться только этими способами. Выбор варианта перевода зависит от наличия в русском языке форм, которые соответствовали бы герундию или конструкции, а также от контекста. В некоторых случаях бывает разумным использовать такой вариант перевода, который не типичен в данном случае, однако благодаря которому перевод получается наиболее удачным и гармоничным.

Список литературы

1. *Беляева М.А.* Грамматика английского языка. М.: Высшая школа, 1977. 333 с.
2. *Корнеева Е.А.* Практическая грамматика английского языка: Инфинитив, причастие I, причастие II, герундий. СПб.: Издательство «Союз», 2004. 368 с.
3. *Митрошкина Т.В.* Неличные формы английского глагола: инфинитив, причастие, герундий: справочник. Минск: Тетра Системс, 2012. 96 с.

Источники

Edgar W. The Man Who Was Nobody. (Электронный ресурс) // URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks11/1100581.txt> (Дата обращения: 14.12.2017).

FEATURES OF GERUND AND GERUNDIAL CONSTRUCTIONS AND PECULIARITIES OF THEIR LITERARY TEXTS TRANSLATION

S.A. Khizetl

Kuban State University, Krasnodar

The article studies gerund and gerundial constructions. Possible ways of their translation into Russian are examined. The translation of the examples has been performed by the author of the article.

Index terms: literary translation, non-finite verb, gerund, gerundial construction.

Об авторе:

Хизетль Суанда Анзауровна – преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: hizetlsuanda@mail.ru

УДК 81'27

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ КРОСС-КУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

И.П. Хутыз

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматривается когнитивный характер кросс-культурной коммуникации. Отмечается важность когнитивной парадигмы в системе междисциплинарной природы исследований, которая стала актуальной во второй половине XX. Как следствие, понятия когниции, коммуникации и языка стали взаимосвязаны. На примере анализа ситуаций из академической среды показано, как ценностные ориентации, лежащие в основе формирования картины мира, насыщенной когнитивными структурами, влияют на процессы восприятия и обмена информацией. Сделан вывод о необходимости учета когнитивной специфики картины

мира адресата в процессе межкультурной коммуникации для успешной реализации коммуникативной интенции адресанта.

Ключевые слова: когнитивная парадигма, междисциплинарный подход, ментальные процессы, коммуникация, картина мира, культурные ценности.

В лингвистической науке XXI столетия закрепилось осознание того, что изучение и анализ языка и языковых явлений не может происходить изолированно от исследования явлений, рассматриваемых смежными научными направлениями. Как следствие, современная лингвистика охватывает целый спектр направлений, которые позволяют всесторонне и глубоко понять процессы, затрагивающие языковую специфику и речевую деятельность индивида. Появившиеся во второй половине XX века такие научные направления, как психолингвистика, социоллингвистика, этнолингвистика и др. обусловлены именно подобным пониманием сложности разграничения лингвистических и других факторов, влияющих на освоение и использование языка. Очевидно также, что язык тесно связан с мыслительными процессами представителей культуры, общества, с эмоциями, знаниями и формами их репрезентаций, отношениями и оценками, одним словом, многими другими «когнитивными подсистемами», ставшими фокусом когнитивной парадигмы, которая отрицает замкнутый характер лингвистики и: «рассматривает себя в связи с соседними науками, изучающими человека, его ум, его мозг, и даже тело» [2, с. 21].

Отметим, что подобный междисциплинарный подход, считающий неестественным существование науки в «чистом виде», как, например, представления языка в виде замкнутой самодостаточной системы, характерен для актуальной в настоящее время антропоцентрической парадигмы, в системе которой, в зависимости от требований реальности, объединяются понятия и исследования, которые ранее казались несовместимыми. Например, такое относительно молодое направление, как этнопедиатрия, в котором применяются научные достижения в области педиатрии, антропологии, психологии [14]. Развитие данного направления обусловлено формированием в современном глобальном обществе понимания о необходимости воспитания счастливых и самодостаточных людей с высоким уровнем социальной компетентности.

Существует мнение, что именно результаты, полученные в ходе сочетания целого ряда научных направлений, способствуют наиболее успешному процессу воспитания современных детей [12].

Подобный симбиоз теорий, практик, достижений целого ряда в первую очередь гуманитарных наук можно наблюдать и в лингвистике. Сложность и многогранность таких понятий, как дискурс, коммуникация, речевое воздействие не вызывает сомнения и, как следствие, данные области развиваются и обогащаются именно за счёт междисциплинарных исследований.

Особым статусом, как уже отмечалось выше, обладает когнитивная парадигма, которая в лингвистическом ключе не ограничивается непосредственно когнитивной лингвистикой, но играет, как нам кажется, значимую роль в любом гуманитарном направлении. Так, в рамках лингвистических исследований когнитивная парадигма значима для психолингвистики, социолингвистики, лингвопрагматики и т.д. Как отмечает У. Чейф, в центре когнитивных исследований находится мышление, изучение которого как раз располагает к междисциплинарной конвергенции. Например, при изучении интроспекции лингвистика позволяет выявить специфику языковой организации мышления, а психология укажет природу ментальных процессов, обобщит полученные результаты с точки зрения данной науки [9].

Неудивительно, что при изучении межкультурных вопросов, исследовании проблем кросс-культурного характера необходимо обращение к когнитивной парадигме. Напомним, что на новаторский характер когнитивной парадигмы указывала Е.С. Кубрякова, описывая ее посредством следующих параметров: «хронотопические рамки парадигмы; условия, предпосылки и мотивы ее появления; установки и цели; предметные области ее анализа; используемые здесь методики; эвалютивный (оценочный) аспект» [3, с. 9]. Отмечается также, что непосредственно в лингвистике имеет смысл говорить о когнитивно-дискурсивной парадигме, так как функциональный подход к исследованию языка, активизация коммуникативно-деятельностного и когнитивного анализа к языковым явлениям «поставили в фокус внимания ученых процессуальные аспекты речевой деятельности, сделав связную речь (дискурс) полноправным объектом лингвистического исследования [4, с. 41]. Основная установка данного подхода была сформули-

рована в концепции, в которой справедливо полагается, что процесс познания языка неизбежно должен осуществляться «на пересечении когниции и коммуникации» [4, с. 43].

Действительно, взаимосвязь трех компонентов – 1) когниции, объединяющей процессы познавательного характера, мышления, накопления знания, 2) коммуникации, в процессе которой происходит обмен знаниями с определенными установками, интерпретациями ситуации, и 3) языка, связывающего когнитивную деятельность человека с коммуникацией, позволяющего в процессе информационного обмена выразить человеку накопленный опыт, знания – очевидна. В данном контексте вполне уместно обращение к замечанию А.А. Кибрика, отметившего, «что попытки принципиального отделения языка от коммуникации, мышления и поведения малопродуктивны, искусственны, обусловлены лишь логикой развития науки, но никак не самой природой вещей. Вопрос о том, что входит в язык и в лингвистику, а что не входит и потому не заслуживает просвещенного интереса лингвистов, оказывается все менее интересным» [1, с. 134].

Все сказанное указывает на то, что при изучении разного рода коммуникативных процессов необходимо обращение к их когнитивной сути, определяющей интенцию коммуникантов в контексте ситуации, их реакции на обсуждаемые явления, категоризации и т.д. Объединяющим для указанных процессов становится термин «картина мира», который сводит в единое целое существующие в культуре (обществе) формы мироотношения, образуя схожую систему взглядов [5]. Данная система взглядов основана на ценностных ориентациях, которые далее определяют мировоззренческую специфику. Ценностные ориентации – это «совокупность убеждений и представлений личности об окружающем мире, позволяющих ей ранжировать все предметы и явления по их значимости для ее жизни» [6, с. 265]. Таким образом, жизненная организация человека и всей культуры зависит от ценностных ориентаций, понять которые можно при исследовании картины мира, реализуемой посредством дискурса. Соответственно, на уровне межкультурного взаимодействия различия в ценностных ориентациях, в мотивациях и интерпретациях, безусловно, могут вызывать сложности при достижении взаимопонимания. Нежелание коммуникантов понять истоки поведенческих

установок, что возможно при обращении к картине мира и наполняющих ее форм когнитивного опыта человека (фреймы, сценарии, концепты), обрекает подобное взаимодействие на коммуникативный провал, непонимание моделей поведения, полное отсутствие способности их прогнозировать и объяснять.

Интерпретация смыслов, явлений любой профессиональной среды обусловлена спецификой картин мира коммуникантов. Само прагматическое (т.е. коммуницируемое) значение имеет когнитивную основу в силу того, что контексты могут по-разному истолковываться индивидами, а значения, передаваемые в этих контекстах, по-разному интерпретироваться. Для эффективной (особенно кросс-культурной) коммуникации адресанту необходимо уметь оценивать адресата – его знания, интересы, отношения и т.д., то есть предпринимать действия, которые имеют когнитивную природу [7].

Несоответствие ценностей, типичных для одних культур, но существенно отличных от ценностей других культур, заставляет создателей рекламы адаптировать рекламные ролики именно к конкретной культуре или группам схожих культур, принимая во внимания специфику их картины мира, т.е. в зависимости от того, как они категоризируют мир, что для них является важным. Так, то, что в одной культуре кажется спонтанным, романтичным, как, например, когда герой рекламы берет цветы со стола в летнем кафе и дарит их при встрече своей девушке, покажется воровством и в целом неуместным поведением в другом обществе [11].

Очевидно, что профессиональная среда каждой культуры характеризуется спецификой обмена информацией, взаимодействия. Именно поэтому при создании совместных предприятий, проведении международных проектов важно учитывать различия в картине мира представителей этих культур, что подразумевает исследование когнитивных образований – концептов в первую очередь.

В академической среде показательным в этой связи может быть отношение различных культур к явлению плагиата, с которым активно стали бороться в российской системе образования в начале XXI века (особенно в сфере академического письма). Однако, как оказывается, оценка данного явления зависит от культуры, а понятие академической честности (*academic integrity*)

обусловлено коллективными ценностями, а также экономическими, политическими и культурными факторами [13]. В качестве примера связи явления плагиата с экономическими факторами исследователи указывают, что в советском пространстве у людей отсутствовало представление о собственности как таковой, не говоря уже об интеллектуальной собственности [13], которая не являлась частью картины мира людей той эпохи, не была представлена когнитивными категориями – концептами, фреймами и т.д. В.Е. Чернявская называет плагиат социокультурным феноменом и формой «коммуникативно-речевой деятельности» и отмечает, что отношение к данному явлению имеет «культурно-обусловленный характер»: «Существенную роль играют традиции, культурно-специфические нормы и правила научного общения, вариативные в различных национальных сообществах» [10, с. 29].

Структура и представление, продвижение научного труда также связаны с местом науки, образования в картине мира представителей культуры, ассоциативными полями и другими, уже упомянутыми выше когнитивными структурами, позволяющими понять, что значит в данном обществе хорошее образование, для чего его получают, зачем люди занимаются наукой и как они представляют результаты своего труда. Примером может служить типичное для некоторых культур представление о том, что наука не может быть понятной для всех. Как следствие, научные статьи сложны для восприятия теми, кто не связан с данной конкретной областью исследования, а дискурс ставит в фокус идеи автора о подаче информации (не читателя). В тех культурах, в которых активно популяризуется наука, а ученые конкурируют за различного рода внимание аудитории, пытаясь расширить ее численность (например, англосаксонская культура), в центре внимания адресанта – знания и интересы потенциального читателя, которые всячески старается учесть автор статьи. Для подобного дискурса характерны детальные разъяснения, подробный анализ многочисленных примеров, обобщения и т.д. [8]. Данные когнитивные различия важно учитывать ученым при публикации научных трудов в зарубежных, как правило, англоязычных научных журналах: необходим не только перевод работы с русского на английский язык, но и ее полная дискурсивная адаптация под англоязычные ценностные ориентации, связанные с академиче-

ским миром. Под полной дискурсивной адаптацией мы понимаем в первую очередь избрание автором соответствующих традициям принимающей культуры языковых форм: в англоязычном научном дискурсе допускается, как правило, употребление местоимения *I* (я), некоторые термины, например, «языковая личность» не типичны для англоязычного дискурса. Соответственно, употребляется ближайший эквивалент, который будет понятен целевой аудитории на международном уровне (*identity*). Также англоязычный научный труд значительно отличается структурно от традиционного русскоязычного исследования и т.д.

Итак, как показывают современные теоретические исследования в области межкультурной коммуникации, общей теории коммуникации, теории дискурса и т.д., а также анализ практических ситуаций действительности, для понимания процессов информационного обмена важно изучать картину мира адресата, ее когнитивное наполнение. Когнитивная специфика становится еще более важной в процессе межкультурной коммуникации в силу более ощутимых различий картины мира адресанта и адресата и должна быть принята во внимание для успешной реализации коммуникативной интенции.

Список литературы

1. Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования. М.: ИП РАН, 2010. № 4. С. 134–152.
2. Кибрик А.А., Кошелев А.Д. Когнитивная лингвистика – в поисках единства // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 21–25.
3. Кубрякова Е.С. Понятие «парадигма» в лингвистике: введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 4–14.
4. Лузина Л.Г. О когнитивно-дискурсивной парадигме лингвистического знания // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 40–48.
5. Пименова М.В. Языковая картина мира. М.: Флинта, Наука, 2014. 108 с.
6. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Юнити, 2004. 271 с.

7. Хутыз И.П., Духовная Т.В. О когнитивной природе формирования и интерпретации прагматического значения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 1 (79), Ч. 2. С. 390–392.
8. Хутыз И.П. Особенности конструирования академического дискурса: ориентация на читателя / автора // Вестник Майкопского гос. техн. ун-та. Майкоп, 2015. Вып. 1. С. 77–82.
9. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60–88.
10. Чернявская В.Е. Плагиат как социокультурный феномен // Известия Санкт-Петербургского гос. эконом. ун-та, 2011. № 3. С. 26–31.
11. Gibson R. Intercultural Business Communication. Oxford: Oxford University Press, 2008. 111 p.
12. Gross-Loh C. Parenting without Borders. New York: Avery, 2014. 320 p.
13. Rusikoff K., Fucaloro L., Salkauskiene D. Plagiarism as a Cross-Cultural Phenomenon // The Catesol Journal, 2003. № 15 (1). P. 127–142.
14. What is “ethnopediatrics”. (Электронный ресурс) // URL: <https://findwords.info/term/ethnopediatrics> (Дата обращения: 24.02.2018).

THE COGNITIVE BASIS OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

I.P. Khoutyz

Kuban State University, Krasnodar

The article examines a cognitive nature of cross-cultural communication. It is stressed that a cognitive paradigm has begun to play a special importance in interdisciplinary research in the second half of the 20th century. As a result, the notions of cognition, communication and language have become interconnected. The examples of situations from academic environment show that values form our worldview that is molded by cognitive structures and affect the way we interpret and

present information. In conclusion, it is pointed out that cognitive specifics of the addressee's worldview should be taken into consideration by the addresser to successfully realize his/her communicative intention.

Index terms: cognitive paradigm, interdisciplinary approach, mental processes, communication, world view, cultural values.

Об авторе:

Хутыз Ирина Павловна – доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой прикладной лингвистики и новых информационных технологий Кубанского государственного университета; e-mail: ir_khoutyz@hotmail.com

УДК 81'42

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТРАТЕГИЙ И ТАКТИК

М.В. Шатских

Кубанский государственный университет, Краснодар

В статье рассматриваются стратегии и тактики политического дискурса. Выделены стратегические функции политического текста. Представлен дискурсивный характер стратегий и тактик. Отмечается, что суть таких тактик и стратегий заключается в действиях над знаниями получателя, его ценностными категориями, волей и эмоциями.

Ключевые слова: коммуникация, политический дискурс, персуазивность, реципиент, стратегия, тактика, текст, картина мира, манипуляции.

Политический дискурс, являясь разновидностью дискурса персуазивного, несет на себе специфику манипуляции, которая отражена в оказании коммуникативного воздействия на получателей сообщения и имеет своей целью внесение когнитивных изменений в картину мира реципиента. Такие персуазивные манипуляции влекут за собой изменение диспозиций и деятельности

реципиента в пользу отправителя сообщения. Исследователи определяют персуазивность как воздействие отправителя письменного или устного сообщения на его получателя с интенцией убеждения в чем-либо, призыва к совершению или не совершению получателем определенных действий. В случае персуазивной коммуникации коммуникант намеренно производит высказывания, направленные на вызов определенных реакций у получателей сообщения [7].

При изучении стратегических функций политического текста, выделяют следующие:

- идеологическая функция, которая заключается в том, чтобы рассмотреть сложившееся положение, выявить конкретные проблемы и методы их решения;
- уверение аудитории в безупречности поставленных вопросов и представленных способов их урегулирования;
- привлечение интереса;
- привлечение публики на поддержание идей автора [2, с. 383].

Функция привлечения интереса к тексту играет очень важную роль, несмотря на то, что является факультативной. Эта функция является ключевой для некоторых разновидностей политического текста (к примеру, прокламация). Если информационное наполнение листовки не отложится в голове в ближайшее время, то вряд ли оно вспомнится позже. Такая же ситуация складывается и с политическими выступлениями: если оратор (или его речь) не сможет заинтересовать аудиторию на первых порах, то результат от этого выступления будет минимальный.

Следовательно, одна из важнейших целей политика заключается в том, чтобы в первую очередь оказать влияние на аудиторию, убедить ее в истинности своей точки зрения, адекватности своего представления общества и проблемы, а также в том, что именно в такой представленной действительности существует возможность разрешить эти вопросы наилучшим путем для аудитории. На втором этапе выступающий должен предложить вниманию публики ситуацию, сложившуюся на текущий момент, и описать ее таким образом, чтобы в конечном итоге обнаружилось общее между представлением ситуации оратора и аудитории. Третьим шагом автору предстоит привести неоспоримые доказа-

тельства того, что его предложенные методы по разрешению актуальных для аудитории вопросов являются лучшей альтернативой из существующих.

Коммуникативное воздействие оказывается посредством дискурсивных стратегий и тактик. Суть таких тактик и стратегий заключается в действиях над знаниями получателя, его ценностными категориями, волей и эмоциями. О.Л. Михалева предложила типологию стратегий политического дискурса, на которую мы опираемся в своем исследовании: стратегия на понижение, стратегия на повышение и стратегия театральности [6].

На наш взгляд, такая классификация дает возможность довольно полно и разносторонне рассмотреть те стратегии и тактики, которые используются в политическом дискурсе для воздействия на получателей речей.

Обратимся к стратегии на понижение, которая направлена на дискредитацию политического оппонента. Такая стратегия предполагает использование тактик эксплицитного или имплицитного выражения негативного отношения к предмету дискурса. Для того чтобы ослабить позиции оппонента и выразить отрицательное отношение к предмету разговора, используются следующие тактики:

1. Тактика анализ-«минус» заключается в описание ситуации, которое основывается на отрицательном отношении к данной проблеме. При этом, тем не менее, отправитель сообщения заявляет о своем недовольстве непрямолинейно. Огромное значение имеет использование тех или иных средств, выражающих отношение автора имплицитно [6].

2. Тактика обвинения состоит в приписывании кому бы то ни было вины, изображении оппонента и ситуации в отрицательном свете. Автор пытается обличить противника, представить всем негативные черты личности и интенции. Для осуществления данной тактики используются лексические единицы с негативными оценочными коннотациями. Нередко обвинение может быть абсолютно голословным и бездоказательным, но все же подобная тактика используется многими политиками [6].

3. Тактика безличного обвинения используется в ситуациях, когда обвиняемый не называется открыто. Автор может изображать ситуацию в негативном свете, при этом он не называет того,

кто в этом виноват. Говорящий использует грамматические и лексические средства с достаточно широким значением. Используя синтаксические и лексические средства такого рода, политик оказывается в крайне выгодном положении, так как ему удастся приумножить впечатление от противопоставления групп «свой» и «чужой». Наряду с этим группа «свои» автоматически получает все положительные атрибуты, в то время как «чужие» оказываются в невыгодном положении и представляются весьма негативно. Группа «чужие» включает в себя достаточно широкий круг людей, а не только оппонирующую партию или политика. Такого рода оппозиция обуславливается существованием общих интересов у представителей данных групп. Следовательно, политик при обращении к слушателям или читателям как к членам собственного круга, порождает у аудитории чувство единства и выдает собственные интересы за интересы группы. Такая тактика оппозиции используется достаточно часто, что объясняется эффективностью и простотой ее применения. Для каждой целевой аудитории политический деятель может подобрать определенную характеристику, которая будет использовать фактор объединения [5].

4. Тактика обличения предполагает обвинение противников, однако не голословное, как в тактике обвинения, а подтвержденное аргументами и фактами, доказывающими виновность определенного человека. Специфической чертой тактики обличения является директива на явственную вину, приписываемую автором оппоненту [1].

5. Тактика угрозы – это прямое запугивание противника, обещание ему будущего наказания [1].

Таким образом, тактики, реализующие стратегию на понижение, являют собой имплицитно и эксплицитно выраженное негативное отношение к оппоненту, предмету или ситуации коммуникации.

Обратимся к стратегии на повышение, для которой характерно желание говорящего возвысить себя в глазах аудитории, показать свою значимость. Для реализации стратегии на повышение используются следующие тактики:

1. Тактика анализ-«плюс» подразумевает описание ситуации, имплицитно выражающее позитивное отношение автора к предмету или ситуации коммуникации [6].

2. Тактика презентации состоит в представлении определенного человека или политика в положительном свете. Отправитель сообщения при помощи языковых средств с положительной коннотацией, представляет положительные черты объекта коммуникации. Особым видом тактики презентации считается тактика самопрезентации, в случае использования которой политик представляет себя и партию в самом выгодном свете [6].

3. Тактика отвода критики заключается в использовании аргументов, позволяющих нивелировать вину за тот или иной поступок. Отправитель сообщения отрицает или дистанцируется от участия в определенной невыгодной ему ситуации, а также пытается оправдаться перед аудиторией [6].

Исследуя политические тексты, особенно предвыборные речи, нельзя не обратиться к стратегии театральности. Так как в политическом дискурсе есть так называемый адресат-наблюдатель, например, избиратель, политическая коммуникация стремится быть наиболее зрелищной. Воздействие на получателя при использовании данной стратегии очень эмоционально. Рассмотрим тактики, реализующие данную стратегию.

1. Тактика побуждения – это тактика, при которой отправитель сообщения побуждает адресатов к тем или иным действиям, пытаясь убедить их в том, что именно его точка зрения является правильной. Тактика побуждения сочетается с другими тактиками, к примеру, с тактикой презентации или самопрезентации. Естественно, что для того чтобы побудить реципиента к действию, политик должен презентовать себя с наиболее выгодной стороны, добиться доверия у аудитории [6].

2. Тактика размежевания представляет собой введение оппозиции «свои – чужие», характерной для политической коммуникации. Политик, который пользуется данной тактикой, старается создать у потенциального избирателя представление, что он не связан с негативными событиями, и отстраниться от действий бесчестного оппонента [6].

3. Тактика обещания состоит в том, что политический деятель берет на себя обязательство что-либо осуществить. При

этом, оптимальным способом реализации тактики обещания является применение глаголов совершенного вида будущего времени [6].

В свою очередь Т.А. ван Дейк подчеркивает, что для политического дискурса характерно наличие семантических стратегий. Согласно ученому, семантическая связность «зависит от наших знаний и суждений о том, что возможно в этом мире» [3, с. 127].

В политическом дискурсе выделяется довольно много стратегий и тактик. При этом единой классификации данных тактик и стратегий не существует. По мнению И.А. Дьяченко, ни одна из существующих на настоящий момент классификаций не может считаться завершенной и исчерпывающей. Так как политический дискурс – это явление динамическое, цели политической коммуникации меняются и требуют новых и более действенных языковых способов достижения, список тактик, стратегий и технологий является открытым и пополняемым [4, с. 23].

В заключение отметим, что речь является сильнейшим средством воздействия, что наиболее ярко иллюстрируется политическим дискурсом. Средства речи в рамках использования той или иной стратегии политического дискурса предоставляют широкие возможности для воздействия на аудиторию.

Список литературы

1. *Акопова Д.Р.* Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6 (1). С. 403–409.
2. *Алтунян А.Т.* Анализ политических текстов: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 383 с.
3. *Дейк ван Т.* Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БКБ им. И.А. Бодуэна де Кутернэ, 2000. 308 с.
4. *Дьяченко И.А.* Функционально-прагматическая специфика политического дискурса // Основные проблемы гуманитарных наук: Сб. науч. тр. по итогам международной научно-практической конференции. Волгоград: Издательство «Спецкнига», 2014. 72 с.
5. *Иссерс О.С.* Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

6. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.

7. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. М.: Флинта: Наука, 2006. 134 с.

POLITICAL DISCOURSE THROUGH ITS STRATEGIES AND TACTICS

M.V. Shatskih

Kuban State University, Krasnodar

The article discusses strategies and tactics of political discourse. The strategic functions of the political text are singled out. The discursive nature of strategies and tactics is presented. It is noted that the essence of such tactics and strategies lies in the actions applied on the recipient's knowledge, his/her value categories, will and emotions.

Index Terms: communication, political discourse, persuasiveness, recipient, strategy, tactics, text, world view, manipulation.

Об авторе:

Шатских Марина Викторовна – преподаватель, КФУ им. Вернадского, Таврическая академия, Республика Крым, г. Симферополь; соискатель кафедры французской филологии Кубанского государственного университета; e-mail: kff-kubsu@yandex.ru

УДК 81'42:792

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС О. УАЙЛЬДА

О.В. Шукина

Кубанский государственный университет, Краснодар

В данной статье рассматривается театральный дискурс О. Уайльда. Материалом для анализа послужила комедия автора «Как важно быть серьезным» в переводе И. Кашкина. Выявляют-

ся характерные жанровые, вербальные, визуальные особенности, которые автор использует для создания комического эффекта.

Ключевые слова: комедия, фарс, остроумный разговор, вербальный юмор, визуальный юмор.

Комедии Оскара Уайльда имели огромный успех при первом своем появлении в конце девятнадцатого века, но и сейчас их постановки неизменно привлекают публику. О. Уайльд с помощью своих героев показывает силу красивого слова, изящного оборота речи, блеск остроумия. Интеллектуальная игра автора подобна фейерверку, ярко освещающему разноцветными красками то, что находится в тени. В комедиях писатель касается тем, родственных проблемной драматургии, например, семейные конфликты, однако у него драматические сюжеты оборачиваются своей комической стороной. В данной статье предпринята попытка анализа театрального дискурса О. Уайльда на примере его комедии «Как важно быть серьезным» (1895) в переводе И. Кашкина.

Еще до первых реплик актеров становится очевидно, что действие пьесы происходит в высшей сфере общества: комната «обставлена роскошно и со вкусом, слышатся звуки фортепиано, слуга накрывает стол к чаю» (Уайльд, с. 531). Остальная часть пьесы лишь подтверждает первое впечатление: герои образованные, богатые люди, большинство из которых не работает; действие переходит из роскошной квартиры холостяка в загородный дом; в тексте пьесы полно ссылок на места, интересы, привычки, предрассудки и стремления средних/высших классов британской аудитории конца девятнадцатого века. Аудитория О. Уайльда узнавала себя в его героях, в том, как они говорили и одевались, в обстановке комнат, и, что более важно, в притворстве, надменности, заносчивости, понятиях «соответствующего поведения», с помощью которых О. Уайльд создавал комический хаос.

Комедия «Как важно быть серьезным» с самого начала, то есть с названия “The Importance of Being Earnest” и подзаголовок “A Trivial Comedy for Serious People” (Легкомысленная комедия для серьезных людей), озадачивает аудиторию парадоксальностью. Почему данная комедия заявляет о теме серьезности, и стоит уточнить значение слова “earnest” в английском языке в этом

отношении – «решительный, крайне серьезный» [2, р. 401], то есть положительного морального качества, притом, что подзаголовок говорит об обратном – легкомыслие и серьезность вещи несовместимы. Талант О. Уайльда раскрывается уже в этих двух строках: всего два предложения блестяще раскрывают суть пьесы, то есть важность истинных жизненных ценностей, таких как честность, благопристойность, доброта, будет показана и донесена до зрителя через призму фарса, легкого, беззаботного, но, несомненно, чрезвычайно остроумного. Ведь кроме смыслового парадокса в названии автор прибегает и к игре слов (“earnest” – серьезный [4, р. 760] и “Earnest” – Эрнест, мужское имя), что придает дополнительный сатирический оттенок комедии. В конце пьесы О. Уайльд привлекает внимание аудитории к игре слов еще раз. Например: “*JACK On the contrary, Aunt Augusta, I’ve now realized for the first time in my life the vital Importance of Being Earnest.*” (Wilde, p. 307) / «Джек. Что вы, тетя Августа, наоборот, впервые в жизни я понял, как важно Эрнесту быть серьезным!» (Уайльд, с. 590).

А. Зверев во вступительной статье «Портрет Оскара Уайльда», описывая сущность комедий О. Уайльда совершенно справедливо отмечает, что они «покоряли естественностью и тонкостью переходов от бурлеска к ситуациям довольно драматическим, хотя и завершающимся благополучно, – словом, той неподдельной свободой и невымученной иронией, которые являются первыми условиями комического искусства» [1, с. 15]. В пьесе «Как важно быть серьезным» трагические события, предшествующие времени действия пьесы, исчезновение ребенка из-за рассеянности гувернантки Мисс Призм, находят благополучное завершение в конце пьесы. Несмотря на драматическую природу происшествия, О. Уайльд подает ее легко, заставляет зрителя непроизвольно улыбнуться, когда обнаруживается, что ребенка перепутали с рукописью трехтомного романа и положили в саквояж: “*JACK (in a pathetic voice) Miss Prism, more is restored to you than this hand-bag. I was the baby you placed in it.*” (Wilde, p. 305) / «Джек (торжественно). Мисс Призм, нашелся не только саквояж. Я – младенец, которого вы в нем потеряли.» (Уайльд, с. 588).

Правильное восприятие комедии напрямую зависит и от актерского исполнения, ведь именно оно доносит до зрителя визу-

альные тонкости пьесы. В этой связи нельзя не отметить игру Эдит Эванс в роли леди Брэкнелл, когда актриса внесла свою лепту в успех комедии в двадцатом веке, благодаря своей великолепной интерпретации фразы “A haaaand-baaaaag!” [3].

В комедии «Как важно быть серьезным» О. Уайльд демонстрирует свой исключительный талант блестящего собеседника. Его диалог является мастерским даже тогда, когда построен на «пустом» месте. Именно остроумный диалог является характерной чертой пьесы, ее основным источником юмора (в пьесе имеются всего лишь несколько кратких моментов, когда герой находится на сцене в одиночестве). С первого диалога между Алджерноном и Лэйном очевидно, что главная роль в пьесе отводится остроумному разговору (repartee) [4, p. 1074], когда герои пьесы соревнуются с друг другом в островах, создавая искусные комментарии к любому произнесенному высказыванию. Это относится ко всем героям пьесы, нелепым, смехотворным персонажам, таким как леди Брэкнелл, мисс Призм, каноник Чезюбл, которые могут представляться только жертвами такого юмора.

Пример: “*JACK How utterly unromantic you are! ALGERNON I really don't see anything romantic in proposing. It is very romantic to be in love. But there is nothing romantic about a definite proposal. Why, one may be accepted. One usually is, I believe. Then the excitement is all over. The very essence of romance is uncertainty.*” (Wilde, p. 254–255) / «Джек. В тебе нет ни капли романтики. Алджернон. Не нахожу никакой романтики в предложении. Быть влюбленным – это действительно романтично. Но предложить руку и сердце? Предложение могут принять. Да обычно и принимают. Тогда прощай все очарование. Суть романтики в неопределенности.» (Уайльд, с. 533).

В следующем диалоге Гвендолен насмехается над Сесили, пытаясь показать свое превосходство. Сесили говорит о своем желании вести беседу откровенно, поставив себя в пример: “When I see a spade I call it a spade”. Гвендолен, используя данное предложение собеседницы, строит ответ-насмешку, и автор, в скобках, подсказывает это: “*CECILY Do you suggest, Miss Fairfax, that I entrapped Earnest into an engagement? How dare you? This is no time to wear shallow mask of manners. When I see a spade I call it a spade. GWENDOLEN (satirically) I am glad to say that I have nev-*

er seen a spade. It is obvious that our social spheres have been widely different.”(Wilde, p. 288–289) / «Сесили. Не меня ли вы обвиняете, мисс Ферфакс, в том, что я вынудила у Эрнеста признание? Как вы смеете? Теперь не время носить маску внешних приличий. Если я вижу лопату, я и называю ее лопатой. Гвендолен (насмешливо). Рада довести до вашего сведения, что я никогда в жизни не видела лопаты. Совершенно ясно, что мы возвращаемся в различных социальных сферах.» (Уайльд, с. 588).

Комедия «Как важно быть серьезным» поднимает определенное число серьезных вопросов: класс и деньги, снобизм и упадок аристократии, любовь и брак. Пьеса затрагивает темы, которые потенциально болезненны: обман, смерть, потеря ребенка. Многие проблемы возникают случайно, но некоторые неотделимы от сюжета. Однако сказать однозначно, что данная пьеса раскрывает какую-то одну тему, будет ошибочно, потому что в первую очередь пьеса «Как важно быть серьезным» является комедией. А превосходной ее делает сочетание фарса, сатиры, визуального и словесного юмора, так виртуозно созданного О. Уайльдом.

Список литературы

1. Уайльд О. Избранное. Москва: Художественная литература. 1986. 639 с.
2. Dictionary of English Language and Culture. England: Longman. 1992. 1528 p.
3. The Importance of Being Earnest and other plays. (Электронный ресурс) // URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gv9NER1xOkU> (Дата обращения: 26.01.2018).
4. The Oxford Russian-English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2000. 1283 p.

Источники

- Уайльд О. Избранное. М.: Художественная литература, 1986. 639 с.
- Wilde O. The Importance of Being Earnest and other plays. Oxford: Oxford University Press, 1998. 368 p.

THE THEATRICAL DISCOURSE OF O. WILDE

O.V. Shukshina

Kuban State University, Krasnodar

The given article considers the theatrical discourse of O. Wilde. O. Wilde's comedy "The Importance of Being Earnest" is introduced as the material for the research. The translation of the play is performed by I. Kashkin. The article analyzes specific genre, verbal and visual features that O. Wilde uses to create humorous effect.

Index terms: comedy, farce, repartee, verbal humour, visual humour.

Об авторе:

Шукина Ольга Валерьевна – старший преподаватель кафедры теории и практики перевода Кубанского государственного университета; e-mail: theory@rgf.kubsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
<i>Агафонова Н.Т.</i> Лингвокультурологический компонент учебного пособия “Welcome to the English-Speaking World!”	5
<i>Александрович Н.В.</i> Авторская метафора в названии художественного текста как единица перевода	11
<i>Бронник Л.В.</i> Дискурсивный акт как минимальная единица дискурса.....	19
<i>Велиева Г.А.</i> Типы отношений лексических единиц при переводе художественного текста.....	27
<i>Винник Ю.В.</i> Стратегия как доминанта диалогического взаимодействия в коммуникации	32
<i>Гайдуков В.Г.</i> Коллоквиализмы в художественном тексте в аспекте синтагматики и парадигматики.....	38
<i>Гейвандян Л.Э.</i> Языковые особенности публицистического дискурса	48
<i>Гриненко К.М., Грушевская Т.М.</i> Структурно-синтаксический уровень оценки в дискурсе предметной области «Дегустация вина».....	52
<i>Грушевская Е.С.</i> Педагогический дискурс: диалогическое пространство адресата и адресанта	59
<i>Дармодехин С.В.</i> Дискурс переговорного процесса	65
<i>Дармодехина А.Н.</i> Технические инновации в поэтическом языке Д.М. Хопкинза.....	71
<i>Затынайченко К.В.</i> Специфика реализации персуазивной стратегии сыщиком непрофессионалом (на материале произведения Жоржа Сименона “Le petit docteur”)	84
<i>Зеленская В.В.</i> Коммуникативный дискурс: специфика взаимодействия участников в диалоге/полилоге	91
<i>Зеленская В.В., Канон И.А.</i> Художественный дискурс: речевой портрет главы семейства (на материале романа Марселя Арлана «Родная земля»)	98

<i>Канон И.А.</i> Отражение французского национального характера в языке	107
<i>Касьянова З.С.</i> Семантика предлогов: грамматические и лексические составляющие	114
<i>Королев И.О.</i> Лексико-синтаксические особенности перевода в нефтегазовом дискурсе	120
<i>Лукс И.Г.</i> Категория интеррогативности: содержание и структура	126
<i>Манакина В.М.</i> Синтагматические отношения в юридическом и медицинском контексте.....	132
<i>Назаренко И.А.</i> Лингвистический феномен s-mobile	138
<i>Письменная Н.Я., Котик О.В.</i> Адаптация латинской лексики в процессе обучения французскому языку в вузе	147
<i>Погодаева С.А.</i> Речевое воздействие как регулятор поведения адресата во французском туристическом дискурсе	153
<i>Поповская В.Б.</i> Когнитивно-прагматические особенности англицизмов в рекламном дискурсе	159
<i>Сараева К.И.</i> Некоторые проблемы изучения устного латинского дискурса.....	167
<i>Сизонова Д.Ю.</i> Выбор переводческих соответствий с учетом синтагматического плана текста.....	174
<i>Фарапонова О.А.</i> Синтагматические отношения в лексике общественно-политического дискурса на примере американской публицистики	179
<i>Хизетль С.А.</i> Особенности перевода герундия и герундиальных конструкций на примере художественного текста.....	185
<i>Хутыз И.П.</i> Когнитивные основы кросс-культурной коммуникации	190
<i>Шатских М.В.</i> Политический дискурс через призму стратегий и тактик	198
<i>Шукина О.В.</i> Театральный дискурс О. Уайльда	204

Научное издание

**ДИСКУРС В СИНТАГМАТИКЕ
И ПАРАДИГМАТИКЕ**

Сборник научных трудов

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 23.04.18. Формат 60×84 1/16
Бумага тип. № 1. Печать цифровая. Уч.-изд. л. 13,3
Тираж 500 экз. Заказ № 3325

Кубанский государственный университет
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Издательско-полиграфический центр КубГУ
350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.